
Качканарские грани

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

№4

2015

г. Качканар
2015

Как быстро летит время... Как глубока память... Память, сохранившая трагедию войны, боль, горе, страдания миллионов людей...

Победа! Великая! Общая на весь мир! Сотканная из дней и ночей, отчаяния и веры, помыслов и поступков людей, волею судьбы оказавшихся перед выбором жизни и смерти, принявших ответственность за Человечество, за страну, свою родину, за семью, родных и близких...

70 лет прошло со дня исторической капитуляции. День за днем колесо времени продолжает забирать от нас очевидцев тех героических событий, оставляя лишь воспоминания о всех вместе и каждом в отдельности.

Подвиг народа - это жизнь каждого, состоящая из калейдоскопа событий и поступков, многие из которых забываются, а некоторые обретают вечность в памяти поколений.

Истории о людях, наших земляках, о простом и сложном, о будничном и вечном. Качканарские грани на изломе эпох как связь поколений.

Чтобы помнили... Чтобы чтили... Чтобы гордились...

Низкий поклон вам, Герои! За жизненный подвиг! За мир без фашизма! За Качканар – молодой и прекрасный, пропитанный Славой вашего поколения. Поколения Победителей и Созидателей!

С.Набоких,

Глава Качканарского городского округа

**КАЧКАНАРСКИЕ
ГРАНИ**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
-------------------	---

СОЛДАТСКИЕ МЕМУАРЫ

Иван СЕМЕНОВ ВСПОМИНАЯ БОЕВЫЕ ЭПИЗОДЫ	11
--	----

Виталий СМИРНОВ ОТ КУРСКА К ДНЕПРУ	18
---	----

Александр РАСКОВАЛОВ МОЙ ПУТЬ «ОТ П ДО П»: ОТ ПРОХОРОВКИ ДО ПРАГИ	31
--	----

Борис ТРУБИН ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ БАТАЛЬОН	36
--	----

ТЫЛ – ФРОНТУ

По страницам газеты «ПРИИСКОВЫЙ РАБОЧИЙ» «ПОМОЧЬ КРАСНОЙ АРМИИ БЫСТРЕЕ РАЗГРОМИТЬ ФАШИСТСКУЮ ГАДИНУ!»	50
--	----

ЗЕМЛЯКИ-ГЕРОИ

Михаил ТИТОВЕЦ ЧТОБЫ ЗНАЛИ И ПОМНИЛИ	56
---	----

Надежда БОЛОТОВА ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА А.В.РОГОЗИН	63
--	----

ФАМИЛИЯ НА МЕМОРИАЛЕ

Олег ОРЕХИН ПОГИБ В БОЯХ ЗА РОДИНУ	71
---	----

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ВОЙНЫ

Екатерина ДОЛГИХ, Екатерина ТАСКАЕВА УСТИНЬЯ МОТУЗОВА	74
--	----

ПОБРАТИМЫ

Наталья ПОЛТАВЕЦ

МОЛОДЕЧНО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 83

ДЕТИ ВОЕННОЙ ПОРЫ

Леонид ШАШМУРИН

ЛЁНЬКА 88

Галина КРАСНОПЕВЦЕВА

АЛЕШКИНО ДЕТСТВО, ИЛИ О ХАТЕ, КОТОРАЯ С КРАЮ 119

Нина РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

ЖИЛА-БЫЛА ДАША 128

ПОЭЗИЯ

Вениамин БАЛУЕВ

О ТВОРЧЕСТВЕ 135

РАЗДУМЬЯ 135

ТРУДНО НАМ С ПРОШЛЫМ СВОИМ РАССТАВАТЬСЯ 136

НОВЫЙ ГОД 136

БОЛЬШАЯ УЛИЦА 136

БЕРЕЗОНЬКА 137

И ОКОНЧЕН СКАЗ 137

Степан ПИТАТЕЛЕВ

Я – РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК 138

НА ВОЙНЕ 139

НА ФРОНТЕ ЗАТИШЬЕ 139

ПОБЕДНЫЙ МАЙ 139

СОЛДАТЫ В ГРАНИТНЫХ ШИНЕЛЯХ 140

ТОВАРИЩИ МОИ 140

РАЗДУМЬЯ 141

Николай СЕМЕНОВ

<i>Я – СЫН РОССИИ</i>	142
<i>НЕ ПОНАСЛЫШКЕ ЗНАЮ О ВОЙНЕ</i>	143
<i>ШЛИ МЫ В БОЙ</i>	143
<i>ПУСТЬ ОТОМСТИТ!</i>	144
<i>НЕ СДАВАЙТЕСЬ, ВЕТЕРАНЫ!</i>	144
<i>БРАТУ, ЗАЩИТНИКУ МОСКВЫ</i>	145

Людмила АНДРЕЕВА

<i>ЕЕ ПОДВИГ СВЯТОЙ</i>	145
<i>ПАРАД ПОБЕДЫ</i>	147
<i>СОРОК ПЯТЫЙ</i>	148

Алексей БАШКИРОВ

<i>УРЕЗАННОЕ ДЕТСТВО</i>	148
<i>СОЛДАТ РОССИИ</i>	149
<i>Я ПОМНЮ БОЙ</i>	150
<i>ПОБЕДНАЯ ВЕСНА</i>	152
<i>БЫЛА ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА</i>	153
<i>ПОЛИТРУК</i>	154

Людмила ВЛАСОВСКИХ

<i>ДЯДЯ ВАНЯ</i>	157
<i>СТАРШИНА</i>	158
<i>ПЕСНЯ НА ПРИВАЛЕ</i>	158
<i>БЛОКАДА</i>	159
<i>НЕ ПЛАЧЬ, КАТЮША</i>	159
<i>МАЙ. ПАРАД ПОБЕДЫ</i>	160
<i>ДЕТИ ВОЙНЫ</i>	161

Владислав КАРМАНОВИЧ

<i>ВЕТЕРАН ВСПОМИНАЕТ</i>	164
<i>В ПАРКЕ</i>	165
<i>КОТЕЛОК</i>	165

Виталий КУНДЕРЕВИЧ

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА	166
ТЕРНОВЫЙ КУСТ	168
ОДНАЖДЫ ОСЕНЬЮ	169
МАТЬ	169
ОТЕЦ	170
СОЛИСТ	170
ПЕРО №86	171

Нина РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

БЫЛА ВОЙНА	171
ПАМЯТЬ	172
ПРБЕДА	173
МЫ ВЫЖИЛИ	173
ВДОВЫ	174

Клавдия РУБЛЕВА

НЕВЕСТЫ	175
МЫ ПОМНИМ	176
В ДЕНЬ ПОБЕДЫ	176
ЗА РОДНУЮ ЗЕМЛЮ	177

Татьяна СЕМАКИНА

ВОЕННОЕ ЛЕТО	178
БОЕВАЯ СЛАВА	179
ВОЕННЫЙ ВАЛЬС	180

Татьяна ШАТУНОВА

НЕВЫДУМАННАЯ ИСТОРИЯ	181
----------------------------	-----

Николай ШЕПЕЛЕВ

ПУЛЯ	183
ТЕРТЫЙ СОЛДАТ	183
ЗАКОНЧИТЬ ВОЙНУ	184
ПАРАД ПОБЕДЫ	184

Надежда ШУЛЕПОВА <i>МЫ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕМ О ВОЙНЕ</i>	185
---	-----

ПРОЗА

Михаил РОГОЗИН <i>ПРИКАЗ ВЫПОЛНЕН</i>	189
--	-----

Людмила РЕЙЗЕ <i>ЧЕРНЫЙ ДЫМ</i>	202
<i>БЕРЕГ ПАМЯТИ</i>	203

ЭХО ВОЙНЫ

Николай СЕРЕБРЯКОВ <i>ПОИСК ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ</i>	206
--	-----

ШКОЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Татьяна РОГАНОВА <i>СОЛДАТСКАЯ СЛАВА ГВАРДИИ СЕРЖАНТА МАМОНТОВА</i>	209
--	-----

Юлия ЛОГИНОВА, Юлия БОБРИК <i>ПЕДАГОГИ – ВЕТЕРАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ</i>	220
--	-----

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ

Николай СЕМЕНОВ <i>«ПОДВИГ ТВОЙ, СОЛДАТ, БЕССМЕРТЕН!»</i>	234
--	-----

ДОКУМЕНТЫ

<i>«И МЫ НЕ ДОЛЖНЫ ОТСТАТЬ...»</i>	238
--	-----

ВЕТЕРАНЫ

Сергей КАДАЧИКОВ <i>ВЕТЕРАНСКАЯ ГВАРДИЯ КАЧКАНАРА</i>	243
--	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Надо ли говорить, что в год 70-летия Великой Победы наши взоры, мысли, чувства обращены прежде всего к этой великой дате. Наш альманах – не исключение. Очередной его выпуск – это наш земной поклон – и великим тем годам, когда решалась судьба мира, и тем, кто эту судьбу решил в пользу жизни на земле: нашим отцам-дедам-прадедам, нашим землякам-качканарцам, всем участникам Великой Отечественной войны. Это и выражение нашей высочайшей благодарности труженикам тыла, без которых не состоялась бы победа. Это и знак уважение тем, чьё детство пришлось на трагические годы войны.

Ветераны Великой Отечественной войны были в числе первостроителей Качканара, что не удивительно: ведь год Победы и год начала великой стройки разделяют всего 12 лет. В лучшие времена в нашем городе их проживало и трудилось на предприятиях и в учреждениях около полутора тысяч человек. Кроме городской, активно работали ветеранские организации Качканарского ГОКа, треста «Качканаррудстрой», других предприятий. Сколько было тружеников тыла и детей войны – трудно сказать, так как статус первых был определён только в конце 80-х, а общественная организация вторых «Память сердца» была создана в 2002 году.

В год 70-летнего юбилея из полуторатысячной армии участников войны остался только неполный взвод – 25 человек, из которых далеко не все в строю по причине возраста и болезней. Не так много осталось тружеников тыла – всего около 400 человек. Да и детей войны не лишку: на учете в качканарской организации состоит 1300 человек.

Однако эта война – в сердце каждого из нас. И сердце начинает болеть и кровоточить, когда думаешь, какие беды и лишения пришлось пережить нашим родным, какую дорогую цену пришлось заплатить за победу. Как больно, что практически ушли и те, кто уцелел в той кровавой мясорубке.

Однако у Бога нет мёртвых! У Бога – все живые! А поэтому – «наши мёртвые нас не оставят в беде, наши павшие – как часовые!» Они – наша духовная опора. Поэтому память о них – священна.

С учётом направленности этого выпуска структура альманаха претерпела изменения. Вполне логично в первую очередь предоставить слово непосредственным участникам событий. Раздел «Солдатские мемуары» представлен воспоминаниями ветеранов И.И.Семёнова, В.В.Смирнова, А.Г.Расковалова, Б.И.Трубина.

Также уместно напомнить о наших земляках, удостоенных высшего звания – Героя Советского Союза. Это тем более актуально, что находятся желающие поднимать на щит антигероев. Первый очерк посвящён пареньку с Косьи Володе Скорынину, ставшему Героем в 20 лет – посмертно. Второй материал – об А.В.Рогозине, предоставлен в альманахе музеем Исовской средней школы (руководитель Е.И.Кардаполова). Его публикация также и дань светлой памяти прекрасного человека, замечательного педагога и краеведа, Заслуженного учителя школы РСФСР Н.Д.Болотовой.

В 2014 году у нашего города появилась новая грань – побратимская. Побратимом Качканара стал белорусский город Молодечно. А что такое Белоруссия в годы Великой Отечественной войны? Это невиданная стойкость в борьбе с захватчиками и колоссальные жертвы в этой борьбе. Молодечно – не исключение. Об этом – материал «Молодечно в годы Великой Отечественной войны».

Вопреки расхожей фразе «у войны не женское лицо» дерзнём сказать: и женское в том числе. Война была в биографии 80 качканарочек. Среди них – Устинья Семёновна Мотузова. Материал о ней подготовили юные краеведы из школы №3 под руководством Т.В.Шатуновой, заведующей музеем этого учебного заведения.

Качканарское школьное краеведение вносит достойный вклад в исследование темы войны. При определённых условиях эти школьные работы могли бы составить отдельный выпуск альманаха. В данном же выпуске ещё один материал краеведов из школы №3 - об учителях школы, в жизни которых была война. Краеведы из школы имени К.Н.Новикова под руководством руководителя музея Н.Г.Смирновой подготовили материал о В.В. Мамонтове, кавалере двух орденов солдатской «Славы».

Подборка материалов газеты «Приисковский рабочий» показывает напряжённый ритм работы в тылу оставшихся жителей посёлка Валериановска. Результатом непосильного труда была добытая платина – стратегический металл. Этой же теме посвящена подборка документов фонда «Валериановский поселковый Совет» нашего архива.

Нельзя было обойти и тему военного детства. Потому что «военной поры пустыри» были в биографии многих качканарцев. И ведь что удивительно: испытав лишения, в подавляющем большинстве они стали очень достойными людьми. А может, и не удивительно, а

как раз закономерно: ведь трудный хлеб – лучший воспитатель. Это подтвердят автор автобиографического рассказа Л.Шашмурин, авторы очерков о детях войны Г.Краснопевцева и Н.Рождественская.

Поэтический раздел открывают фронтовики В.К.Балуев, С.И.Питателев, Н.М.Семёнов. Победе и победителям посвящают поэтические строки Л.Андреева, А.Башкиров, Л.Власовских, В.Карманович, В.Кундеревич, Н.Рождественская, Т.Семакина, К.Рублёва, Т.Шатунова, Н.Шепелев, Н.Шулепова.

Раздел прозы представлен рассказами ветерана войны М.В. Рогозина и члена литературного объединения «Лукоморье» Л.Рейзе.

Не оставит равнодушным читателей история поисков Н.А.Серебряковым своего отца - в рубрике «Эхо войны».

Нельзя обойти стороной другой юбилей, связанный с первым: в 1985 году в посёлке Валериановске был открыт мемориал, на плитах которого увековечены фамилии наших земляков, сложивших головы на поле брани. Об этом событии рассказывает один из инициаторов его создания Н.М.Семёнов. А Олег Орехин подготовил материал об одном человеке из этого скорбного списка – своём душешке А.Е.Черных.

С.В.Кадачиков, много лет возглавлявший Комитет ветеранов войны, рассказывает о некоторых страницах истории ветеранского движения в Качканаре.

Цветная вкладка знакомит с творчеством замечательного качканарского художника, ветерана-подводника Северного флота И.И.Пермякова.

Юбилей – это в некотором роде итог. Но далеко не окончательный. Предстоит ещё очень много потрудиться, чтобы увековечить память о славных воинах великой войны. Первое, что необходимо сделать, это, конечно, привести в порядок семейные архивы, там где это не сделано: практика показывает, в некоторых семьях хранятся очень интересные, если не сказать, уникальные документы.

И очень просим поучаствовать в народном проекте «Дополни биографию народа». Суть его такова. В 2005 году была сделана попытка собрать материал о всех качканарцах – участниках Великой Отечественной войны, результатом чего стала книга «Они сражались за Родину». Однако информации, в ней размещённые, очень краткие, иногда это только фамилия, имя, отчество. Вся эта информация размещена на сайте Администрации Качканарского городского округа. Найдите в списке фамилию своего родственника и дополните его биографию: воспоминаниями, документами, фотографиями, ранее опубликованными статьями... На выходе должен появиться наиболее полный свод знаний о наших ветеранах.

И будем помнить – отныне и до века.

СОЛДАТСКИЕ МЕМУАРЫ

Иван СЕМЁНОВ

В лучшие времена в Качканаре проживало около полутора тысяч ветеранов Великой Отечественной войны. Они трудились практически на всех предприятиях города. Около десятка ветеранов работали на педагогическом поприще. Среди них – Иван Ильич Семёнов. Умница необыкновенный, скромняга, каких мало, интеллигентный и просто очень добрый и милый человек, И. И. Семенов по сути своей был солдатом в высоком смысле этого слова. Как и многие представители его поколения, он жил по принципу: «раньше думай о Родине, а потом о себе», неукоснительно выполнял свой долг, не щадя сил и самой жизни, хоть в труде, хоть в бою.

Призванием И.И. Семенова стала педагогика. Крестьянский сын, девятый ребенок в семье, в 1937 году поступает в Чебоксарское педучилище, а уже в 1940 году 17-летний учитель стал обучать ребятшек русскому языку и литературе. С 1956 года Иван Ильич - уралец. Почти двадцать лет он возглавлял районный отдел образования в Новой Ляле.

И, наконец, в 1975 году его судьба пересеклась с Качканаром, где он руководил школой №1, был директором строящейся школы № 7 и школы № 4. И хотя в последней должности Иван Ильич поработал совсем недолго, для учителей и учеников школы имени К.Н. Новикова он всегда был самым желанным гостем, непременным участником мероприятий патриотического характера. Трудовая и боевая биография И. И. Семенова нашла отражение в экспозиции школьного историко-краеведческого музея и в брошюре о нем, изданной в серии «Моя школа».

По нашей просьбе Иван Ильич написал воспоминания о войне, по сути - настоящие солдатские мемуары. Их публикация - дань уважения замечательному патриоту и человеку, настоящему герою.

ВСПОМИНАЯ БОЕВЫЕ ЭПИЗОДЫ

На войне - не на прогулке (эпизод Сталинградской битвы)

Вспоминая боевые эпизоды, иногда с горечью приходится критически оценивать свои досадные промахи по молодости, неопытности и даже по глупости, которые приводили к нелепой гибели боевых друзей. Характерен хотя бы следующий эпизод.

19 ноября 1942 года на рассвете после мощной артиллерийской подготовки наша часть выбила врага с первой линии обороны и с рассветом залегла в снегу на косогоре, ожидая очередного приказа. При штурме первой вражеской линии рано утром нас поддержала только артиллерия. Ни авиации, ни танков при первом штурме немецкой обороны с нами не было. И вдруг примерно в 11 часов дня в небе появились наши самолеты. Увидев красные звезды на крыльях, многие из нас вскочили на ноги и, в восторге воздев к небу руки, с гордостью закричали: «Ура! Наши! Наши!»

Мы невольно обнаружили себя перед отступившими на вторую линию потрепанными, но еще очень сильными частями противника. Немцы заметили наши поднявшиеся во весь рост передовые цепи и открыли по нам прицельный огонь из автоматов, минометов и пушек. Мы вынуждены были буквально скатиться с косогора на дно балки, оставив на снегу десятки убитых и раненых друзей. Вот такой трагедией обошлась для нас наша неосмотрительность и неопытность на войне! Командир роты Литвинов с горечью сказал тогда на дне балки:

- Эх, вы! Аники-воины! Видите, чем обернулся ваш телячий восторг, сосунки! Забыли, что вы на войне, а не на прогулке...

И это была горькая правда. Ведь, сидя в обороне больше месяца, мы совсем не научились тактике наступательного боя. Тогда как вышколенные немцы уже с боями покорили всю Европу и имели богатый опыт ведения наступательных и оборонительных боев. Опытность и обученность немецких солдат является одной из причин меньших потерь в Германии в ходе второй мировой войны.

Потери наших войск в начале войны увеличивались и в результате практиковавшихся в то время боевых операций под названием «разведка боем». Суть этой операции заключалась в направлении на позиции врага нашего стрелкового взвода или целой роты и навязывания боя противникам с целью получить разведывательные данные об огневых точках и расположении их на местности. Разведка боем, как правило, проводилась нашим командованием в обороне при отсутствии достоверных сведений о противнике. Эта

операция, конечно, обнаруживала огневые точки врага и помогала командованию выбрать тактику прорыва в его оборонительных линиях. Но эта страшная операция обычно завершалась большими потерями с нашей стороны.

И тут невольно приходят на ум слова великого Лермонтова: «Плохая им досталась доля: немногие вернулись с поля...» И эти печальные строки можно бы использовать эпиграфом ко всем произведениям и исследованиям о Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

Пятая колонна

Гитлеровские стратеги придавали большое значение применению «пятой колонны» в тылу наших войск с целью подрыва мощи советской армии. Мне самому довелось быть очевидцем дерзких диверсионных актов со стороны немецких лазутчиков.

На Сталинградском фронте в ноябре 1942 года нашей ротой была обезврежена группа диверсантов из пяти человек, выброшенная ночью на парашютах с вражеского самолета. К счастью, эти диверсанты не успели навредить нашей армии.

Но никогда ни мне, ни моим товарищам не забудется диверсия немецких наймитов у села Кобеляки Полтавской области. Наша армия готовилась к форсированию Днепра. После освобождения Полтавы во многих местах по левобережью Днепра командование вторым Украинским фронтом создавало большие запасы боеприпасов, техники, горючего для решительного броска на правый берег Днепра. Особенно много боеприпасов и горючего было расположено прямо на кукурузном поле у села Кобеляки и в кустарниках на берегу реки Ворскла. Туда же своим ходом прибыл и 29-й танковый корпус с приданным ему нашим 1446-м полком самоходной артиллерии. Боевые машины стояли на улицах возле хат, а танкисты и самоходчики после ужина улеглись спать.

Однако спать в эту страшную ночь было не суждено. Нас поднял на ноги противный воющий гул сотен немецких бомбардировщиков в сопровождении истребителей. На село обрушились тысячи вражеских фугасных и зажигательных бомб. Вспыхнули пожары, а в окрестностях и по реке Ворскле стали взрываться штабеля боеприпасов, и загорелись цистерны и бочки с горючим. Взорам представился фейерверк от взрывов снарядов и емкостей с горючим. Выражаясь словами Пушкина, тут были «и смерть, и ад со всех сторон».

Но наши танки и самоходки не пострадали, так как мы поспешно выехали подальше от села, и немецкие летчики нас не преследовали, увлекшись результатами своих бомбометаний.

Выехав в поле, с холмика мы увидели четыре костра вокруг села в пределах замаскированных штабелей боеприпасов и емкостей с горючим. Костры эти разожгли одновременно четыре диверсанта в советской военной форме, одного из которых схватили мы, а двоих поймали летчики с полевого аэродрома. Четвертый диверсант успел скрыться.

А снаряды все взрывались и взрывались, создавая фантастическое освещение неба и местности на десятки километров. Зенитные пушки почему-то долго молчали. Думаю, что зенитчиков вообще не было еще в селе в ту ночь, а наши самолеты-истребители лишь на рассвете прогнали фашистских стервятников. Цена этой диверсии была неисчислима. Однако, невзирая на печальный итог, наш танковый корпус уже на другой день успешно форсировал Днепр в районе села Мишурин Рог, правда, потеряв при переправе два танка «Т-34» и одну самоходку «СУ-85».

Говоря о «пятой колонне», не могу обойти молчанием еще один диверсионный акт со стороны немцев на пути продвижения нашего танкового корпуса. 7 января 1944 года 29-й танковый корпус ворвался в город Кировоград. За нами успех закрепила пехота, а наш корпус в полном составе был отведен на короткую передышку в село Новая Прага. Наскоро замаскировав боевые машины, мы с легкостью приготовились спать. Мне в ту ночь командиром было приказано прогреть мотор самоходки. Взобравшись к верхнему люку, в ночной темноте я заметил огни костров вокруг села и немедленно поднял тревогу. Эти костры опять же были зажжены немецкими агентами из «пятой колонны». Наши танки и самоходки были срочно выведены из села, которое сразу же после выезда подверглось массированному налету вражеской авиации. На село и его окрестности было сброшено несметное количество бомб. Той страшной ночью я насчитал пять налетов на село, от которого остались лишь развалины и дымящие головешки.

Боевая техника была спасена. Судьба диверсантов мне неизвестна, так как наш корпус в ту же ночь сменил диспозицию, но я уверен, что агенты «пятой колонны» получили справедливое возмездие. Ведь наша контрразведка тоже не дремала и почти всегда успешно вылавливала вражеских лазутчиков из «пятой колонны». После освобождения оккупированных территорий наши органы правосудия на местах персонально разбирались с каждым полицаем, старостой, власовцем, добровольно помогавшим оккупантам в карательных операциях против наших партизан.

На Днепре

Мне в составе 1446-го самоходного артполка вместе с танкистами довелось участвовать в форсировании Днепра и освобождении городов и сел на правом берегу Днепра, который форсировали в районе Мишарина Рога по понтонному мосту при шквальном огне и адской бомбежке авиации противника. Точно описать эту страшную картину не хватило бы слов даже самому талантливому писателю, и, кажется, никому из художников-баталистов еще не удалось правдиво воспроизвести картины форсирования больших рек. При переправе через Днепр мы понесли немалые потери в живой силе и технике.

С.А. Ковпак

С боями корпус освободил Кременчуг, Знаменку, Пятихатку, Александрию, Капитоновку, Звенигородку, Новомиргород, Кировоград, Умань, Корсунь-Шевченковский и много сел. За освобождение Знаменки нашему 29-му танковому корпусу приказом Верховного Главнокомандующего было присвоено звание гвардейского Знаменного. В операции принимали участие партизаны легендарного Сидора Ковпака, дважды Героя Советского Союза.

Вспоминается наша трогательная встреча на лесной поляне. Мы по-братски обнимались с народными победителями. После стихийно возникшего митинга вместе сыт-

но пообедали, некоторые обменялись сувенирами.

Нашему экипажу посчастливилось наблюдать веселую сцену, Командир 29-го танкового корпуса генерал-лейтенант Кириченко и партизанский командир Ковпак решили, видимо, поразмяться и погреться. Сначала они просто боролись и мерялись силами. Кириченко был высок ростом и тучнее Ковпака, поэтому мощнее наседали на партизанского батьку, но Ковпак не сдавался. Изрядно помутузив друг друга, они прекратили борьбу и подошли к нашей самоходке. Погладив пушку, Ковпак восторженно произнес:

- Это и есть ваш всеильный динозавр?

- Да, это и есть та самая пушка, что прошивает насквозь немецких «тигров» и «Фердинандов», - ответил Кириченко.

Ласково погладив ствол самоходки, оба командира обхватили дуло руками и повисли на пушке. Я из машины через люк наблюдал за забавой высокого начальства. Генерал Кириченко даже громко приказал мне покачать его и друга Ковпака на стволе пушки по

горизонтали и вертикали. Выполнить его шуточный приказ было совсем нетрудно, так как поворотный механизм орудия был хорошо смазан и работал безотказно.

Повеселившись с партизанами, мы двинулись на штурм Знаменки, которая имела важное стратегическое значение как крупный железнодорожный узел. В город мы ворвались уже без партизан, которые в начале штурма дружно уселись на броневые машины, не чуя опасности. Под обстрелом немцев некоторые из партизан были убиты (их безжизненные тела свисали с поручней самоходок, уцелевшие соскочили с наших машин на ходу).

Нашему экипажу было приказано ворваться в город первыми. Вслед ринулись и остальные танки корпуса. Вскоре подоспели и партизаны. К вечеру город был очищен от немцев.

Командир корпуса генерал-лейтенант Кириченко И.Ф. получил из Ставки Верховного Главнокомандующего радиogramму, в которой на редкость оперативно сообщалось об успешном освобождении Знаменки 29-м корпусом 5 гвардейской Краснознаменной танковой армии. Корпусу присваивалось почетное звание гвардейского Знаменного корпуса. Верховный Главнокомандующий Сталин объявил всем танкистам и самоходчикам благодарность.

Генерал Кириченко вечером собрал танкистов сообщить эту новость. Мы на сообщение дружно ответили троекратным «Ура!» и аплодисментами. Тут же генерал Кириченко скомандовал нашему экипажу выйти из строя и сообщил, что члены экипажа самоходки лейтенанта Полякова награждаются орденом Красной Звезды. Это еще больше вдохновило на дальнейшую борьбу с фашизмом.

Заметим, что орден так и не украсил грудь доблестного наводчика. Случай не редкий для военного времени, когда масса наград оказалась неврученной. Только в 2002 году ветеран решился сделать запрос в Центральный архив Министерства обороны. Каково же было удивление Ивана Ильича, когда вместо ордена Красной Звезды нашелся ... орден Славы третьей степени. Всего их стало два, второй - за проявленное мужество в период Корсунь-Шевченковской битвы. (Прим. ред.)

Освобождение Кировграда

По прибытии в город пехоты наш танковый корпус был переброшен на освобождение других украинских городов и сел. Ведь танкисты и самоходчики всегда действовали на самых важных участках Второго Украинского фронта. День освобождения Кировграда отчетливо сохранился до мельчайших подробностей.

Это произошло 7 января 1944 года. Когда 29-й и 18-й танковые корпуса ворвались в Кировоград, немцы вынуждены были спастись бегством. Жители высыпали на улицы, окружили танки и сообщили, что день их освобождения счастливо совпал с Рождеством Христовым. Однако ликование мигом прекратилось после первого же налета немецких самолетов. Как бы в отместку за бегство пехоты из города вражеские самолеты методично совершали массированные налеты, чтобы сбросить бомбы в первую очередь на наши танки и самоходки.

Пришлось срочно маскировать бронетехнику подручными средствами. На дворе дома, где стояла самоходка, оказался стожок кукурузной соломы. Этими стеблями закидали машину, а сами укрылись в боевом отделении «бронекрепости». Один из членов экипажа - заряжающий Прокопий Брезгин - замешкался во дворе, и немецкая бомба почти угодила в него. От взрывной волны самоходку весом более 30 тонн, словно щепку, подбросило и сдвинуло в сторону. Нас оглушило. Все остались живы, а вот друга Брезгина не стало. В огромной воронке мы не нашли тело товарища, а похоронили в этой же воронке лишь найденный его сапог и кисть руки с кольцом на безымянном пальце. Лишь спустя 10 лет через совет ветеранов Кировограда я узнал, что на месте гибели друга благодарные кировоградцы установили памятник, а в средней школе № 1 создан музей Боевой славы. Учащиеся высадили деревья на аллее Славы. На мемориальной плите на фасаде школы первой высечена фамилия нашего друга Брезгина Прокопия.

Народ помнит освободителей, несмотря на попытки украинских националистов принизить роль советских солдат в победе над фашизмом и предать забвению подвиг русского народа в Великой Отечественной войне.

Это лишь некоторые эпизоды боевой биографии И.И. Семенова, одного из многих миллионов солдат нашей Великой Победы. В двух тетрадочках, исписанных ровным почерком, размышления И.И. Семенова и о днях сегодняшних. С болью ветеран писал о провалах в экономике и нравственности, которые, на его взгляд, произошли из-за непродуманных реформ, имеющих результатом обнищание народа в целом и ветеранов - в частности. И все же Иван Ильич верил в великое будущее России, потому что, пройдя такой замечательный боевой и трудовой путь, он, как никто другой, знал могучий потенциал русского, российского, народа.

Виталий СМИРНОВ

Виталий Васильевич Смирнов родился в 1925 году в Нижней Туре. Обучался в Исовской средней школе. Служил в Советской Армии с февраля 1943-го по июнь 1950 года: 78 гвардейская стрелковая дивизия, 299 стрелковая дивизия, 4-й гвардейский Кабанский казачий кавалерийский корпус. Дважды ранен. Награжден орденами Отечественной войны 11 степени, Красной Звезды, медалью «За победу над Германией», юбилейными медалями.

После войны закончил Исовский геолого-разведочный техникум, Свердловский горный институт, работал маркшейдером в Качканарском горно-обогатительном комбинате. Написал несколько книг о ветеранах Великой Отечественной войны. Одна из них – «Память сердца», главу из которой предлагаем вниманию читателей.

ОТ КУРСКА К ДНЕПРУ

Июньские дни сорок первого... Я окончил седьмой класс Исовской средней школы и решил продолжать учебу. Как раз в это время вышел указ о введении платы за обучение в старших классах. Мой друг Канифулла Хисматуллин предложил мне заработать денег на учебу в топографической партии, которая вела работы около Нижней Туры.

Отработали две недели, утром в воскресенье пошли домой (а это километров двадцать). Дорога хорошо знакома, идем, дурачимся, песни поем, думаем: сейчас помоемся, отдохнем, в клуб имени Артема сходим, расскажем о своих трудовых буднях.

Вот и Песчанка. Но какая-то притихшая, нет обычного оживления на улицах. Появляются одиночные встречные, все чем-то озабоченные, унылые, встревоженные. Что случилось? Встретили знакомого: «Что так тихо в поселке?» - «Вы разве не знаете? Гитлер объявил нам войну!»

Мы, как и все, были уверены, что война долго не продлится, что воевать будем «малой кровью на чужой территории». Книжки и фильмы превозносили мощь Красной Армии и уничтожительно представляли наших возможных врагов. Политическое шапкозакидательство ярко иллюстрирует распространенная картинка первых дней войны. Идут по московским улицам, обнявшись, два подвыпивших

рекрута, один другому говорит: «Вася, выпили в Москве, опохмеляться будем в Берлине!» Как далеко было это от истины!

Война началась с тяжелых поражений Красной Армии и потери огромных территорий. Мобилизация, первые похоронки, новости с войны в солдатских треугольниках... Но страна быстро перестроилась на военный лад. Эвакуированные на восток заводы начали давать военную продукцию. Контрнаступление под Москвой подняло дух народа, показало, что еще не все потеряно. Молодежь приходила на место ушедших на фронт старших товарищей. В 1941 году мне пришлось поработать на сенокосе для больницы, где мой отец был завхозом. В 1942-м мы, школьники, летом работали в колхозе в Ёлкино. В школе было введено военное обучение, нас готовили на защиту Родины.

В конце 1942 года был призыв 1924 года, в декабре подошел наш, 1925 год рождения. В феврале 1943-го дошла очередь и до меня. Мне еще не было 18 лет, но после тяжелых потерь 1941-1942 годов фронту требовались люди. Наша группа из 48 человек была направлена в Первое Тюменское пехотное училище. А уже летом 1943 года наш призыв воевал на различных участках фронта. Появились и первые погибшие.

В июле 1943 года я попал на Курскую дугу, на Степной фронт (командующий генерал армии И.С.Конеv). В состав фронта входили 7-я гвардейская армия генерала Шумилова, 53-я армия генерала Манагарова, 57-я армия генерала Гагена, 69-я армия генерала Крюченкина, 5-я гвардейская танковая армия генерала Ротмистрова, 5-я воздушная армия генерала Горюнова.

*** **

***Авторское отступление.** В курской битве участвовало около 2,3 млн. военнослужащих Красной Армии, а всего в тот период в действующей армии находилось примерно 7 млн. человек, то есть третья часть наших Вооруженных Сил участвовала в боях под Курском. По масштабам эта битва превзошла все бывшие до нее и после нее сражения в мировой истории. Может быть, и качканарцев-ветеранов тоже около трети участвовало в этой битве?*

Армии Степного (впоследствии 2-го Украинского) фронта прошли долгий, трудный и славный боевой путь. 53-я армия участвовала в окружении противника под Корсунь-Шевченковским, прошла по Молдавии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, участвовала в войне с Японией. 7-я гвардейская армия шла примерно тем же путем. 69-я армия (в ней воевал качканарец А,Г,Расковалов) прошла Украину, дошла до Карпат, а войну закончила в Праге.

Когда мы воевали в Венгрии, то рядом с нами с боями шла и моя родная 53-я армия генерала Манагарова. В одном бою мы (152-й гвардейский истребительно-противотанковый полк) сопровождали пехоту огнем своих 76-мм орудий. Вот поднялись пехотинцы и пошли в атаку цепью. У меня сжалось сердце: когда-то и я на Украине так же поднимался, и шли мы с верным пулеметом «максимум» вот в такой цепи.

Чуть позднее, в Чехословакии, в районе рек Дунай и Грон, довелось встретиться с солдатами 7-й гвардейской армии генерала Шумилова. Эта армия прошла путь от Сталинграда через Курск, Днепр до Центральной Европы.

Позже я уточнял путь 299-й Харьковской стрелковой дивизии, но почему-то она оказалась на другом фронте, 3-м Украинском. Дивизия воевала в Венгрии под городом Надьканижа, что южнее озера Балатон. А военным комендантом Будапешта был командир 299-й Харьковской стрелковой дивизии генерал Травкин.

Что ни новое место, там и дивизии нашего фронта.

*** **

Авторское отступление. Итак, летом 1943 года прибыли мы в район Курской дуги, под Харьков. А в моем военном билете запись, что я начал воевать с января 1944 года... Как же так?

Начал делать запросы. В Центральном архиве Министерства обороны в городе Подольске – никаких следов. У меня сохранилась справка, что я лежал в госпитале города Тамбова. Делаю запрос в Военно-медицинский архив Министерства обороны в Ленинграде. Отвечают: с января 1944 года Смирнов В.В. – помощник командира взвода 960-го стрелкового полка 299-й стрелковой дивизии 53-й общевойсковой армии. Говорю, что я на фронте с лета 43-го, был на Степном фронте, лежал в госпиталях в 1943 году, правда, номеров их не помню. Ничего не знаем, от вечабю, по документам вы на фронте с января 44-го. Вот так, полгода боевого «стажа» пропало... Снова пытаюсь найти ту часть, где воевал в 1943 году, снова делаю запросы в архивы. Те же ответы – начал воевать с января 44-го, опять я не участник Курской битвы.

Пошел в Качканарский военкомат, снова сделал запрос в Центральный архив в Подольске. Ответа долго не было. Наконец, к 60-летию Победы пришел ответ, что я действительно лежал в госпиталях в 1943 году. И их, госпиталей, целых пять! Вот их номера и названия: 85 МСБ (с 10.11.1943г.), ППГ 869 (с 18.11. 1943 г.), ЭГ 3136 (даты не указаны), ЭГ 1918 (с 27.11. 1943 г.), ЭГ 1604 г. Харьков (с 03.12.1943 г.), откуда 20 декабря 1943 года выбыл годным к строевой.

Примечание. МСБ – медицинский санитарный батальон (медсанбат), ППГ – полевой подвижной госпиталь, ЭГ – эвакуогоспиталь.

А я помню только первый госпиталь в Новых Санжарах и еще один в Харькове. И все. Но главное. Что все-таки я с июля 1943 года воевал в качестве помощника командира взвода 223-го стрелкового полка 78-й гвардейской стрелковой дивизии. А в какой армии? Пришлось перерыть горы мемуаров - и вот в книге маршала Конева «Записки командующего фронтом. 1943-1944» нашел, что указанная дивизия входила в состав 7-й гвардейской армии (бывшей 64-й армии) генерала Шумилова.

Читаю мемуары Конева. Вспоминаются места боев: Мерёфа, Красноград, Кобеляки, Новый Орлик, переправа через Днепр около Переволючной, Пятихатка, Желтые Воды...

Виталий Смирнов.
(военное фото)

Июль 1943 года. Наш запасной полк, дислоцировавшийся в Ялуторовске, что под Тюменью, получил приказ следовать на фронт. Значит, после некоторого затишья намечаются крупные бои, так по всему чувствовалось. Погрузились в эшелоны, в теплушки-«телятники». Двуосные товарные вагоны специально оборудованы нарами, подвесными скобами-ступенями и печками-буржуйками. Зимнее понятие «теплушка» в июльский зной имеет прямой смысл – дышать от жары нечем.

Получили сухой паек: концентраты и сахара. Теперь мы сами должны готовить себе завтраки и обеды. Что приготовишь на маленькой печке, где от силы можно поставить несколько котелков, а нас в теплушке более полусотни? Чтобы приготовить еду, используем остановки эшелона. Солдаты выскакивают из вагонов, разводят костры. Выручает тот или иной горючий материал, который найдем около железной дороги. Держит каждый свой котелок с гороховым или пшеничным концентратом на проволоке над костерком. Кричат: «По вагонам!» А в котелке вариво начало согреться или закипать. Схватываешься и бежишь уже за идущими вагонами. И так повторяется несколько раз. Не выдержав голода, съедаем концентраты всухомятку.

Мы проезжаем полстраны. Ребята смотрят в окошко теплушки. И, кажется, нет конца этим лесам и перелескам, зеленым, желтым и темным полям, иссеченным лентами рек и речушек, скошенным и нескошенным хлебам, свежевспаханым под новый урожай полям. Кажется, не будет конца стремительно проносящимся деревням и пристанционным поселкам, бесконечной паутине проводов, опутавших землю. Как велика наша Родина!

А эшелон все больше отклоняется в сторону юга России. Все ближе к Курской дуге. Уже чувствуется дыхание фронта. Эшелон останавливается только для смены паровоза. Часто стоим на небольших станциях или перегонах. Мы уже в зоне недавних боев, где-то около города Харькова. Старший по вагону предупредил: «Быть в полной боевой!» По команде «воздух» нужно с оружием выскакать из вагонов и бежать подальше от эшелона.

«Воздух!» Все именно так, как нас предупреждали. Сначала поезд резко притормозил, потом стал давать гудки. Двери, до этого приоткрытые, мигом – настезь. Солдаты, не упомнишь как, но все высыпали из вагонов и кинулись, кто успел, в сторону от эшелона. «Юнкерсы» шли от хвоста поезда, прошли по эшелону. Желтые крылья, черные «балочные» кресты блеск кабин... и резкий непрекращающийся лай крупнокалиберных пулеметов. Непонятно только, почему они нас не бомбили: или шли после бомбежки других объектов, или пообочились наших ястребков? Но немцы быстро улетели в сторону фронта. В эшелоне были убитые и раненые. Это было мое боевое крещение. В дальнейшем приходилось попадать в более сложные переплеты и быть на краю жизни и смерти.

Мы на освобожденной земле Украины. Где-то на западе клубится небесное зарево. Но, может быть, это закат? Кругом поля. Поезд остановился на полустанке. Хлопцы обнаружили бурты сахарной свеклы, набрали ее. Она пошла на полный ход и за милую душу. Мы, дистрофики, уминали ее вареную и просто так.

Вот новая остановка. Заскрипели, заскрежетали тормоза. Эшелон остановился. Почему? Кто его знает. Может, налет авиации? Но почему солдаты выскакивают из теплушек и бегут вдоль состава? С котелками... Как ребята узнали, что цистерна наполнена рыбьим жиром? Установилась очередь, идет наполнение посуды. Пока старшее начальство не установило пост около цистерны. Перед часовым поставили задачу: «Никуда не отходить! Когда дадут отправление и все сядут, сядешь и ты. Последним! Понял?» А фронт был рядом, он гудел, грохотал, ухал...

Мы выгружаемся из эшелона около города Харькова. Нас сразу распределили по воинским частям. Попал я в пулеметный взвод 223-го стрелкового полка 78-й гвардейской стрелковой дивизии, которая входила в то время в 7-ю гвардейскую армию генерала Шумилова. Мне дали пулеметный расчет. Солдаты отделения по возрасту были ровней моему отцу...

По дорогам Харьковщины и Полтавщины двигаемся к фронту. Идем в основном ночью. То и дело слышится команда: «Под-тя-ни-и-сь!» Ребята пропыленные, все потные, на спинах белый налет от соли выступил. И не мудрено: проходим мы по 30-40 километров в

сутки, а то и по 50. Двадцать часов движения, четыре из них на еду и отдых. И шли так не ночь и не день, а почти целую неделю, непрерывно. Жарища стояла, духота. А у тебя на голове каска стальная, на спине вещевой мешок и противогаз, справа лопатка саперная. Ну, и пулемет «максим». Вот с таки грузом и идем.

Правда, когда снабдились конными повозками, старшина забрал у нас каски, противогазы, шинели. Осталось у каждого боевое оружие и плащ-палатка. Да иногда тянули дежурный пулемет «максим» с полной заправкой, то есть заправленный водой и снаряженный пулеметными лентами. Сразу стало легче, но все равно тяжело по сорок километров в сутки отмахивать. Хорошо еще, когда дорога твердая, колеса пулемета крутятся, а когда песок – колеса ползут юзом. А «максим» с полной заправкой весит ни много ни мало – 88 килограммов... Вот тут и выдыхаешься, пот льет градом А, впрочем, кому легко? Минометчикам, пехотинцам, пэтээровцам, артиллеристам? Всем тяжело, все устают, но упорно идут вперед.

На пятые или шестые сутки начали на ходу спать. Не верится? Я сам бы не поверил, что человек на ходу спать способен. А ведь спали! Шага три-четыре идешь, ничего не видя, не слыша. Спишь форменным образом. Даже сон успевает присниться. Потом, когда в сторону тебя поведет, вздрогнешь, стряхнешь с себя эту муть и опять шагаешь все вперед и вперед по жаркой, пыльной дороге. Снова качается у тебя перед глазами спина товарища с белыми разводами соли на гимнастерке, шаркают подошвы сапог, и ты опять незаметно для себя на ходу засыпаешь и, как от толчка, просыпаешься. А когда затор на дороге случится или объявят привал, сразу кто где стоял, там и валится на землю. И немедленно засыпает.

Не до еды было. Даже переобуться времени не хватало. Лошади, и те выдохлись. Шли, что называется, через «не могу». Завидовали мы артиллеристам, которые шли за пушкой, положив руку на ее ствол. Даже не верится, что человек может выдержать такое напряжение. Конечно, молодые мы были тогда, да и тренировки в запасном даром не прошли.

*** **

***Авторское отступление.** Перед отправкой на фронт мы получили от союзников подарки в виде ботинок. Ботинки узкие-преузкие. Черт его знает, что за колодки! Разве только полезут на тоненький носочек, а портянку и не пытайся надевать. Да и холодно было в этих ботинках, дело ведь к осени шло. Мне, с моим высоким подъемом, они так натерли ноги, что я не мог ходить. Вот прошло более 60 лет, а отметка от этих ботинок дол сих пор осталась.*

Впрочем, немногие поставки союзников отличались добротностью. Так, например, английские танки «Валентайн» по боевым качествам недалеко ушли от ботинок, горели, как спички.

За потертости упрекать было некого – люди давно потеряли счет пройденным километрам и забыли, когда переобувались последний раз.

Попал я в полевой передвижной госпиталь в Новых Санжарах. Такие госпитали неотступно следовали за наступающими войсками и находились километрах в 10-15 от фронта. Помещение было длинное. По одну сторону нары. На них вповалку, без разбору, впритык друг к другу лежали раненые. Запомнилась женщина, раненная в пах. Она лежала вместе со всеми и громко стонала. А мне места на нарах не досталось. Я валялся на соломе, на другой стороне, на полу. Натертости залечили, помогли физические приборы. В госпитале я был недолго, точно не помню сколько. Чуть поджили болячки, отвалились коросты – снова отправили на передовую. Требовались солдаты: армия наступала и несла большие потери.

*** **

Авторское отступление. *Интересный случай. Мой отец воевал на Калининском фронте. Летом 1943 года их часть была переброшена под Харьков. И, оказывается, мы с отцом одновременно находились в этой самой Марёфе, но не встретились. Об этом узнали много позже, когда вернулись домой. Мой путь шел на юго-запад, к Днепру, а его – на запад, в сторону города Сумы.*

*** **

Огневые точки фрицев расположены вдоль берега, в домах и в церкви села Старая Водолага. У нас позиции не из выгодных.

- И чем думал Творец, когда создавал эти места? – возмущается Димка. – Речушки здесь – посмотреть не на что, а долины у них – как у больших рек. И с берегами напортачил. Левые низкие, а правые высокие. Нет, чтобы сделать наоборот. По загровку дать за такую работу.

- А он специально так сделал, чтобы ты на брюхе чаще лазил, - с улыбкой откликается Кубасов.

Шутки шутками, а мы у немцев – как на ладони. Днем пошевелишься – сразу засекут. Изготовился для стрельбы – раньше обстреляют. И сманеврировать негде. Для освещения переднего края ночью немцы жгут хаты на окраине села. Ребята от злости аж зубами скрипят.

Здесь оборонялись 320-я и 106-я немецкие пехотные дивизии. Пленные показывают, что в частях из-за потерь не больше трети

штатного состава. Но нам от этого не легче. Не больше людей и у нас. Артиллерией и минометами давим. Днем время проходит в перестрелках. Ночами орудуя разведчики и саперы. Разведчики промышляют «языков», саперы разминируют проходы, исследуют дно речки и подходы к ней. Значит, будут танки. Если дно твердое, переправа не нужна, танки смогут сопровождать пехоту с первых минут атаки. Если дно вязкое – без переправы не обойтись.

В ночь на пятнадцатое разведчики 285-го полка, которым вместо погибшего подполковника Рудика теперь командует подполковник Баринов, сблизилась с боевым охранением противника и напали на него. Уничтожив троих, ребята восьмерых взяли в плен.

На рассвете загрохотали пушки. Артналет продолжался минут десять. Все, что сумели обнаружить наблюдением за эти дни, было накрыто и перемешано с землей. Огонь еще продолжался, когда в атаку поднялись стрелки и форсировали неглубокую Мжу. Они быстро проникли на улицы села Старая Водолага и, отбивая дом за домом, продвинулись к центра.

В это время саперы навели переправу. По ней с грохотом прошло свыше роты танков с автоматчиками на броне, двинулась артиллерия.

- Давай, славяне! Шевелись! – кричал старшина-сапер, пропускающая идущие на реку орудийные поезда, повозки с боеприпасами.

В гуле орудийной стрельбы, доносившейся с фронта, его слышали только ближайšie, но он, возбужденный боем и движением подразделений, не задумывался над тем, какой эффект производит своим криком.

- Чего мужик надрывается? Ошалел от грохота, что ли? Без его крика все торопятся. Не поспешишь – от села ни хрена не останется, - философски заметил разведчик ефрейтор Дунин.

Не втягиваясь в село, танки двинулись на юго-запад, вероятно, для перехвата путей отхода немцев. Артиллеристы развертывали системы на улицах, перемещались вслед за пехотой.

Село взяли к вечеру. Оно полуразрушено. На улицах стойкий запах тротиловой гари и пожарищ. Женщины и ребятишки плачут. Хочется помочь им, а чем?

Противник отошел к Знаменке и Мануйловке, потеряв до ста пятидесяти солдат убитыми и ранеными. Стрелки взяли шестнадцать пленных. Среди них три унтера.

18 сентября перешли границу Полтавской области и освободили Тройницы, Дондасовку, Первомайск, совхоз Вакулиху. Погода стоит хорошая, и не верится, что в природе сентябрь. На полях созрели овощи, арбузы. Два раза пришлось вести бой на бахче. Никогда не думал, что придется из пушки стрелять и одновременно вгрызаться в скибку нагретого солнцем кавуна.

От совхоза лишь название осталось Ни инвентаря, ни скота, ни зерна нет. Но народ здесь не голодал. Обносился только.

Хотя дороги местами заминированы, двигаемся к Днепру по пятам за немцами. Бои в основном огневые. Пехоты у нас практически нет. Стрелковые полки имеют по 500-600 человек, но это прежде всего артиллеристы, минометчики, связисты, медики, снабженцы, обозники-ездовые. Транспортные роты этих полков только конные. В каждом из трех полков теперь по одному сводному батальону, в батальоне пот одной стрелковой роте. В роте по 50-60 человек стрелков и автоматчиков. Штабы полка и батальона управляют, по существу, одной стрелковой ротой половинного состава. Для выполнения задачи ей придают полковую артиллерию и минометные подразделения, которые по огневой мощи равны артиллерийскому полку. На эти же три оставшиеся в дивизии стрелковые роты и на полковых разведчиков работают дивизионный артполк и противотанковый дивизион. Короче - у мухи в помощниках ходит слон.

19 сентября в своей полосе наступления освободили Тишинковку, Марьяновку, Нижне-Ланное. Немцы отошли на западный берег Орчика. Река такая, что утонуть немислимо, но задержались около нее на несколько часов.

В следующие два дня продвинулись километров на тридцать пять. Заняли 16 населенных пунктов. В бою у Николаевки захватили трех солдат в плен. Со второй половины дня 21 сентября соприкосновение с противником утратили. Саперы не успевают делать проходы в минных полях, установленных немцами.

Шел сентябрь, уже потянуло дыханием осени. Мы прошли города Красноград и Новый Орлик. Через Днепр между Кременчугом и Запорожьем наведено несколько понтонных переправ. Последние переходы мы совершали только по ночам и делали большие рывки вперед. Ночью же подошли к переправе под Переволочной. Вот он, Днепр!

Утро. Высоко в небе висит немецкий разведывательный самолет «Фоке-Вульф-189». Имеет он два фюзеляжа, соединенных крыльями и хвостовым оперением, поэтому прозвали его «рамой». Разведчик направляет свою авиацию на переправу. Налетают «лаптежники» и, кувыркаясь в пике, бомбят переправу. А высотные бомбардировщики обрабатывают прилегающую к переправе местность; с большой высоты они сыплют на дорогу и прибрежный лесок свой смертоносный груз. То ли о чем догадываются, то ли на всякий случай: других объектов не видно.

Бомбы свистят и рвутся все ближе к нам. Укрыться негде, только небольшая канавка у дороги. Бьют зенитки. Все - как всегда. Шлепаются осколки, как всегда, и... не всегда. Сколько их уже было,

таких бомбежек? Прилетают наши ястребки, пытаются рассеять немцев. Но все так же рвутся бомбы, и у нас есть потери.

А по переправе сплошным потоком идут солдаты, движется техника – спешат. На плацдарме идут ожесточенные бои. Немцы пытаются столкнуть наши войска в Днепр и не дать закрепиться. Командование старается переправить на плацдарм как можно больше войск. Вот и мы начали переправляться. Немцы бомбят нас. Над рекой стоит вой бомбардировщиков, грохот взрывающихся бомб, вода гейзерами взлетает кверху и каскадами окатывает нас. Пока мы шли через переправу, все пенилась и бушевала от взрывов днепровская вода. Гул самолетов, наших и немецких, нарастал, накатывался на берега Днепра.

Наконец-то мы перешли на другой берег. Солдаты сильно растянулись и полдня сосредотачивались в месте сбора. И все подходили и подходили отставшие, приводя себя в порядок. А «рама» все высматривала и высматривала, направляя свою авиацию на обнаруженные цели.

Только ночью мы двинулись вглубь плацдарма. Шли сильные бои в районе Пятихатки и Желтых Вод. Многих в этих боях мы не досчитались. После изнурительного вчерашнего марша все еще ныли суставы, но прежней усталости не чувствовалось, только в горле пересохло. А «рама»? Прилетит, покружится, понюхает. Не собьют зенитчики – жди неприятностей: бомбежки или артналета.

*** **

В ночь на 25 сентября части 7-й гвардейской армии генерала Шумилова форсировали Днепр и зацепились на том берегу за маленький клочок земли у села Домоткань. С одним из полков 15-й гвардейской дивизии 7-й гвардейской армии переправился комдив генерал-майор Василенко. На той стороне он испытал все трудности боя, когда немцы предприняли ожесточенные контратаки, стремясь сбросить наших солдат в реку. 24-й гвардейский корпус, занимавший плацдарм, подвергся ожесточенным атакам авиации противника. С помощью нашей авиации с большим трудом удалось удержаться на плацдарме.

Когда соседние армии начали форсирование Днепра, натиск немцев на наш плацдарм значительно ослабел. Началась борьба за расширение плацдарма и подготовка наступления на Пятихатку, Желтые Воды и Кривой Рог.

*** **

Авторское отступление. В одной из бомбежек я был легко ранен в правую руку. Осколок попал уже на излете, рана неопасная, и я остался

в строю. Но меня подстерегла другая неприятность. Марш для меня прошел не совсем удачно, появились сильные болячки на руках и ногах. Коросты при ходьбе мокли и прилипали к белью. В результате нога покрылась сплошной коростой. Ранение почти зажило на передовой, но я попал в полевой госпиталь Новые Санжары на Полтавщине. Затем лечился еще в нескольких госпиталях. И на фронт выехал только 20 декабря 1943 года.

Оказался я теперь в 299-й стрелковой дивизии 53-й армии генерала Манагарова.

*** **

От автора. Я вел очень активную переписку со своим однополчанином Росковым А. А. В письмах мы вспоминали пережитое, уточняли факты и детали событий.

Вот фрагменты из писем моего боевого товарища Алексея Андреевича РОСКОВА

Ты помнишь, в полку было много пожилых и молодых узбеков? И вот, мы наступали под Харьковом, на местечко Минводы. То ли со-вхоз, то ли еще что. Был сильный минометный огонь. Вдруг слышим крик: «Брата убили!» И сразу – большое скопление солдат азиатской национальности. На их крик немец еще усилил огонь. Поняли, и не одни узбеки, что толпиться в бою нельзя: опасно.

Ты пишешь о боях за Днепр. Когда мы его форсировали, то вышли на остров посреди реки. Тогда я впервые увидел залп «катюш». Несколько мин упало в Днепр.

Мне все казалось вначале игрой. Когда ехали на фронт, нас бомбили в Новом Осколе. Вечером стало светло, потому что «он» сбросил на парашютах осветители и стал бросать бомбы. И потом, когда мы переходили из второго эшелона на передовую, тоже попали под частичную бомбежку. Представьте себе: солдат прячется в кустах, а кругом жужжат и шлепаются рядом осколки. Забавно, не правда ли?

Помню еще одну бомбежку. Мы были в резерве. Получили газеты и собрались их прочитать. А в это время немец начал бомбить. Я в суматохе потерял саперную лопатку и не выкопал ячейку. Упал я в небольшую ямку и вдруг чувствую: кто-то на меня упал. Ну, думаю, хана, не вылез скоро. Оказывается, прикрыл меня командир взвода Краснов. Так я научился беречь лопатку. С Красновым я расстался на Днепре. Там рота автоматчиков перестала существовать. Оставшихся в живых передали в стрелковые роты.

*** **

В феврале 1943 года нас стали готовить в маршевую роту, обмундировали. Прибыли в дивизию, что стояла на пополнении. 1 мая 1943 года приняли присягу. Распределили нас по ротам и батальонам. Один попал в разведку, а мы трое – в роту автоматчиков. Над нами смеялся комполка, называя нас «детским садом».

Когда была дана команда двигаться на исходную, мы действительно двигались к исходному рубежу. И если бы меня инее подвели ноги, то быть мне стрелком, А так как я на марше все время отставал, то оставили меня в роте автоматчиков. Ты можешь представить в роте автоматчиков солдата с винтовкой с примкнутым штыком? Смешно...

Прибыли, наконец, на передовую.

Стали укреплять траншеи, окопы, огневые точки и т.д. Немцев не было видно, не взрывались снаряды. Это оказалась вовсе не передовая линия обороны, а запасная, на случай прорыва немцев под Курском.

Потом начался марш к Белгороду. В освобождении Белгорода наша дивизия не участвовала, прошли по городу без боев.

Затем начались бои под Харьковом, где и мне пришлось участвовать. Мы охватывали Харьков с севера и запада. И вот там-то произошел эпизод с наманганцами («Брата убили!»). вышли к станции Пересеченная под Люботиным. Затем я сдуру чуть сам себя не сжег. Нашел немецкую ракетницу и хотел пухнуть в дно окопа. Но потом передумал: ведь в ракете-то фосфор.

Увидел над балкой, где расположено село, наших «Ильюшиных». Они делали заход за заходом на немецкие позиции, поливая их пулеметно-пушечным огнем и обрабатывая бомбами и ракетами. Недалеко эти наши штурмовики немцы называли «черной смертью».

В бою за это село я потерял своего друга Ивана. Это случилось так. Наш взвод оторвался от основных сил и очутился в мешке. Командир приказал отходить, но Иван отказался. И, когда его окружили немцы, он подошедших врагов и себя взорвал гранатой.

Дальше начались бои за Полтаву, но мы обошли ее стороной. Вышли к Днепру, стали форсировать. Было тяжело. Гитлер не хотел пропускать нас через свой сильно укрепленный Восточный вал. Переправлялись - кто как мог. Плавсредства были никудышные. Мы переправились на остров посреди реки (сейчас его нет, затоплен водохранилищем Кременчугской ГЭС). На правом берегу Днепра зацепились за крохотный пятачок. Но дальше пришлось продвигаться под шквальным огнем немцев Шаг-два – и ложись. Один за другим гибли товарищи. Здесь потерял друга своего, земляка-ярославца.

Прозвали мы это пятачок «долиной смерти». Рота наша фактически перестала существовать.

Уцелевших перевели в стрелковый батальон. Я попал в охрану НП полка. Во время артобстрела меня контузило и засыпало в окопе. Меня откопали и привели ив чувство Бобров с санитарями, Ночью меня переправили на другой берег. При переправе я застудил ноги, не мог даже переобуться. Когда позволило время, погрел ноги на солнце. И после этого стало еще хуже, не мог ступить даже на пальцы. Меня определили на переборку и чистку оружия. Песок – враг оружия, а оружия и так не хватало, так как прибывало много новобранцев, не обмундированных, не вооруженных, мобилизованных из освобожденных сел. Оружие они добывали в бою. Правда, и гибли тысячами.

А у меня с ногами становилось все хуже и хуже. Отправили меня в санроту, которая находилась в Золотнице. Там я нашел брошенную землянку-окоп и в ней зарылся, как сурок – выползал только на завтрак, обед и ужин. Конечно, лечили, мазали ноги. Как оказалось, мое самолечение под солнцем дало реакцию тепла на холод, и в результате ноги оказались обмороженными.

Так я и остался в санроте, сперва санитаром, а потом санинструктором. Бывало. Посылали в стационар батальона. Так я прошел до Молдавии, где мы долго стояли на отдыхе и пополнении.

*** **

От автора. Рассказ А.А.Роскова приведен в моей статье «Они служили в одной роте».

Побывал я и у Героя Советского Союза Петрищева, вот только дома его не застал. Он был на сборах по случаю Парада Победы в Москве, на Красной Площади. Вновь учились ходить строевым шагом. А было это накануне 40-летия Победы. Я всегда, когда проезжал через Москву, разговаривал с ним по телефону. Живет он неподалеку от Павелецкого вокзала.

Героя ему дали за бои под Харьковом. Когда сложилась очень тяжелая обстановка, а он был на КП, то принял решение вызвать огонь на себя. Немцы понесли большие потери, а сам Петрищев остался цел.

Много моих однополчан жило и живет в Москве, и пехотинцев, и кубанских казаков.

Александр РАСКОВАЛОВ

Александр Григорьевич Расковалов – ветеран Великой Отечественной войны, награжденный медалью “За отвагу”, орденом Отечественной войны и орденом Славы.

Коренной уралец, он после войны вернулся на Урал. Окончил техникум советской торговли и много лет отдал этой сфере деятельности: сначала в Красноуральске, потом (с 1962 года) в Качканаре.

В своих воспоминаниях Александр Григорьевич рассказывает о семье Расковаловых, все мужчины которой были защитниками Отечества, и о своем фронтовом пути от Прохоровки до Праги.

МОЙ ПУТЬ “ОТ П ДО П”: ОТ ПРОХОРОВКИ ДО ПРАГИ

Прежде чем говорить о себе, расскажу о нашей семье Расковаловых.

Мы - коренные уральцы, родом из села Большие Брусяны, что в Белоярском районе Свердловской области

Мой отец - Григорий Семенович. Крестьянский сын, он стал рабочим. Пытливый, смекалистый, он работал сначала в родном селе, потом на - Уралмаше

В 1941 году ему был 41 год, его племяннику Ивану, которого он вырастил как сына, – 35 лет, моему родному брату Михаилу – семнадцать, мне – шестнадцать. И всем нам пришлось воевать с фашистами. Всех мама провожала на фронт, о каждом болело ее сердце, каждого ждала – и все смотрела на молодые березки, которые она посадила, загадав на нас. Все деревца прижились – значит, мы вернемся живыми. Так и случилось. Сколько людей полегло на войне! А мы живы, даже не верится! Счастливая наша семья!.. И гордимся, что были защитниками нашей Родины

В 1941-м отец ушел на фронт. О том, как он воевал, говорят медали «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», орден Отечественной войны.

Ушли на фронт и его дети. Приемный сын Иван, кавалер двух орденов Красной Звезды и ордена Отечественной войны, навсегда связал свою жизнь с армией. В мирное время он служил в Забайкалье, Прибалтике, Москве.

Михаил тоже мечтал стать военным. В 1941 году он поступил в Высшее военно-морское училище в Ленинграде. Но над городом нависла фашистская угроза – и студентов перевели в Баку, в такое же военно-морское училище. Однако проучились недолго: на Кавказ пришли немцы. Все студенты ушли на фронт – и все погибли. Фамилии этих героев хранит установленный в училище памятник.

Когда через много лет Михаил Григорьевич посетил это училище в Баку, он прочитал на памятнике и свою фамилию. И почти не удивился. Он побывал в этой мясорубке, знал, что такое война в горах с противником, вооруженным до зубов. В боях за Кавказ Михаил сражался храбро, был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны. А в 1942 году под Нальчиком был ранен – страшно, почти смертельно; наверное, тогда и посчитали его убитым. Но он выжил, полтора года лечился в госпитале – и выжил. И решил стать врачом.

Ходил на костылях, но закончил с отличием Свердловский медицинский институт, стал доктором медицинских наук, профессором. Работал в Свердловске, в Челябинском медицинском институте, на кафедре инфекционных болезней. Кстати, его жена Валентина, две их дочери и сын – вся семья Михаила Расковалова служит медицине. Чудом вырвавшись из лап смерти, мой брат призвал себя на эту службу – спасать человеческие жизни. Горжусь своим отцом и братьями, младший из которых служил в армии уже после войны, в мирное время.

А теперь о себе. Помнится многое.

Самые яркие впечатления детства связаны с 1934 годом. Тогда я был учеником второго класса одной из школ на окраине Свердловска. В том году я присутствовал на двух многолюдных митингах. На одном уральцы радостно приветствовали спасенных «челюскинцев». На другом митинге выступал нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе – и все ликовали по поводу успешного старта Уралмашзавода.

А в конце 30-х годов в нашу школу поступили дети «врагов народа». Дочь Тухачевского ходила в десятый класс. А дочери Уборевича, Гамарника, Малоштана были, как и я, восьмиклассницами. Нормальные девчонки, умные, скромные, хорошо знали немецкий язык и вообще учились успешно. Не верилось, что их родители могут быть «врагами народа»... Девочки сначала смущались, им было неловко, будто они в чем-то виноваты. А в чем – они и сами не знали. Не знали этого и мы, уральские школьники. Нам было жалко этих девочек, чьих отцов расстреляли, матерей приговорили к десяти годам и отправили в Ташкент, а дочек – в детский дом.

Хорошо помнится мне и техникум советской торговли, куда я поступил после школы. Общежитие техникума было на улице Вайнера, напротив большого гастронома, куда ребята часто ходили пить газированную воду по одной копейке за стакан.

Вот окончен первый курс, сдан последний экзамен – и пошли мы купаться в Верхисетском пруду. День был солнечный, жаркий... Возвращаются – а улица во всю ширину заполнена людьми. Одни плачут, другие охают, и все внимательно смотрят на открытое окно общежития, в которое кто-то уже выставил говорящую тарелку репродуктора. Этот черный круг принес людям черную весть о начале войны.

Техникум закрыли. И стал я рабочим оптико-механического завода, которому был присвоен номер 46: завод выпускал боеприпасы. За два месяца меня научили работать на токарном станке. Маленький ростом, я стоял у станка на патронном ящичке. Работал, как взрослый, постоянно перевыполнял норму и получал за это двести граммов хлеба и пачку табаку. Табак я менял на сахар. Проработал год, а исполнилось восемнадцать лет – и призвали меня в армию.

Когда меня спрашивают, где воевал, я отвечаю, что прошел «от П до П»: от Прохоровки до Праги. Этот боевой путь отобразил я после войны на самодельной карте – очень длинной бумажной ленте, которая как память висит на стене в моей комнате.

О Прохоровке и Курской дуге теперь знают все: кто – по книгам и фильмам, кто – по рассказам очевидцев. А я познал это всем существом своим, как и другие небритые юнцы из пулеметного училища в Чкалове, которые сразу оказались в пекле войны в составе 93-й гвардейской Харьковской дважды Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии. Харьковской назовут ее позднее, после героических боев и освобождения этого украинского города. А пока была Прохоровка, память о которой навсегда в моем сердце и в толстой тетради моих воспоминаний. Вот несколько строк.

«К 18 часам вышли к Прохоровке. Жара спала. Населенный пункт забит пехотой, на улицах не проехать. Полк вывели в поле. И вдруг раздалось: «Воздух!» Вдали послышался гул моторов: к Прохоровке приближалось 120 бомбардировщиков. Зенитные батареи открыли со станции бешеный заградительный огонь.

Лежу в поле, в борозде. Бежать некуда. Вижу, как у первых самолетов открываются бомболюки, оттуда отделяются торпеды и с нарастающим воем несутся прямо на меня. Прижимаюсь всем телом

к земле. Меня отбросило от земли, затем посыпались комья. И так снова и снова, то сбоку, то дальше рвалось, горело... Прошла первая волна бомбардировщиков, затем вторая в сорок самолетов. Третья. Налет продолжался полтора часа. Охранявшие бомбардировщиков «мессеры» на бреющем полете прострочили по нам и удалились».

На Курской дуге я получил первое боевой крещение и первое ранение. Лечился в госпитале под Воронежем. И снова – в строй, снова – пехота.

“Пехота. Конечно, пехота: сто прошел – еще охота!” – шутили у нас.

Потом был Харьков, за который бились десять наших дивизий. 28 августа 1943 года город был освобожден.

А 28 августа 1983 года представители всех дивизий собрались в Харькове, чтобы отпраздновать сорокалетие со дня его освобождения. Как тепло нас встречали! Какое ликование было на улицах! Сколько улыбок, сколько цветов! Целый километр мы шли по городу буквально по цветам. И радость была общая, по-настоящему братская..

Вот такие светлые чувства хранит память моего сердца. И правая нога тоже хранит память о войне. Осколок в берцовой кости то умолкает надолго, то опять напоминает о себе сильной и продолжительной болью.

Дальше по дорогам войны я шел в составе 167-й Сумско-Киевской дважды Краснознаменной стрелковой дивизии Киев мы взяли 4 ноября 1943 года. Сталин требовал, чтобы к Октябрьским праздникам этот город был взят – и мы взяли. Ох, сколько погибло солдат в жестоких боях и при форсировании Днепра!

Хорошо помню Корсунь-Шевченковскую операцию, Шепетовку, Западную Украину, Прикарпатье.

Вышли к Карпатам. Очень трудными были бои на Русском и Радошицком перевалах. Население нам помогало, и все же люди удивлялись, как мы умудрялись затащить орудия в горы. А мы благодарили терпеливых и выносливых ишаков. Потери в горах были очень большие!.. Бои в Карпатах, потом польская граница. Взяли город Санок на реке Сан. По реке через ущелье спустились в Ужгород, а тут и граница с Чехословакией. Взяли город Михайловце, потом – Кошице, тот самый, где выпускают «Шкоды».

Дальше дивизия шла с боями на северо-запад. Большие и маленькие города, широкие и узенькие реки. И вот полноводная Влтава и город Прага. Шла наша пехота, теряя бойцов; шло время, теряя месяцы, годы. Вот уже остались позади 1943-й, 1944-й... А впереди была победная весна 1945-го.

Месяц простояли в Праге, и шагом – марш! Конечно, шагом – а как еще идет пехота? И двинулась дивизия на восток. Шли с песнями. Снова, уже без боев, форсировали реки. Нам кричали: «Слава – победителям!» И качали, подбрасывая вверх, и обнимали.

Вот и Западная Украина. Тут пришлось задержаться: воевали с бендеровцами. И снова пешим ходом на восток, с радостью, с усталостью, с боевыми наградами: медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны и орденом Славы. Демобилизовался я лишь в 1947 году, 28 марта.

После войны я снова на Урале. Много лет уже живу в Качканаре – светлом благоустроенном городе. Радуют нас с женой наши дети и внуки. А память о войне всегда со мной: в моей больной ноге, в моем солдатском сердце, а также в моем домашнем “боевом уголке”, где длинной лентой на стене – мой фронтовой путь от П до П и большие портреты всех Расковаловых – защитников Отечества.

Борис ТРУБИН

Борис Иванович Трубин родился 24 июля 1920 года в крестьянской семье в деревне Пылаева ныне Пышминского района Свердловской области. В 1933 году семью раскулачили, а в 1933 году был арестован и расстрелян отец.

Работать Борис Иванович начал в 14 лет.

4 июня 1941 года был призван на действительную службу в запасной полк в городе Нижний Тагил, где и встретил войну. Воевал на Волховском, Ленинградском и Карельском фронтах в железнодорожных войсках, которые круглосуточно обеспечивали работу «дороги жизни». Участвовал в войне с Японией. Сержант, командир отделения.

Награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «За победу над Японией». Демобилизовался весной 1948 года, прослужив без малого семь лет. После демобилизации закончил курсы техников-практиков. Обслуживал телефонную связь Пышминского и Талицкого районов. Весной 1962 года приехал посмотреть Качканар – и остался. Работал в связи сначала в тресте, а потом в ГОКе. Проработал в цехе связи до 1986 года. Скончался после тяжелой болезни 29 декабря 1986 года.

Написал воспоминания о событиях, свидетелем и участником которых был, в том числе - о Великой Отечественной войне.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ БАТАЛЬОН

Свайно-ледовая переправа

В армию меня призвали перед самой войной. После кратковременного обучения в Нижнем Тагиле с очередной маршевой командой уехал я на Волховский фронт. Направили меня в отдельный железнодорожный восстановительный батальон.

Свайно-ледовая переправа через Ладожское озеро – самый настоящий железнодорожный мост широкой колеи упрощенной конструкции. Длина этого сооружения от берега до берега – 35 километров. От нашего, восточного берега переправу строила 11-я железнодорожная бригада и гражданские спецформирования: мостопоезд, путевые ремонтники и другие. Людей брали очень много. Возводить переправу начали в конце декабря 1942 года от станции

Кобона, а 18 января 1943 года наша рота забивала сваи уже на седьмом километре от берега, и паровоз ходил по пятикилометровой ветке. Первоначально прополз по эстакаде медленно, словно на ощупь, с порожними платформами. Потом стали возить круглый лес, шпалы.

Самой тяжелой работой на переправе была забивка свай. На каждый километр их требовалось несколько тысяч. На мелководье, метров на сотню от нашего берега, сваи забивали паровым молотом – тяжелым, громоздким, неуклюжим агрегатом. Он устанавливался на специальном помосте, поэтому работа шла медленно. Забили молотом около сотни свай – и бросили это неперспективное дело, перейдя на ручную забивку.

Самая первая операция – подготовка проруби. Группа бойцов топорами и ломami рубила лед. Затесанную сваю подтаскивали к проруби. К свайному оголовку привязывали четыре веревки. Сваю опускали в прорубь, и четыре человека тянули за веревки, погружая ее до дна. На верх сваи набрасывали дощатый трап и по нему втаскивали комель толстого бревна с забитыми по бокам скобами. Этой так называемой «бабой» наносили удары по оголовку. По команде «Взяли!» шесть-восемь человек подбрасывали «бабу» и с силой опускали. Кто-то один, а чаще всего вместе кричали: «Раз!» Подбрасывали и опускали снаряд – «Два!». Так – до десяти взмахов – до полного изнеможения. После минутной передышки снова брались за скобы. И так несколько часов в день.

Большинство бойцов были волжане. Эти работали под бурлацкую «Дубинушку». Однажды, когда на трассе появился комбат Яценко, запевала начал: «Что-то сваюшка нейдет – да! Майор водки не дает – да!» И хор подхватил: «Эй, дубинушка, ухнем!» Забитые сваи опиливали на метр выше льда. На каждую пару свай укладывали насадку из бруса, на них – продольные бревна-прогоны, по два под каждый рельс. Потом укладывали шпалы и рельсы. Путь готов!

Часто бывало, что кто-нибудь, оступившись, срывался в прорубь. Купальщика вылавливали и гнали в палатку греться. Здесь утопленников не было. Но однажды случилась беда в другом месте. Пока опасались тонкого льда, грузили, укладывая поперек на закрытые борта «ЗИСа» по четыре сваи. Потом осмелели и стали грузить больше. И вот как-то нагрузились до отказа, да еще людей усадили. Двое втиснулись в кабину, а четверо улеглись в кузов под сваями. Поехали. Лед проломился, грузовик камнем пошел ко дну. Всплывшие сваи закрыли полынью. Водитель и пассажиры утонули.

Если брусья и шпалы возили на трассу автомашинами и на лошадях, то рельсы, вплоть до пятого километра, таскали волоком. Множество скоб, штырей, болтов и всяких поковок готовили тут же, на берегу, в примитивных кузницах и мастерских. Все делали вручную, сами.

Нашему батальону была придана команда водолазов Балтийского флота. Работали они в мягких скафандрах. Мы одевали этих смельчаков, помогали спуститься под лед, качали воздушную помпу...

С декабря 1942 года на Ладоге, в полукилометре от свайно-ледовой переправы, начала опять действовать автотрасса, иначе "дорога жизни". Вернее, несколько параллельных дорог. Днем и ночью шли по ним "полуторки" и «ЗИСы». В Ленинград – груженые, большинство с санными прицепами. Обрато – чаще всего порожние. По всей линии «дороги жизни» были расставлены зенитные орудия, палатки, регулировщики с флажками. Немцы несколько раз принимались бомбить и обстреливать дорогу. Большие налеты были 6-го, 7-го и 14 января. Урон, конечно, нанесли, но дорога действовала.

В январе немецкая авиация больше внимания стала уделять и нашей переправе. Налетали одиночные самолеты и группами. Их отгоняли зенитки и самолеты, но немцам иногда удавалось прорваться. А вот порт Кобону бомбили часто. Там в складах хранилось много продовольствия и всякого добра для Ленинграда. Склады под открытым небом как магнит притягивали к себе врага. Однажды после авианалета наша рота расчищала железнодорожные пути. Куски мяса и целые туши животных, мука, сахар, крупа – все перемешалось с землей и снегом. Помню, сокрушались мы о погибшем добре. Чтобы укрыться от вражеской авиации, бойцы батальона сооружали во льду укрытия. Защита не очень надежная, но на голом льду и это помогало.

В середине января 1943 года когда, уже было построено километра четыре переправы, пришел для обкатки паровоз «Овечка» с порожними платформами. От берега двинулся по эстакаде потихоньку, вперед вагонами и уполз километра на три. В это время стояла оттепель, и лед подтаял. Эстакада под тяжестью паровоза перекосилась. На исправление пути направили третий взвод нашей роты. Командир взвода Максимов уехал в командировку. За него остался помкомвзвода старший сержант Трофимов – знающий, опытный железнодорожник-путеец. До войны он работал дорожным мастером на станции Струги Красные Ленинградской области.

Взвод домкратами и вагами выравнивал путь. Где клинья подбили, где доски подложили, а где и целые шпалы. Вот паровоз с платформами отправился обратно к берегу, до которого осталось с

полкилометра. И вдруг сваи начали оседать. Из-под льда хлынула вода. Паровоз накренился, помощник машиниста и кочегар спрыгнули на лед и отбежали в сторону. С боку эстакады вслед за паровозом следовала толпа начальства, наблюдателей и корреспондентов – люди гражданские и военные во главе с командиром нашей 11-й железнодорожной бригады полковником Дебольским. Он был одновременно и начальником работ восточного берега. Шли, смотрели на эстакаду. Когда произошла просадка – остановились и замерли. Ждали: что-то будет дальше?

Первым нарушил молчание Дебольский:

- Кто здесь руководит работами?

Трофимов подбежал, руку под козырек:

- Я. За командира третьего взвода второй роты 57-го батальона старший сержант Трофимов

- Так вот, старший сержант, если он (Дебольский указал на паровоз) пойдет туда (показал вниз), то и ты за ним прыгай. Понял?

Трофимов сильнее вытянулся и рывкнул:

- Есть!

От такого решительного ответа даже сам Дебольский смутился. А сопровождающие его лица запереглядывались. Не сомневаюсь: поверили, что Трофимов выполнит приказание, прыгнет в ледяную воду. Постояли молча еще с минуту. Сваи больше не оседали, паровоз устоял. Заговорили, загалдели, зашевелились. Машинист забрался на паровоз через тендер. Паровоз тронулся, выполз из ямы и ушел на берег. Помощник с кочегаром убежали следом.

Просадку на этом участке быстро устранили, а через пару дней грянули морозы. Все надежно смерзлось, и паровозы пошли со скоростью до 20 километров в час. С платформами, груженными лесом. Обошлось без просадок.

Свайно-ледовую переправу мы не закончили. Только стройка набрала хороший темп, как 18 января 1943 года работы прекратили. Если бы не остановка, то в начале февраля переправа была бы готова через все озеро. Не берусь судить о людях, которые проектировали и утверждали план стройки. Но, думаю, едва ли переправа смогла бы долго работать. Никаких подкосов и стяжек к сваям не делали. Да они все равно были бы бесполезны. Предполагалось, что от бокового отклонения сваи будет удерживать лед. Однако уже в первую декаду января произошла его подвижка – и около двух тысяч свай отклонило от вертикальной оси почти на метр. Что же могло произойти при более сильной подвижке льда?

Длина переправы – от берега до берега – более тридцати километров. Даже при самой сильной защитной артиллерии и истре-

бительной авиации самолеты противника могли бы прорваться к переправе. Допустим, всего один самолет мог точным бомбовым ударом вывести переправу из строя. На озере – не на суше, обходной путь вдруг не сделаешь. Стоило пробить бомбой лед вдоль переправы метров на десять – ждать, когда полынья замерзнет, было бы некогда.

К счастью, нам не пришлось достраивать переправу. 18 января 1943 года блокада Ленинграда была прорвана - и необходимость завершения этого строительства отпала сама собой. Возможно, переправа была задумана для дезинформации противника, но это моя догадка.

Бойцы работали до изнеможения. Весь день на морозе. Продовольственного пайка, даже по первой норме, при такой работе не хватало. Все, кто вкалывали на трассе, постоянно чувствовали голод, постоянно шарили глазами в напрасных поисках съестного.

Во второй декаде января со стороны Шлиссельбурга донеслась до Кобоны артканонада. Когда она усиливалась, многие из нас останавливались и слушали, замирали. До поры до времени никто не знал, что там происходило. И только к вечеру 18 января стало известно, что войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали блокаду и соединились в районе Синявинских торфяников. Наконец-то!

Вечером 18 января работы на Ладоге прекратились. Все ушли на берег. Ночью с 18 на 19 января роты мылись в палаточных банях, прожаривали обмундирование, заменяли износившиеся валенки.

Готовились в передислокации.

Премиальная командировка

В начале августа 1943 года поступило распоряжение о передислокации нашей 3-й мостовой роты в район деревни Кобона, где уже находились все подразделения и штаб батальона. В то же время было велено командировать от роты трех человек, чтобы они вместе с младшим лейтенантом медицинской службы Упоровой получили для санчасти медикаменты и привезли их в Кобону.

Поездка в Ленинград расценивалась как премиальная. Желающих побывать в городе на Неве оказалось много, а отправили меня и еще двух солдат. Сдали мы старшине свои вещички и оружие, получили сухой паек на трое суток и 10 августа выехали из Шлиссельбурга. За полсотни километров поездки пограничники четыре раза проверяли наши документы.

На Финляндский вокзал приехали под вечер. До улицы Садовой, где располагалась военная комендатура, добрались на трамвае.

Упорова получила разрешение на квартиру по улице Воинова. В то время без разрешения никто не имел права пускать квартирантов.

Упорова раньше служила в Балтийском экипаже и по названному адресу имела знакомую, работающую дворником. Та отвела нам комнату в огромной пустующей квартире. Поселив нас, Упорова убежала в экипаж по личным делам. Остались мы одни, без командировочных документов, поэтому из квартиры не выходили. До глубокой ночи слушали Ленинградское радио. Я его не слышал больше года, поэтому навострил уши.

11 августа явилась наша медичка и увела нас в штаб 9-й железнодорожной бригады. Упорова выхлопотала нам увольнительные до вечера, а сама умчалась в Сануправу оформлять документы на получение медикаментов.

Обрадованные, пошли мы втроем по незнакомому городу. Дошли до оперного театра, по Садовой добрались до Невского проспекта. Там было несколько кинотеатров, и мы в трех из них посмотрели по картине. Потом отправились к Неве. На набережной остановились у замаскированных сетями военных кораблей и долго их разглядывали, чем, видимо, навлекли на себя подозрение моряков. Они подошли, потребовали документы и посоветовали нам поскорее убираться.

Набродились мы за день, насмотрелись и к вечеру, усталые и голодные, вернулись на квартиру. Помню, все опасались попасть в комендатуру под арест за неприветствие какого-нибудь начальника или патрулей. У каждого киоска останавливались и покупали клюквенный морс с сахарином. Больше лакомств в Ленинграде не встретили.

Не попались мы патрулям на улице, зато они сами ночью нагрянули с проверкой. Упорова ночевала где-то в городе/ Командировочные документы, как мы считали, у нее. У нас же просроченные увольнительные. Отвела от нас беду хозяйка квартиры. Разрешение на наше жительство оказалось у нее. Иначе худо бы нам пришлось.

12 августа мы с Упоровой уехали далеко, на Лесной проспект. Этот район города был застроен деревянными домами. Часть домов сгорела, часть разобрали на дрова. Всюду пустыри.

Кончилась командировка неудачно. В медикаментах нам отказали. Еще одну ночь ночевали в городе. 13-го Упорова опять исчезла по личным делам. Не велела нам высовываться, потому что увольнительных для нас не достала. Весь день слушали радио да спали. Упорова явилась лишь к ночи и ночевала у дворничих.

14 августа, рано утром, на трамвае приехали на вокзал. Опять на пригородном поезде добрались до Шлиссельбурга. Без груза и с

пустыми желудками. С сухим пайком расправились быстро и голодали вторые сутки.

До Кобоны далековато. На чем-то надо добираться. От станции Шлиссельбург перешли на левый берег Невы по автомобильному мосту, нами построенному. Теперь на мосту хозяйничали пограничники. На КПП мы узнали, что на Новоладожском канале грузят в баржу раненых. Баржа пойдет до деревни Лаврово, в ту сторону, куда нам и надо.

Разыскали баржу. В ней, на соломе, уже было размещено сотни полторы тяжелораненых. Погрузка заканчивалась, готовились к отплытию. Распоряжался тут майор медицинской службы. Упорова предъявила документ, сказала майору, кто мы и куда нам нужно следовать. Майор просиял: нашлись сопровождающие раненых. Он сказал капитану буксира, что своих людей посылать не будет.

Убрали трап, отчалили. На пароходе и на барже не то что пулемета, даже винтовки не было: налети вражеский самолет - обороняться нечем. День стоял солнечный. Упорова всю дорогу хлопотала около раненых. И нам работа нашлась: кому пить подать, кого уложить поудобнее. Беспокойно, но добрались благополучно. Баржу в Лаврово ждали. Сразу же стали уносить раненых на берег, перевозить на станцию для погрузки в санитарный поезд.

До Кобоны, километров десять, плелись мы пешком. Выпросили на кухне поесть и рухнули спать.

Так прошла наша премиальная командировка.

Коварные обои

Большинство солдат нашей роты были люди пожилые. Молодых мало, комсомольцев всего два десятка. Из них активных – человек десять. Таких, как Петька Бадагазин и его друг Аркаша Пустовских. Они и «боевые листки» выпускали, и громкие читки проводили, и на трассе не ленились. Уставали не меньше других, но находили силы и время для общественных занятий. Боевым парнем был и санинструктор Коля Бережков. Где обстрел, бомбежка – там и он. Во всех взводах был желанным, уважаемым человеком. Любили его и в роте. Но находились и такие друзья, которые только числились в ВЛКСМ да взносы платили.

Трудновато приходилось, но политработа у нас оживилась. Свежие газеты получали мы регулярно. Часто проводили лекции и беседы. Организовали самодеятельность. Правда, плясунов и солистов в роте не нашлось, но хор получился неплохой, не раз выступал он на батальонных самодеятельных концертах.

Став комсоргом, я с группой комсомольцев-активистов дважды побывал в Ленинграде на совещаниях. Оба раза проводились они в

Доме учителя на Набережной Мойки. Ночевали все вповалку на полу в штабе 9-й железнодорожной бригады. Ленинград я видел лишь из окна трамвая, не пришлось, как в августе, погулять по улицам. Ночью город затемнялся. Даже трамваи и автомашины двигались без света. Это больше всего запомнилось. Но, как бы там ни было, с семинаров в часть возвращался я гордый и воодушевленный.

И еще об одной льготе. 29 октября 1943 года, в день очередной годовщины ВЛКСМ, нам, комсомольцам батальона, вручили медали «За оборону Ленинграда». А вручал их, жал руки награжденным и каждому говорил несколько благодарственных слов комбат подполковник Яценко. На это он был большой мастер.

Но должность комсорга была для меня и опасна. В этом я убедился на собственном опыте.

В городе Луге, в доме, где мы квартировали, вместо обоев все стены во время оккупации были оклеены номерами фашистской газеты «Северное слово» на русском языке. Несколько дней мы читали эту стряпню. С интересом рассматривали фотоснимки Гитлера и его свиты, сделанные во время посещения им города Луги. Помню, Гитлер был снят на наскоро сколоченной трибуне рядом с известным предателем генералом Власовым. Карикатур на этих гадов мы достаточно насмотрелись в наших газетах, но любопытно было посмотреть, как они выглядят на самом деле.

Никто из нас симпатий к ним, конечно, не питал. Что касается статей «Северного слова», то они вызывали у нас насмешки и отвращение из-за нелепости. Никакого отрицательного влияния на нас газетка оказать не могла. В течение года в роте не было дезертиров. Никто не отстал, не перебежал к немцам, хотя возможностей было сколько угодно. Следы злодеяний гитлеровцев красноармейцы видели собственными глазами, и склонить их на сторону врага никакая пропаганда не могла. Ход войны явно показывал, что фашистская Германия катится к краху. Наши солдаты верили в победу Красной Армии, и нечего было опасаться, что кто-нибудь из нас способен поверить вражеским байкам.

Так думал я – и ошибался. Однажды, придя вечером с работы, мы были удивлены: по приказанию какого-то политработника все газетные обои со стен начисто ободраны. Влетело за эти обои командиру роты. Досталось командиру взвода. Попало и парторгу Просвирнову. Мне же никто не сказал ни слова, но по некоторым признакам я догадывался, что моя персона удостоилась чьего-то пристального внимания. Дело в том, что я принимался читать газетку несколько раз, почти каждый вечер. Одного этого факта было достаточно для доноса. Ведь комсорг роты не только не пре-

пятствовал чтению зловредного листка, но и сам очень интересовался. Попробуй тут доказать, с какой целью изучал «Северное слово». После этого случая долго я чувствовал за собой «хвоста». Считаю, что мне повезло: не угодил я в штрафную роту.

Однополчане

Интересно работал агитатор нашего батальона **капитан Степанов**. Пожилой, высокий, большой и худой, он целыми днями ходил по трассе. Группами, человек по тридцать, усаживал солдат на перекур и коротко, сжато, но доходчиво рассказывал о событиях на фронтах, отвечал на многие вопросы. От одной группы переходил к другой, из роты в роту.

Особенно подолгу не отпускали его бывшие партизаны, работающие в батальоне. Закаленные, они, стоя на холоде, способны были выслушивать трехчасовую лекцию. И вопросов задавали много. Беседуя с ними, Степанов доставал из полевой сумки и вывешивал школьную географическую карту с нанесенной линией фронта. Слушали его партизаны, останавливались проходившие мимо местные жители. Бывало, собиралась толпа человек до сотни. На мой взгляд, это был настоящий агитатор.

Служил в нашей роте солдат Аркашка Пустовских, он же Аркадий Иванович, комсомолец 1924 года рождения, уроженец Тугулымского района Свердловской области. Быстро на ходьбу Аркашу назначили посыльным. Каждое утро он забирал бумаги у писаря и у меня. Карабин на ремень - и отправлялся в штаб батальона. Пятнадцать километров туда и столько же обратно.

В последних числах апреля, когда заканчивали восстановительные работы на станции Чолово, в роте и штабе батальона готовили наградные документы на отличившихся при восстановлении железных дорог зимой 1943-1944 годов. Наступила весенняя распутица, все дороги растаяли и раскисли. Так вот, в один такой денек наша Аркаша поставил своеобразный рекорд.

Как всегда, утром Пустовских отправился в штаб батальона и неожиданно к обеду возвратился. Из штаба вернули наградные документы: что-то не так, как надо, было оформлено. Командир роты с писарем уединились, исправили, дополнили, переписали. Через час Пустовских снова ушел в штаб. Под вечер опять притопал на станцию Чолово. Снова штабники вернули бумаги, найдя в них неточности. Командир роты и писарь, в который уж раз, занялись переделкой. Аркаша с утра прошел 60 километров. Конечно же, устал. Но, кроме него, дорогу в штаб не знал никто. Кого отправить, да еще ночью? В третий раз за день Пустовских отправился в штаб.

Дали ему в провожатые солдата и наказали: обязательно дойти до штаба и там ночевать.

И вдруг около полуночи Аркаша возвратился в роту. Один. А где же товарищ? Всполошились, разбудили командира роты. Обступили посыльного, засыпали вопросами, а он плюхнулся на пол у печки, встать не может и блаженно улыбается. Дали ему напиток - маленько отошел, заговорил. И вот что рассказал. Дошли до штаба, сдали документы. На сей раз признали их в порядке. Попутчик Аркаши так устал, что решил ночевать в штабе. А Пустовских пошел на станцию Чалово. За один день прошел он по распутице 90 километров. Столько никто в роте еще не проходил. Я сам неоднократно хаживал по 50-60 километров в сутки и знаю, что это такое. Это предел человеческих сил. Однако солдат Пустовских доказал, что возможности человека неисчерпаемы.

В ночь с 1 на 2 июля 1944 года батальон вышел со станции Свирь и, растянувшись на километр, пошел по железной дороге в сторону Петрозаводска. На некотором удалении впереди колонны двигалась команда минно-подрывного взвода с задачей обезвреживания или ограждения мин. Конный обоз шел параллельно железной дороге по грунтовке. Большие привалы устраивали у речек и ручьев, обязательно в таких местах, где к железной дороге могли подъехать походные полевые кухни. Железнодорожные станции батальон проходил не останавливаясь

Батальонную колонну вел сам командир батальона подполковник Яценко. Шел он пешком, как и все. Стояла 30-градусная жара, одолевал овод. Тяжело нагруженные солдаты двигались медленно, всего километров по 20 в сутки. Яценко то обгонял колонну, то останавливался на обочине, пропуская возле себя весь батальон. Многих солдат он знал по именам и фамилиям, знал, кто откуда родом. Кому кивнет и улыбнется, кого ободрит словом. Высказывания его были краткие: «Веселей, товарищи! Видите, что натворил враг на нашей земле? Враг бежит, его надо добить. Тяжело, но надо. Понимаете – надо!» Умные, вовремя сказанные слова воодушевляли, помогая преодолеть усталость.

Невольно напрашивалось сравнение. Помнится, в январе 1943-го шли мы из Кобоны к Синявинским болотам. Батальонную колонну вел пьяный капитан Никифоров. Всеми он был недоволен, всех материл. Совсем по-другому вел себя Яценко.

В жару так и манило надолго припасть к родниковой воде. Чистых холодных речек много попадалось на нашем пути. Комбат лично следил, чтобы солдаты не опивались, и эта строгость спасла многих от простуды. На привалах Яценко непременно обходил

роты, проверял, накормлены ли бойцы и как они отдыхают. У всех он был на виду, обо всех заботился. Неизвестно только, отдыхал ли он сам.

Умный, опытный, справедливый был у нас военачальник. Комбата Ященко я не забуду.

Толмачевский мост

За годы войны довелось мне участвовать в строительстве и восстановлении многих мостов в Ленинградской области и Карелии. Некоторые стройки запомнились больше других. Например, восстановление железнодорожного моста через реку Лугу близ станции Толмачево.

Однопролетный этот мост длиной около сотни метров в 1941 году немцы захватили в целости и сохранности. Его значение и ценность для немецкой армии были исключительно велики. Два с половиной года этот мост служил врагу.

По железной дороге Псков-Луга-Гатчина немцы подвозили подкрепления, вооружение, боеприпасы и многое другое для своей армии, осаждавшей Ленинград. Охраняли и берегли мост очень тщательно. Население из близлежащих поселков и деревень убрали. Вся местность вокруг моста была вдоль и поперек в несколько рядов опутана колючей проволокой и насквозь простреливалась. На десятки километров вокруг, во всех населенных пунктах стояли гарнизоны. Охранялись дороги и тропинки, ведущие к мосту.

За два с половиной года было несколько попыток взорвать мост. И все они оказались безуспешными. Для взрыва моста был даже организован многочисленный отряд регулярных войск Красной Армии, который проник на территорию, но еще вдали от моста был обнаружен противником и с боями возвратился к своим. Пытались взорвать мост партизаны, но тоже не смогли. А ведь на перегоне дороги Псков-Луга они неоднократно разрушали путь, пустив под откос несколько фашистских составов. Не сумела разбомбить мост и наша авиация: надежно прикрывали его немцы и с воздуха.

Зато, отступая, они взорвали недостижимый для нас мост. Огромное пролетное строение лежало на дне реки грудой искореженного металла, перегородив русло, без того стесненное и суженное в этом месте береговыми бетонными опорами.

На восстановление постоянного моста ушло бы очень много времени. По старой трассе восстановили его спустя несколько месяцев. А пока, чтобы скорее открыть движение, приступили к постройке временного моста на деревянных рамных опорах. Высота нового временного сооружения – метров около пятнадцати. Первые от берегов пролетные строения делались из бревен, Средние

пролеты перекрывались стальными фермами длиной метров до пятнадцати каждая.

Строило этот грандиозное сооружение гражданское строительное восстановительное спецформирование УВВР-2 НКПС. Руководил работами Герой Социалистического Труда Нариньян.

В первое же утро после нашего прибытия пришел в наше роту молодой, чисто побритый, черный, как грач, человек небольшого роста в новенькой телогрейке и шапке-ушанке. Подошел к командиру роты:

- Здравствуйте! Я – Нариньян, - и протянул руку офицеру.

Пока специалисты вели разговор, мы во все глаза смотрели на известного нам по рассказам Нариньяна. Тогда героев труда было, может, чуть больше, чем теперь космонавтов. Даже прославленный Алексей Стаханов не имел высокого звания. Живой герой труда рисовался в нашем воображении каким-то необыкновенным человеком. А тут предстал перед нами заурядный мужичок с неброской внешностью. Единственное, чем он выделялся, - его смуглостью

Техотдел Нариньяна, или что-то вроде его штаба, размещался в здании бывшего лесозавода. Я там бывал по нескольку раз в день, носил туда и оттуда всякие документы. Самое интересное, что я увидел в техотделе, – проектирование и разработка чертежей опор и других деталей моста велись одновременно со строительством. Конечно, размеры имевшихся где-то готовых пролетных строений, предназначенных для этого моста, были известны. На их основании строителям назывались основные точки опор для забивки свай. Удивляло не это. После сооружения свайного основания опор к проектировщикам постоянно подходили военные и гражданские строители и прямо с миллиметровки, с карандашных чертежей списывали и наскоро срисовывали схемы и размеры многоярусных опор и других деталей моста. Никто хотя бы для перестраховки не требовал у проектантов каких-либо подписанных и утвержденных чертежей. А шапку опор моста строители соорудили почти одновременно с окончанием ее проекта.

Такого исключительного содружества и слаженной работы ни до того, ни после видеть мне не приходилось. Взаимодействие всех участников строительства значительно ускорило работу.

И вот первый паровоз прокатился по мосту не один раз. Но и после этого наша рота несколько дней работа на достройке моста: делали перила, пешеходный настил, контррельсы, охранные брусья. Соорудили площадки для ящиков с песком. Поставили и дополнительные охватки, подкосы и раскосы.

После нас кто-то строил еще и ледорезы. Был март 1944 года. На реке Луге вскоре ожидался ледоход.

Прощай, Карелия!

Станцию Питкяранту, так же как и станцию Петрозаводск, финны разрушили основательно. Не хуже немцев. Пути и стрелки взорвали. Когда мы прибыли в Питкяранту, к восстановительным работам еще никто не приступал. Паровозное депо было разорено, пути взорваны.

Единственное предприятие в Питкяранте – бумажная фабрика, расположенная на островах Онежского озера и отделенных от материка узеньким проливом, бездействовала. Основное оборудование демонтировали и увезли вглубь Финляндии. Железнодорожный мост, ведущий к фабрике, взорвали. У пристани торчали из воды трубы нескольких затопленных пароходов.

Жилье в поселке осталось неповрежденным, но большинство домов пустовало. Финское население поголовно эвакуировалось. Советских людей прибыло еще очень мало: служащие районных учреждений, железнодорожники да с сотню рабочих и техников, приехавших из глубинных областей на восстановление бумажной фабрики.

В Питкяранте все подразделения батальона разместились в двухэтажных брусчатых домах, построенных в 1940 году. Два с половиной месяца, до половины января 1945 года, Питкяранта была базой мостовой роты. Взводы же были разбросаны по многочисленным объектам работ. Приезжали на станцию на день-два и опять уезжали.

По прибытии в Питкяранту 31 октября 1944 года сдали мы вконец изношенное обмундирование и получили зимнее: валенки, суконные портянки, теплое фланелевое белье, шапки-ушанки, рукавицы, стеженные брюки и телогрейки. Желающим выдали полушубки. На два месяца рота разделилась на две полуроты. Первым и четвертым взводами руководил сам командир роты Зазулин, вторым и третьим – помкомроты по техчасти лейтенант Нестерович.

Первый взвод лейтенанта Пушкина и четвертый лейтенанта Когана два месяца занимались так называемым послеосадочным ремонтом мостов на 100-километровом участке от станции Суоярви до Маткасельской, ремонтировали и те мосты, которые не были разрушены. Одним словом, устраняли недоделки, подмеченные железнодорожниками перед приемкой пути в окончательную эксплуатацию. Второй и третий взводы восстановили, а, вернее, заново построили деревянный путепровод и два однопролетных моста. Восстановили разрушенные деповские пути на станции Питкяранта.

Паровозное депо начало работать. Открылось сквозное движение поездов. От Янисъярви до Олонца стал регулярно ходить пас-

сажирский поезд, составленный из товарных вагонов-теплушек с нарами и чугунными печками. По восстановленной дороге начало возвращаться оборудование бумажной фабрики.

К 11 января все подразделения роты собрались в Питкяранте. Стало известно, что наш 57-й ОВЖДБ из подчинения железнодорожных войск Карельского фронта передан обратно в 9-ю железнодорожную бригаду и что вскорости мы должны уехать под Ленинград.

Десять суток, с 11 по 20 января 1945 года, прожили мы на станции без работы. Политработники, словно желая наверстать упущенное за полгода, дважды в день проводили политзанятия, политинформации, партийные и комсомольские собрания. В батальоне развернулась художественная самодеятельность. Нашлись певцы и певицы, танцоры и чтецы. Почти ежедневно устраивались концерты. Заработала наскоро оборудованная долгожданная солдатская баня с дезокамерой. Мылись и пропаривали завшивевшее обмундирование. Надо же, полгода в бане не бывали.

Последние два месяца в Карелии, в этом красивом краю, жилось нашей роте тяжело. Осень стояла ненастная: дожди, туманы, слякоть, гололед. Снежный покров установился лишь в конце ноября.

Нигде подолгу не жили. Особенно взводы, работавшие на участке Суоярви-Маткасельская. Два-три дня, самое большое неделя – и перебирались на новое место. Спали вповалку, не раздеваясь, без матрацев и одеял. Да еще, после окончания военных действий на Карельском фронте, кормили нас по тыловым нормам. Так что питались впроголодь. При таком бытии известие о предстоящем переезде к Ленинграду было воспринято с ликованием. Уехать, куда угодно уехать, лишь бы не голодать, не мерзнуть, не кормить вшей.

За 1944 год наша третья мостовая рота восстановили 39,5 километра пути, 34 трубы и однопролетных моста, шесть средних, двух- и трехпролетных мостов, участвовала в восстановлении четырех больших мостов.

23 января наш эшелон прибыл в Ленинград. Оттуда нам предстоял долгий путь – через Псков на Иркутск, куда прибыли мы 13 апреля. За 41 сутки, не выходя из вагонов, проехали около семи тысяч километров.

Из-под Пскова выехали зимой. В Польше увидели весну. За Москвой, под Казанью, опять въехали в зиму. А в Иркутске – опять весна. За месяц с небольшим побывали в двух зимах и отпраздновали две весны. Природа будто благодарила нас за перенесенные мытарства, за нашу работу.

ТЫЛ - ФРОНТУ

По страницам газеты «Приисковый рабочий»¹

**«ПОМОЧЬ КРАСНОЙ АРМИИ
БЫСТРЕЕ РАЗГРОМИТЬ ФАШИСТСКУЮ ГАДИНУ!»**

Активность домохозяек

Речь любимого вождя товарища Сталина зажгла патриотизмом сердца трудящихся. Ещё теснее сплачивается советский народ вокруг коммунистической партии. Каждому хочется вложить свой труд в дело помощи героической Красной Армии.

Перестроиться на военный лад, считать себя мобилизованными на трудовом фронте – вот мысли, овладевшие сейчас домохозяйками.

С первых же дней войны много домохозяек пошло работать в старательские коллективы, а сейчас приток заявлений в горно-старательный отдел Исовского прииска особенно увеличился.

На старательской добыче металла работает больше шестисот человек вторых и третьих членов семей. Учащиеся старших классов организуют свои бригады. Бригада, состоящая из школьников и студентов горного техникума, 8 июля приступила к работе по добыче металла.

На Валерьяновском участке организовалось четыре артели из вторых и третьих членов семей. К каждой артели прикреплены забойщики, а остальную работу женщины проводят самостоятельно. Они уже полностью закончили горно-подготовительные работы.

Во всех вновь организованных артелях хорошая производительность труда. Женщины борются за выполнение плана. В женской старательской артели на Журавлинском участке к концу дня в субботу выяснилось, что не хватает нескольких десятых процента до выполнения плана. Бригадир Н.П. Жукова организовала работу в воскресенье - и план был не только выполнен, но и перевыполнен.

Тов. Жукова - хороший организатор женского труда. Она умеет привлекать новых работниц и добивается выполнения плана. Дирекцией прииска тов. Жукова премирована.

Чувствуется большой патриотический подъём среди домохозяек посёлка Дружелюбного. Жадно слушают они агитаторов, рас-

¹ Газета Исовского райкома КПСС и районного исполнительного комитета. Исовский район существовал с 1933 по 1955 год, в него входила территория нынешнего Качканарского городского округа.

сказывающих о положении на фронте. На речь товарища Сталина домохозяйки этого посёлка ответили массовым вступлением в старательские артели.

11 июля 1941 г., №84

Замечательная работа старателей

Старатели Валерьяновского старательского участка полны единым желанием: как можно больше дать стране драгоценного металла, тем самым помочь Красной Армии быстрее разгромить фашистскую гадину. На участке с каждым днём растёт добыча металла. Стахановцы показывают замечательные образцы производительности.

С первых дней отечественной войны на участке была организована женская старательская артель. Руководство женской артелью было возложено на одного из лучших старателей участка Александра Афанасьевича Бабикова. Своим бригадиром женщины избрали Екатерину Малявину. Она сумела правильно организовать труд в артели. Сейчас все женщины выполняют дневные задания. Особенно хорошо работают Мария Серова, Анастасия Кожина, Анна Саранина, Зинаида Альянова, Ирина Аликова. В июле женская старательская артель намного перевыполнила месячное задание.

Выполнил июльский план также старательский коллектив Степана Тимофеевича Репесных. Прекрасно работают в коллективе забойщики Фёдор Хамин, Николай Сазанов, Павел Бабилов.

Хорошо в июле работали старательские артели, руководят которыми тт. Ладыгин Е.А., Попов Н.А., Пермяков Н.Е., Порохин Ф.Д., Сабенин А.С. Все эти артели выполнили месячный план.

В дни отечественной войны число старателей намного увеличилось. На старательскую добычу металла выходят домохозяйки, школьники, подростки. Многие на старание выходят семьями. Так, Иван Иванович Антонов ежедневно выходит на старательскую добычу металла с женой и 14-летним сыном. Всей семьёй работают на старании и Николай Алексеевич Климов.

Люди, проработавшие на старательской добыче металла не по одному десятку лет и юные старатели, пришедшие на старание в дни отечественной войны, - все охвачены единым стремлением – дать родине как можно больше драгоценного металла, чтобы быстрее обеспечить победу над заклятым врагом.

*В. Ломтев,
начальник Валерьяновского старательского участка.
6 августа 1941 г., №95*

Производственный подъём на драге

Как только началась Отечественная война, наша драга вступила в строй действующих. С первых дней работы коллектив драги дал слово работать так, чтобы полностью обеспечить нужды любимой родины в драгоценном металле. В первые же дни драга начала выполнять дневные задания.

С ещё большим подъёмом стали работать все драги после речи по радио товарища Сталина. В ответ на призыв любимого вождя коллектив драги взял обязательство выполнить годовой план к 5 декабря. Задание июля драга намного перевыполнила. С всё возрастающим подъёмом продолжает работать драга и в августе.

Замечательные образцы высокопроизводительного труда показывает драгёр Александр Блинов. В его смене не было ни одного случая остановки и простоя драги по вине отказа работы паровых механизмов. Машинист драги коммунист Камалей Шайхисламов и кочегар Василий Волков прекрасно справляются со своими обязанностями и всегда содержат машинное отделение драги и паровой котёл в образцовом состоянии.

С первых дней пуска драги с бригадой тов. Блинова соревнуется драгёр Ермолай Вершинин. Это один из старейших опытных работников драги. Своим личным примером он увлекает всю бригаду на честный, самоотверженный труд. Прекрасно работают в его смене машинист драги Сергей Гребёнкин, кочегар-комсомолец Сергей Голиков и маслёнщик Иван Злобин. Благодаря их стахановской работе смена драгёра Ермолая Вершинина систематически выполняет дневные задания добычи драгоценного металла.

Хорошо работают на драге и сполоскательницы, руководимые комсомолкой Марией Широковой, выдвинутой на должность зав. сполоском из доводчиц. Борясь за максимальное улавливание металла, сполоскательницы Зоя Антонова, Мария Козлова, Таисья Широкова показывают образцы трудового героизма.

Из коллектива драги многие ушли на фронт. Однако производственный ритм работы драги несколько не нарушился. Ушедших на фронт с успехом заменили их жёны и оставшиеся рабочие драги. Так, недавно мы проводили в Красную Армию одного из лучших работников драги – бригадира береговых работ тов. Зальмутдинова. На драгу пришла работать его жена – Лидия Николаевна. С работой она справляется прекрасно.

Весь коллектив драги охвачен сейчас единым производственным порывом, у всех одно стремление – дать любимой родине как можно больше драгоценного металла, так необходимого для побе-

ды над заклятым врагом человечества – кровавым людоедом Гитлером и его презренной бандой.

*И.Ф.Поляков,
начальник драги
8 августа 1941 г., №*

Больше тёплых вещей для Красной армии

С большим подъёмом проходит сбор тёплых вещей для Красной армии на посёлке Валерьяновском. Рабочий гидравлики «Мокрая» тов. Гребенщиков, сдавая вещи, заявил: «Я сам был на войне, сейчас двое братьев сражаются на фронте против фашизма. Я считаю своей обязанностью помочь фронту». Тов. Гребенщиков принёс в комиссию по приёмке тёплых вещей тёплую фуфайку, ватные брюки, пару тёплого белья.

Остальные рабочие этой гидравлики выделили 16 рублей в золотом исчислении и на эти деньги купили мануфактуру для пошивки тёплого белья. Их примеру последовал коллектив драги, которой руководит тов. Поляков. Они тоже купили тёплый материал для белья. Уже организовали пошивку. Активное участие в пошивке приняли женщины-общественницы тт. Ломтева, Овчинникова, Кожина.

В комиссию по приёмке тёплых вещей ежедневно приходят жители посёлка и сдают вещи. Тов. Глазунова принесла тёплые брюки, тов. Полякова – валенки, тов. Бабилов – полушубок.

Со всей серьёзностью и ответственностью относятся трудящиеся посёлка Валерьяновского к этому важному мероприятию. Они знают, что народная помощь фронту, забота о доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армии поможет нашим героическим бойцам быстрее уничтожить зарвавшегося бандита Гитлера.

Дадим нашей родной Красной Армии столько тёплых вещей, сколько потребуется.

*Инструктор РК ВКП(б)
А.Зыкова
17 октября 1941 г., №*

В помощь фронту

Коллектив работников Валерьяновского детского сада горячо откликнулся на обращение рабочих цеха, где начальником тов. Абакумов, о сборе средств на строительство танковой колонны «Исовской рабочий».

Воспитательница Старкова, повара Балыкина и Ракитина внесли по 100 рублей. Маленькие воспитанники, отцы которых сража-

ются на фронтах отечественной войны, тоже внесли свои сбережения на строительство танковой колонны..

Глазырин Ваня принёс 20 рублей, Старков Юра 20 рублей, Глубоковских 5 рублей, Гаврилов Серёжа 7 рублей, Шалагинов И. 10 рублей, Дресвяникова Моря 12 рублей.

Всего собрано и сдано в банк 574 рубля.

А.Санникова

27 января 1943 г., №11

Старатели в борьбе за обязательства

На Валерьяновском участке высокую производительность дали за две декады августа артели тт. Собенина, Репишных, женская старательская артель, руководимая тов. Продовиковой и артель тов. Иванова.

26 августа 1943 г., №57

План будет перевыполнен

Трудящиеся лесохимподсочки развернули социалистическое соревнование за перевыполнение плана, за право первыми подписать полугодовой рапорт уральцев товарищу Сталину.

Молодой мастер Покровского участка тов. Галиулин 23 мая выполнил майский план на 111%. Профорг этого участка тов. Нелюбина 26 мая выполнила месячное задание на 102,5%. Хорошо работают тов. Пешина, алышева и др.

Ушедшего на фронт мастера лесохимподсочки тов. Зайкова заменила его жена, и она не только не сдала темпов работы, а выполняет план выше, чем выполнял муж.

Хорошо работает на Валериановском участке тов. Шамаевских Надежда Фёдоровна, систематически выполняющая дневные нормы на 106%. Сборщица живицы тов. Еропалова выполняет план на 150 процентов и выше, тов. Кламова на 116 процентов и др.

Трудящиеся лесохимподсочки взяли повышенные обязательства за июнь и с честью их выполняют.

4 июня 1944 г. №21

План перевыполнен

Воодушевлённые высокой оценкой работы в апреле-месяце вручением переходящего Красного знамени Государственного комитета обороны, старатели не снижают своих темпов и в мае.

Артельнинский горно-старательский участок выполнил майское задание по мускульной добыче на 136 процентов, Троицкий на 133 процента, Валериановский на 144, Журавлинский на 131,

Глубоковский на 115, Бушуевский на 120, Вайнера и Корелинский также выполнили майское задание.

Старатели Иса борются за право первыми подписать полугодовой рапорт уральцев товарищу Сталину.

4 июня 1944 г. №21

Вызов принимаем

Мы, забойщики Валериановского горно-старательского участка, ознакомились с призывом забойщика Кировского прииска тов. Карякина. В честь 27-й годовщины Октября мы встаём на стахановскую вахту и берём на себя следующие обязательства:

1. Выполнять дневную норму на 120 процентов.

2. Каждому забойщику обучить забойному делу не менее одного человека.

3. Заключить среди забойщиков индивидуальные договоры. Забойщица Иванова Анастасия обязалась выполнить производственную программу на 200 процентов.

*Забойщики Огризков, Дрисвянников
4 ноября 1944 г. №43*

Благодарность

Мы, семьи фронтовиков, проживающие на Валерьяновском прииске, Глазунова, Оберюхтина, Хакимова, Кудрявцева и Зайцева, проживающая на посёлке Ис, выносим сердечную благодарность за оказанную помощь. В дни фронтового декадника нам выделили валенки, чулки, носки, варежки, перчатки и мануфактуру.

Наши мужья, сражаясь на фронте отечественной войны, будут ещё беспощаднее бить немецких захватчиков, зная, что их семьи окружены заботой и вниманием.

*Глазунова, Оберюхтина, Хакимова, Кудрявцева, Зайцева
4 ноября 1944 г. №43*

ЗЕМЛЯКИ-ГЕРОИ

Михаил ТИТОВЕЦ,
директор городского архива, член Союза краеведов России

ЧТОБЫ ЗНАЛИ И ПОМНИЛИ

В прошлом году в некоей качканарской газете прошла заметка о том, что областная прокуратура исследует информацию о производстве и распространении среди школьников дневников, в которых наряду с информацией о важных исторических персонах с их портретами присутствует руководитель фашистской Германии Адольф Гитлер с фотографией и биографией. Прокуратура планирует провести проверку на предмет законности печати, по установлению признаков экстремистской деятельности, разжигания вражды и ненависти.

А уже на сайте сей газеты её читатели-почитатели проявили невиданную толерантность в отношении палача №1. Дескать, нельзя Гитлера вычёркивать из истории, не нужно уподобляться страусу, замалчивая отрицательных исторических персонажей – и дальше в том же духе.

А кто спорит? Тайны об «отрицательных исторических персонажах никто не делает: информации о них более, чем достаточно – хоть в библиотеке, хоть в Интернете. Проблема-то в другом: почему именно в школьных дневниках она должна размещаться? И почему правнуки победителей должны ежедневно лицезреть Гитлера, а а а не героев, переломивших хребет германскому фашизму? В расхожую фразу «страна должна знать своих героев» мы чаще вкладываем ироничный смысл. А знать-то не только должны, но и обязаны!

В. Скорынин

В годы Великой Отечественной войны высокого звания Героя Советского Союза были удостоены шесть наших земляков. Именно земляков, так как территория Качканарского городского округа тогда входила в состав Исовского района. Это командир танкового корпуса генерал-поковник В.В.Бутков,

полковник танковых войск А.В.Рогозин, полковник артиллерии В.А.Меркурьев, полковник авиации В.М.Чистяков, лейтенант В.П.Скорынин, старший сержант Г.И.Глазунов.

Из этого золотого списка качканарцы особенно трепетно относились к памяти Володи Скорынина. Разве могла кого-то оставить равнодушным судьба паренька, который в 17 лет отправился на войну, а уже в 19 сложил свою голову. И географически он нам ближе всех – родом В.Скорынин с Косья. Хотя... Хотя герои, как и святые, экстерриториальны, то есть принадлежат всем, независимо от того, в каком месте родились и выросли. Именно поэтому имя В.Скорынина носили пионерские отряды и дружины разных городов и посёлков Свердловской области, Украины, может, и других регионов, просто мы не знаем. И, наконец, мать героя долгие годы жила в Качканаре, до своей смерти в 1994 году. Своё долголетие Алевтина Михайловна объясняла так: «Живу за своих сыно-

Школа в посёлке Косья

Мать героя

вей». Отрадно было слышать слова её снохи Антонины Георгиевны о том, что бабушка в Качканаре была окружена заботой и вниманием, прежде всего тех же пионеров. Навещал её и глава города В.Ф.Мионов.

Но сменился общественный строй, вместе с ним ушла в прошлое и идеологическая парадигма советской эпохи, и вот уже 25 лет как не стало пионеров, которые, в общем-то, и были главными хранителями памяти о героях. За это время выросло целое поколение, не имеющее представления о том, кто такой В.Скорынин. Да и у взрослых многое повеяло из памяти. Виновных в этом нет, точнее – виноваты все и никто конкретно. Но то, что это ошибка и её необходимо исправить – факт. Данный очерк – скромная попытка в этом направлении, дань светлой памяти в юбилейный год.

Детство

Володя Скорынин родился и рос на Косье. Сейчас депрессивный умирающий населённый пункт, тогда это был крепкий приисковый посёлок. Отец будущего героя Скорынин Пётр Илларионович на Косьинском прииске работал бухгалтером, мать Алевтина Михайловна была домохозяйкой.

Кто бывал на Косье, тот знает, какие там просторы, какие красивые, живописные места. Так что нетрудно догадаться, в какой среде росли косьинские ребята, одним из которых и был Володя. Тех «ребятишек», которых пощадила война, не пощадило время. Один из них – Чернышев Пётр Николаевич, «драгёр от Бога», как характеризовал его знаменитый исовский краевед К.И.Мосин. Вот как описывает друга своего детства и юности Пётр Николаевич.

- Владимир был умный, учился очень хорошо. (Не приходится в этом сомневаться. Закончить 10 классов в то время – большая редкость. Не всем это было дано. Семь классов уже считалось хорошим образованием, а уж полное среднее получить – удел немногих).

- Очень хорошо был развит физически: играл в футбол, занимался лёгкой атлетикой (хорошо бегал), плавал. Прилично играл в шахматы, даже участвовал в шахматных олимпиадах среди учащихся.

- Не пил и не курил. (Курить начнёт на войне).

- Роста был среднего, фигура стройная. (Ещё бы не стройная, если вёл такой активный образ жизни).

- Приятный на вид. (Да, об этом можно судить по фотографии)

- Не задиристый, компанейский, то есть где группа ребят, там и он, но «главарем» не был.

- Играл с ребятами «в Чапаева», в войну, в бабки, в городки, в чика. (После выхода на экран легендарного фильма братьев Васильевых «в Чапаева» играли дети всей семьи, в войну мальчишки также играли во все времена, а вот игры в бабки и городки почти забыты, как и чика, игра, между прочим, на деньги).

- Был в меру скромный, среди сверстников пользовался авторитетом, не зазнавался и себя не выпячивал. Ребята его уважали.

В подтверждение Пётр Николаевич привёл случай.

- Наша команда футболистов (не все и не лучшие) пошли за восемь километров в посёлок Верх-Ис играть в футбол. Та команда была сильнее: из трёх посёлков. Счёт был 3:1 в их пользу. Завязался спор, готовый перейти в драку. Володя нам говорит: «Не будем связываться. Они сами придут и отдадут нам мяч» (те отобрали у нас футбольный мяч). Так и случилось: они пришли, извинились и вернули мяч.

Как видим, тогда тоже были среди молодёжи ссоры, конфликты, могли быть и драки. Жестокости звериной не было, чего сейчас – в избытке.

- Состоял в пионерах и комсомоле, был членом школьного комитета. Ребята к нему прислушивались. (Надо отдать должное пионерии и комсомолу того времени: ещё не заформализированные, эти организации были действенным средством воспитания молодёжи).

- Помогал родителям, но брат Геннадий был более хозяйственным, а Володя больше увлекался книгами. (Ну, каждому – своё).

- Любил рыбалку, любил ходить в лес по грибы, ягоды и за шишками...

Как видим, абсолютно ничего сверхъестественного, ничего героического не было в детстве и юности простого паренька с Косьи. Но он был из поколения людей, о которых пелось в песне: «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой».

А в конце этой главки назовём близких друзей Володи Скорынина. Кроме П.Н.Чернышёва, это Виктор Черепанов (погиб на фронте), Степанов (их много, Степановых, имя не удалось установить) – на фронте стал майором, погиб; Просвирнин – впоследствии полковник, Пётр Ушаков – был в охране правительства, Борис Ушаков, Виктор Ворошилов, Юра Зайцев, Пётр Матвеев.

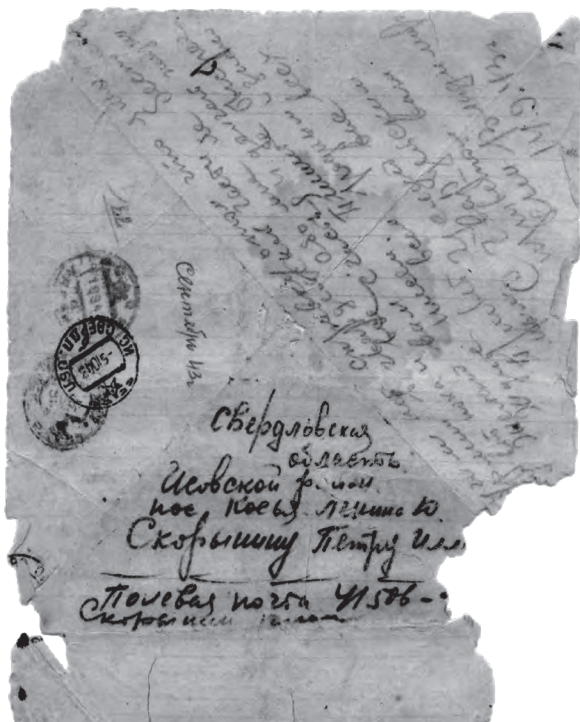
Война

Размышляя об истоках победы в Великой Отечественной войне, некоторые склонны объяснять её преимуществами существовавшего тогда строя и правившего режима. Вовсе нет! На самом деле Великая Победа принадлежит им – паренькам с Косьи, Иса, Валериановска, из тысяч других сёл, деревень и городов нашей необъятной Родины. Они стали грудью на пути врага, в то время как их родители, сёстры и младшие братья надрывались в тылу, стиснув зубы, стояли у станков или вгрызались в колхозную землю. Победа в Великой Отечественной войне – это результат силы духа и величия российского человека, лучшего в мире солдата и великого труженика. Вот почему мы должны кланяться в пояс тем немногим из них, кто дожил до наших дней.

Владимир Скорынин был призван в Красную армию в августе 1942 года. Было ему тогда 17 лет. Что такое 17 лет? Это возраст наших выпускников. Проще сказать, это дети. Успел ли он поцеловаться с девушкой?

Со средним образованием путь лежал в военное пехотное училище: офицеры нужны были позарез. Так называемый ускоренный выпуск, звание младшего лейтенанта – и на передовую. Участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками на Северо-Кавказском, Степном, Втором Украинском фронтах. Эту информацию мы видим в книге «Золотые звёзды свердловчан» (Свердловск, 1970 г.) Там же указана должность Скорынина: командир стрелкового взвода 3-го стрелкового батальона 310-го гвардейского полка 110-й гвардейской дивизии. Воевал отлично, свидетельства

Письмо В. Скорынина на родину

тому – награды. В предгорьях Кавказа Владимир получил медаль «За отвагу». Здесь же был ранен. В боях за освобождение Харькова был удостоен ордена Отечественной войны второй степени, за форсирование Днепра – ордена Красной Звезды.

Но мыслями, чаяниями, душой молодой человек, вчерашний школьник, рвался домой, на родину. Это понимаешь, когда читаешь его письма. Владимир писал часто, письма коротенькие, чётким почерком, простым или химическим карандашом. В каждом – ностальгия по родным краям, школе, друзьям, учителям.

21 июня 1943 года. Да, что наделал немец: кругом разбитые домишки, спалены хаты, порублены сады. Здесь не услышишь ни баяния овец, ни мычания коров. Собак и тех мало. Всё забрал проклятый немец. Русский народ никогда не простит фашистам надругания над нашей землёй.

6 июля 1943 года. Сидишь в блиндаже и вспоминаешь вас, Косью, школу. Здесь идут дожди, но не сильные: как только появится солнце, так сильная жара. Каждый вечер жду от вас письма.

14 июля 1943 года. Здравствуйте, дорогие папа, мама и Генка! Спешу вам сообщить, что я нахожусь на фронте вот уже два месяца. Дела идут благополучно. Жду от вас писем.

17 июля 1943 года. Жизнь идёт по-старому. Всё воюю. Жду от вас писем. Пишите, как обстоят дела с сенокосом.

30 июля 1943 года. Здоров, дела идут хорошо, от вас получил два письма. В жизни произошли изменения: теперь уже не младший, а средний. Думаю, догадаетесь: две звёздочки.

И так в каждом письме: как дела с покосом, с хозяйством, получили или нет деньги по аттестату, приветы всем, приветы Сашке Беспятым и Ирке Бородиной. И как заклинание: пишите, пишите, пишите...

Подвиг

Из справки отдела по награждению и учёту награждённых Главного управления кадров Министерства обороны СССР от 20 июня 1953 года с кратким изложением подвига Героя Советского Союза гвардии лейтенанта Скорынина Владимира Петровича.

«В боях за расширение плацдарма на правом берегу р. Днепр, нас. пункт Куцеваловка, гвардии лейтенант Скорынин проявил мужество, отвагу и героизм. Работая командиром взвода, умело руководил своим взводом и правильно нацеливал своих подчинённых на обеспечение выполнения боевых операций. В боях за с. Куцеваловку Кировоградской области под его руководством взвод первым ворвался в село. Успешно забросав ДЗОТ противника гранатами, дал возможность продвигаться вперёд нашим подразделениям. Его взводом был захвачен штаб противника с документами. В рукопашной схватке тов. Скорынин уничтожил 14 гитлеровцев.

Гвардии лейтенант Скорынин с двумя бойцами отправился в разведку, чтобы взять языка. Зайдя в тыл противнику, тов. Скорынин забросал гранатами штаб немецкой части и взял в плен немецкого офицера.

При выполнении боевой задачи тов. Скорынин погиб 20.10.1943 года как Герой».

Из письма бывшего пулемётчика В.Э.Коппеля, служившего во взводе Скорынина, юным скорынинцам школы №3 города Качканара и их классному руководителю В.В.Тарасовой.

«В этом селе (Дериевка) укрепились крупная группировка фашистов – остатки недобитой в Курской битве танковой дивизии «Мёртвая голова» и автоматчики-гренадеры 338-й пехотной дивизии. В этом районе очень близко, почти соприкасаясь окраинами, расположены два села и хутор. И вот за их освобождение развернулись ожесточённые бои.

В ночь на 20-е октября нашему взводу была поставлена задача: в качестве танкового десанта захватить высоту. Подошли четыре танка «Т-34», и мы стали размещаться на броне. Пулемётчики

Крестьянинов и Николаев установили на броне свой «Максим». Танки пошли на высоту. Мы, вжимаясь в броню, вели огонь и метали гранаты. На ходу бойцы спрыгивали с танков, возле самых траншей сбросили пулемёт и вступили в бой с бешено огрызавшимися фашистами. Кругом рвались мины, снаряды. Осколком при одном таком взрыве был сражён лейтенант Скорынин и контужен его помощник сержант Михаил Кошелев. От взрыва он оглох и онемел. Последними словами лейтенанта Скорынина были: «Кошелев, принимай взвод!» Но сержант их уже не услышал. Выбив гитлеровцев с высоты, подсчитали свои силы. Осталось нас всего человек десять, старшим по званию оказался я. Раненые вместе с Кошелевым были отправлены в тыл. Мы всю ночь простреливали местность трассирующими пулями, отбивались гранатами от подползавших фашистов.

Утром, ещё затемно, нас сменили бойцы 313-го гвардейского стрелкового полка нашей дивизии. С высоты мы ушли всего трое: узбек Евсалиев, снайпер Василий Уфимцев и я. Встретивший нас командир роты Сергей Пермягин обнял каждого и тяжело вздохнул, вспоминая о Владимире Скорынине, которого знал с боёв за Кавказ 1942 года».

Президиум Верховного Совета СССР

**Герою Советского Союза товарищу Скорынину Владимиру Петровичу
За Ваш геройский подвиг, проявленный при выполнении боевых заданий командования при форсировании реки Днепр, развитии боевых успехов на правом берегу реки Президиум Верховного Совета СССР своим указом от 22 февраля 1944 года присвоил Вам звание Героя Советского Союза.**

И снова к вопросу о том, чей портрет должен находиться в дневниках правнуков победителей: бесноватого фюрера или тех, кто поставил на нём крест: наших полководцев, героев войны, в том числе – наших земляков. Ответ очевиден. А мы, пожалуй, так и сделаем. В Качканаре много лет издаётся комплект дневников для начальной школы. Страницы этих дневников украшают портреты выдающихся людей, способствовавших изучению и развитию нашего края. В год 70-летнего юбилея займёт своё место и портрет Володи Скорынина, отдавшего жизнь за Родину – большую и малую. Чтобы юные качканарцы знали его и помнили.

...С фотографии смотрит на нас молодой красивый парень. Он выполнил свой долг перед Родиной и перед нами, ныне живущими. Поэтому взгляд у него спокойный. Но от этого взгляда должно быть беспокойно у нас на душе. За Родину и за подрастающее поколение.

Надежда БОЛОТОВА,
заслуженный учитель школы РСФСР

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА А.В. РОГОЗИН

Рогозин А.В. родился 23 апреля 1916 года в рабочем посёлке Серебрянка Кушвинского района Свердловской области (Серебрянка находится в 60 км от Кушвы). Отец – Василий Иванович Рогозин, был старшим лесничим, мать, Парасковья Тарасовна – домохозяйка. В семье было пятеро детей: три сына и две дочери. В 1919 году отец умер от тифа. Семье назначили пенсию в сумме 8 рублей в месяц. Трудно жилось Рогозиным. Хорошо, что имели корову, свой маленький дом и огород. Александра Кабанова, соседка Рогозиных, вспоминает: *«Мать – Парасковья Ивановна, была очень хорошая скромная женщина. Жили они небогато».*

В 1922 году одна из сестёр – Антониды Васильевна, устроилась на работу служанкой в посёлок Песчанка к богатому арендатору. Получала 10 рублей в месяц, из них 6 рублей посылала матери. В 1923 году Антониды Валерьевна вышла замуж, но продолжала помогать матери, получив на это согласие своего мужа – Гаврилова Александра Николаевича. И всё же, несмотря на помощь Тони, семье Рогозиных жилось нелегко. Братья Рогозины – старший Пётр и младший Толя, работали летом подпасками.

Дом в п. Валериановке, где жил А. Рогозин

С 1926 года Анатолий жил в посёлке Валериановском, его взяла на воспитание сестра Антониды Васильевна.

Антониды Васильевна вспоминает: *«Приехали мы с мужем к маме в Серебрянку погостить. Когда поехали домой, Толя поехал нас провожать, да так и не*

вернулся домой, уехал с нами в посёлок Валериановский. Погостил немного, уехал обратно, а вскоре приехал насовсем».

Учился Анатолий в Валериановской школе, учился охотно, хорошо. В 1927 году вступил в пионеры. Принимал активное участие в работе драматического кружка. Часто кружковцы выступали перед рабочими. Рос Толя послушным и трудолюбивым мальчиком. Много помогал старшим в работе по дому: напилить, наколоть дрова, принести их домой и др., не любил сидеть без дела. Очень любил рыбную ловлю, и часто приносил домой богатый улов. В свободное время любил играть с товарищами в военные игры.

Рабочие драги. Крайний слева – А.Рогозин

В 1930 году мать Анатолия с сыновьями Петей и Мишей переехали из Серебрянки в посёлок №3 (так назывался посёлок около Валериановского. Третий номер находился в 4 км от посёлка Валериановского, здесь работала драга №3). Палагея Тарасовна устроилась работать банщицей.

В 1931 году Гавриловы переехали в посёлок Глубокий. Александра Николаевича перевели на электродрагу драгёром. Толя и Миша уехали с ними. Анатолий поступил учиться в фабрично-заводское училище в посёлке Ис, чтобы получить специальность слесаря для дражного флота. Одновременно учился в Исовской средней школе. Здесь в 1931 году вступил в комсомол. Учился хорошо, несмотря на материальные трудности: не было учебников, не было хорошей одежды и обуви, не хватало продуктов питания. Антониде Васильевне приходилось прилагать немало усилий, чтобы накормить троих мужчин. Она ездила в посёлок Ёлкино, чтобы выменять на вещи муку, картофель и другие продукты. Антониде Васильевне вспоминает такой случай из жизни их семьи в те годы: *«Пришёл Толя домой с Иса из школы (домой он бегал часто, расстояние до Глубокой от Иса 8 км), она положила его валенки сушить в печь. И случилась беда: сгорел носок одного валенка. Я побежала к сапожнику с просьбой починить валенок. А у мастера не оказалось материала чёрного цвета. Можно было бы подождать, посидеть Толе дома, но Толя получил в школе задание: нужно было в срок закончить работу. И пришлось пришивать к чёрному валенку серый носок. Смеялись ребята над такой несуразной обувью, но он не обращал на это внимание и говорил: «Не беда, что разные валенки, лишь бы учиться».*

В 1933 году заболела мать Толи. Антонина Васильевна вспоминает: *«Петю, старшего брата, отправили на лесозаготовки. А он был плохо одет и обут. Мама очень беспокоилась о сыне, решила послать ему вещи по почте. Приготовила посылку, сдала её на почте в посёлке Ис и по дороге домой промочила ноги (была оттепель, а у неё на ногах – валенки). К вечеру поднялась температура. Решила погреться в бане, а этого нельзя было делать. В результате – неизлечимая тяжёлая болезнь».*

С хорошими отметками в 1934 году Анатолий закончил ФЗУ. В этом же году Рогозины переехали на Верх-Ис. Дядя – Александр Гаврилов и оба брата Рогозины – Пётр и Анатолий, работали на Жёлтой драге. Вначале работал слесарем, затем маслёнщиком и, наконец, старшим мотористом. Работал хорошо, вместе с братом перевыполнял нормы, был стахановцем. Среди молодёжи посёлка пользовался большим авторитетом, умел организовать молодёжь на добрые дела. По его предложению комсомольцы создали лыжную секцию и на самодельных лыжах проводили соревнования. Очень любил читать. Читал художественную и техническую литературу, газеты и журналы. Участвовал в художественной самодеятельности.

Вместе с А.В.Рогозиным на драге работали Иван Дмитриевич Штин и Степан Симонович Новгородцев. Они его очень хорошо характеризовали. Вспоминали, как дисциплинированного и исполнительного работника. И.Д.Штин учил Рогозина дражному делу и часто доверял своему ученику самостоятельно водить драгу. Мария Васильевна Вачаева в 1935-1936 годах работала в посёлке Верх-Ис в клубе библиотекарем. Она хорошо помнила Анатолия Рогозина: *«Скромный был юноша, хороший товарищ, часто приходил в библиотеку, много читал».*

В сентябре 1938 года Анатолий Рогозин был призван в Красную Армию и направлен в город Минск в 21-ю танковую бригаду, в которой окончил школу младших командиров. В своих письмах к брату Михаилу пишет: *«Я живу хорошо и учусь тоже хорошо. Скоро буду командиром, а для того, чтобы быть командиром, нужно много знать».*

«Горячий привет с границы из Белоруссии. Обстановка международная тяжёлая, по газетам ты знаешь, что делает Германия. От

А. Рогозин в армии

нас до границы 18 км, так что нам придётся в первую очередь сразиться с врагом. Как работает драга? Мы изучаем танк теоретически и практически, готовимся быть передовыми во всей нашей части. Мы и сейчас занимаем первое место в своей части, но чтобы

В военном училище. А. Rogozin – второй

это место удержать, надо много учиться» Он советует брату: «Ты, Миша, не теряй времени зря, старайся учиться. Изучай автомашину. Это пригодится, если попадёшь в танковую часть. Мы вначале изучили трактор, потом автомашину, а сейчас уже водим танки».

После окончания школы младших командиров был назначен на должность командира танка, и в этой должности прослужил до 1939 года. В сентябре 1939 года был направлен командованием танковой бригады на учёбу в военно-политическое училище в г. Смоленск, которое успешно окончил в мае 1941 года. После окончания училища его направляют служить в одну из танковых частей Киевского особого военного округа.

Началась Великая Отечественная война. С первого дня войны Анатолий Васильевич был на передовой линии фронта. Часть, в которой он служил, отступая, вела тяжёлые бои. Об этом периоде его жизни читаем в боевом отзыве.

Члена ВКП (б) с 1940 года политрука Rogozina Анатолия Васильевича знаю с мая 1941 года по совместной работе в 98 танковом полку 49 танковой дивизии КОВО, где товарищ Rogozin работал политруком роты, а затем комиссаром танкового батальона. В мирное время т. Rogozin показал себя дисциплинированным, инициативным, правильно нацеливал личный состав на выполнение стоящих перед подразделением задач. На фронте т. Rogozin и его подразделение поставленные командованием задачи выполнял хорошо. Находясь в обороне несколько раз проявлял стойкость и упорство в бою. В ночь с 21 на 22 июля 1941 года тов. Rogozin с подразделением принимал участие в ночной атаке в местечке Монастырище. При этом была проявлена исключительная смелость и численно превосходящий противник был рассеян. Было уничтожено 47 автомашин, 14 мотоциклистов, 1 танк, убито более 120 солдат и офицеров, 1 солдат взят в плен. В течение 22 июля подразделение, в составе которого был и т. Rogozin, вело бой за местечко Монастырище. К исходу дня 22 июля танковые и пехотные части

противника атаковали нашу часть. В этом бою т. Рогозин был ранен и остался на поле боя, занятом противником. 23 июля противник был выбит из м. Монастырщице, туда вошла наша часть, но т. Рогозина я уже не видел, т.к. его отправили в госпиталь.

Член ВКП(б) с 1939 года

Билет №4237742

Политрук Козлов Иван Фёдорович
25\XII-1941 г.

23 июля 1941 года А.В.Рогозин был ранен и отправлен в госпиталь в город Сочи. После выздоровления вернулся на фронт в 10-ю танковую бригаду на должность командира танковой роты. Снова тяжёлые бои, сначала – на Украине, потом – у Сталинграда. У Сталинграда стояли насмерть в обороне. Рота, которой командовал Рогозин, отразила десятки атак врага, уничтожили 27 танков и до 200 солдат и офицеров.

В сентябре 1942 года назначен начальником штаба танкового батальона 36-й танковой бригады и до конца войны он воевал в составе этой бригады, сначала в должности заместителя командира танкового батальона, потом – командиром батальона. Пройден большой путь от Сталинграда до Берлина. На счету батальона великое множество тяжёлых боёв. Постоянно действуя в передовом отряде, уничтожили около 200 танков, 160 орудий, миномётов и пулемётов, около 2 тысяч солдат и офицеров, взяты большие трофеи орудий и боеприпасов, много пленных. Описать все бои, в которых участвовал Рогозин, невозможно. Вот лишь два эпизода.

Танковый батальон, которым командовал Рогозин, был введён в бой с Одерского плацдарма в районе города Ретвейн. Действуя успешно, батальон скрытно лесами углубился в тыл противника, оторвались от своих основных сил на 30-40 км. Неожиданно батальон встретился с большой колонной танков и мотопехоты противника. Несмотря на явное численное превосходство врага, Анатолий Васильевич развернул батальон и вступил в бой. С первых выстрелов загорелось до 15 танков, началась паника. Немцы сбросали танки автомашины и разбежались.

Уничтожив колонну и большое количество немецких солдат и офицеров, батальон успешно вышел к городу Александр (?) и сходу захватил его. В это же время рота капитана Петрова Сергея Ивановича вышла к аэродрому, завязался бой, несколько самолётов

загорелось и взорвалось. На помощь Петорову поспешил и танковый батальон Рогозина. Аэродром был окружён, было уничтожено 80 самолётов, захватили в плен около 700 человек лётного состава и прислуги аэродрома. Анатолий Васильевич вспоминает: *«И только после того, как допросили пленных, нам стало известно, что мы были на грани смерти.*

Дело в том, что весь аэродром был обнесён бомбами (метров 50 бомба от бомбы) с целью взорвать аэродром и не дать нам возможность использовать его. Но поскольку им не удалось взлететь и совершить отход, взорвать аэродром они не успели.

И ещё один эпизод.

Берлин 1945 года. Война пришла в логово фашистского зверя. Головной танковый батальон гвардии майора Рогозина, обходя опорные пункты противника, сходу овладевая населёнными пунктами, подошёл к пригороду Берлина. Здесь противник оказал сильное сопротивление огнём артиллерии и миномётов. Главные части бригады и танкового корпуса в это время, продолжая разгром вражеских группировок, были ещё в 50 км от Берлина. Ждать их подхода было нельзя: на это ушло бы много времени и противник мог бы укрепить свои позиции. Комбат принял решение: развернуть батальон, проведя мощный огневой удар по укреплениям гитлеровцев (по 8 снарядов из каждого танка) и с ходу атаковать противника. Замысел удался. Немцы подумали, что подошли основные силы и ведётся артподготовка. Не выдержав стремительного танкового удара, немцы, побросав траншеи, дзоты, орудия, в панике бежали в Берлин. Батальон ворвался в Берлин, сходу захватили Силезский вокзал, где уничтожили четыре эшелона противника, взяли большие трофеи и много пленных.

Продолжая наступление по Александр-штрассе, батальон встретил серьёзную преграду. Гитлеровцы, укрывшись в закопанных в землю танках, вели плотный заградительный огонь – вели огонь прямой наводкой по нашим танкам. Разведка, столкнувшись с опорным пунктом, была остановлена. Попытки одной из танковых рот развернуться и атаковать противника, успеха не имела. Рота, потеряв пять танков, отошла. Прибыв к командиру роты на командный пункт, Рогозин уточнил обстановку. Он установил, что два танка находились в подземном переходе, оттуда они выходили на поверхность во время атаки наших танков, расстреливая их буквально на расстоянии 150-200 метров. Сами же они, находясь

После ранения

в укрытии, были хорошо защищены. Перейти по улице было невозможно, так как кроме танков, со всех этажей домов немцы вели огонь из пулемётов, автоматов и фаустпатронов. А.В.Рогозин принял решение: взорвать стены домов, ближе подойти к тому месту, где были зарыты танки и уничтожить их. Это ему удалось осуществить. Орудия методически обстреливали здания, в которых засели фаустники, а он на своём танке обошёл перекрёсток с подземным переходом, где укрылись вражеские танкисты и нанёс им внезапный удар. Один танк он уничтожил сам, а другой – Коля Галенкин, его ординарец.

Преодолев преграду, советские танкисты, ведя огонь из орудий по этажам, ведя тяжёлые уличные бои, продолжили наступление в направлении Александр-плац и вышли к реке Шпрее. Но мосты были взорваны, и продвижение батальона было остановлено.

Батальон быстро развернулся в новый боевой порядок, блокировал станции метро танками и мотопехотой, которая была придана батальону. Немецких коммунистов и пленных солдат и офицеров направили в метро, где укрывались войска проведения разъяснительной работы о бессмысленности сопротивления. Это дало свои результаты. Немцы стали организованно выходить из метро и целыми частями сдаваться в плен. Только за пять дней блокады батальон взял 12700 человек пленных, большое количество оружия и другой техники.

«5 мая 1945 года нашу танковую часть вывели из Берлина в пригород, где мы приводили себя в порядок, готовясь к новым боям. Но 9 мая мы услышали радостную весть о том, что Германия капитулировала и война окончена. Радости не было конца», пишет в письме школьникам Анатолий Васильевич.

В наградном листе Рогозина А.В. записано: *«За умелое командование батальоном, нанесение большого урона противнику с наименьшими своими потерями, личное мужество и храбрость, проявленные в боях с немецкими захватчиками на улицах Берлина, достоин высшей правительственной награды – присвоения звания «Герой Советского Союза».*

А.В.Рогозин был дважды ранен.

Вскоре после окончания войны А.В.Рогозина направили учиться в высшую офицерскую противотанковую школу в го-

Командир полка

род Ленинград. После окончания высшей офицерской школы с 1946 по 1950 год служил в Тбилиси в должности командира батальона тяжёлых танков. С 1950 по октябрь 1955 года – заместитель командира танкового полка в Группе советских войск в Германии. В 1956 году вновь учился в Высшей офицерской школе в городе Ленинграде. Затем служил в Белорусском военном округе в должности командира танкового полка.

Мемориальная доска на
Валериановской средней школе

В 1961 году по болезни уволился в отставку и переехал жить в Москву. Здесь работал в городском комитете ДОСААФ старшим командиром-инструктором военно-технического отдела. В августе 1964 года тяжело заболел, был на лечении до апреля 1965 года.

После победы над Германией Герой Советского Союза гвардии майор А.В.Рогозин посетил родные места и встретился со своими земляками. Провожая дорогого гостя, рабочие обещали хорошо работать, высоко нести рабочую честь.

В настоящее время гвардии полковник А.В.Рогозин живёт в Москве.¹ У него три дочери. Старшая Светлана (от первого брака) живёт в Качканаре. Младшие Люся и Валя живут в Москве.

Старший брат Пётр Васильевич в Великую Отечественную войну воевал в кавалерийских частях, получил смертельное ранение в боях под Москвой.

Средний брат Михаил Васильевич живёт в посёлке Ис по ул. Горького 53². Сестра Антониды Гавриловой с мужем Александром Николаевичем, которые воспитывали братьев Рогозиных, живут в посёлке Ис по улице Фрунзе.³

Использованы источники

- Письмо Рогозина А.В. в школу членам клуба «Сириус»
- Беседы с А.В.Гавриловой – сестрой Анатолия Васильевича
- Статьи из газет «Приисковый рабочий» и «Вперёд, к коммунизму»
- Походные дневники учащихся

Январь 1978 г.

1 Материал подготовлен в январе 1978 года, а через полгода 29 июня А.В.Рогозин ушёл из жизни.

2 М.В.Рогозин умер в 1981 году

3 А.В.Гавриловой не стало в 1983 году.

ФАМИЛИЯ НА МЕМОРИАЛЕ

Олег ОРЕХИН

ПОГИБ В БОЯХ ЗА РОДИНУ

В книге «Они сражались за Родину», посвящённой качканарцам - участникам Великой Отечественной войны, есть глава «Погибли в боях за Родину». В ней имеется такая информация: «Черных Александр Емельянович, 1911 г.р. Пропал без вести в 1943 году».

А.Е.Черных – мой родной дедушка, отец моей мамы Маргариты Александровны. Сразу хочется внести поправку: Александр Емельянович не пропал без вести. Читаем в похоронке: *«командир стрелковой роты воинской части 556 капитан Черных Александр Емельянович, уроженец Свердловская обл. Ис. р-н, пр. Валерьяновский, погиб в бою за Социалистическую Родину, убит 6.09.1943 года. Похоронен в братской могиле г. Зенькове Полтавской области УССР».*

Однако по порядку. Семью Черных можно считать коренными жителями Валериановска. На Валериановском приiske жил и трудился наш прадед Емельян Сергеевич, 1880 года рождения. На Валериановском кладбище он нашёл последний приют в 1963 году.

В семье Черных было шестеро детей: два сына и четыре дочери. Сын Александр родился в 1911 году. Рос, учился, вырос. Был комсомольцем, позднее вступил в ВКП(б). 29 сентября 1937 года Александр сочетался браком с Мерзляковой Антониной Павловной. У них родились две дочери – Диана и Маргарита. Когда началась Великая Отечественная война, Александру Емельяновичу было 30 лет. В армию его призвали 28 ноября 1941 года. Трёхмесячная подготовка – и на фронт. Сохранилось его письмо жене с дороги.

Здравствуй, моя дорогая Тоня! Шлю тебе свой пламенный боевой привет и желаю счастья в личной жизни. Сегодня 6\II я уже в вагоне на станции Юг. 9 дней тому назад с этой станции я проводил тебя, а сегодня сам отправляюсь на место назначения. С сегодняшнего дня у меня начинается новая, самая новая жизнь, полная самых опасных неожиданностей и сюрпризов. Писем твоих, как я ни ожидал, всё-таки не получил. Тоня! Я надеюсь, что любовь ко мне ты сохранишь до последнего дня моей жизни и выразится в любви и заботе о наших дочурках. Будь здорова, Тоня. До новых лучших встреч. Твой Сашка.

Воевал А.Е.Черных на офицерских должностях: сначала политруком, потом – командиром роты в составе 51-го стрелкового полка 93-й стрелковой дивизии 39-й армии Калининского фронта. О том, как воевал А.Е.Черных, можно судить по документу - представлению к награждению медалью «За боевые заслуги».

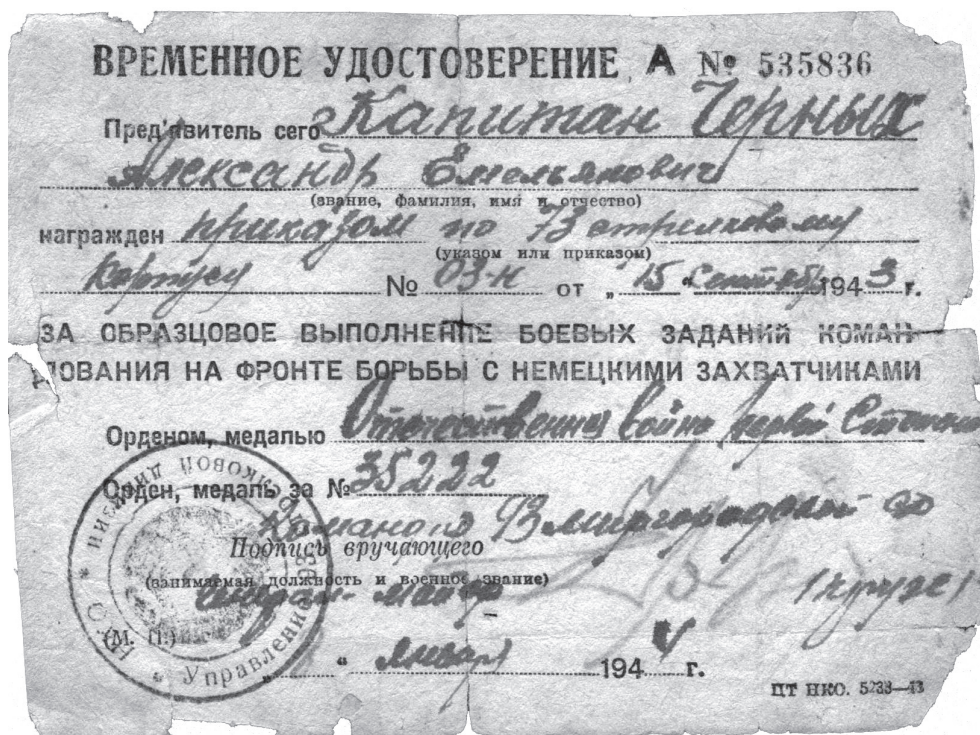
На фронте борьбы с немецкими захватчиками участвует второй год, находясь на передовой до последней должности был политруком стрелковой роты. Имеет большой опыт работы с бойцами нерусской национальности.

Находясь в обороне, много усилий приложил к усовершенствованию переднего края обороны. В наступательных действиях полка за подступы к городу Белой Смоленской области будучи командиром роты за короткий срок добился повышенной боеспособности подразделения. Три раза водил роту в атаку на высоту 207. Показал себя смелым и умелым командиром. В военно-тактическом отношении подготовлен хорошо. Трудолюбив, настойчив и требователен. Достоин награждения медалью «За боевые заслуги».

Приказ о награждении подписан 31 марта 1943 года. А другой наградной документ рассказывает об обстоятельствах гибели А.Е.Черных.

Тов. Черных 5 и 6.09.1943 в бою за гор. Зеньков свою роту среди наступающих вёл первой. Рота под командованием Черных совместно с 9 стр. ротой ворвалась первой в предместье гор. Зеньков и продвинулась на километр. В стремительной атаке, которую возглавлял лично капитан Черных рота, натолкнувшись на штурмовые группы автоматчиков и два танка «Тигр», завязала уличный бой, отвлекла на себя главные силы и тем самым дала возможность остальным подразделениям вслед за собой и с флангов войти в город. Капитан Черных лично бросился с группой на уничтожение «Тигров» где и погиб смертью храбрых. Тов. Черных достоин и представляется к ордену Красное Знамя.

Как видим, представлен был к ордену Красного Знамени, однако приказом по корпусу награждён орденом Отечественной войны

1 степени (посмертно) – видимо, этот орден больше подходил по статусу. Документ о награждении был отправлен родственникам (в то время за награды платили деньги – хоть небольшие, но всё же подспорье, особенно в годы войны).

Похоронен в братской могиле у города Зенькова на Украине. В 1986 году там побывала вдова Антонина Павловна с дочерью Дианой.

В 1985 году А.Е.Черных вернулся в родной Валериановск – фамилией на мемориале, вместе с другими нашими земляками.

Вечная им слава и вечная память!

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ВОЙНЫ

Екатерина ДОЛГИХ, Екатерина ТАСКАЕВА,
учащиеся школы №3

УСТИНЬЯ МОТУЗОВА

Не каждый ветеран войны с готовностью рассказывает о прошлом, о пережитом. Он прячет свои воспоминания в дальний уголок памяти, отгораживается от них, старается забыть, потому что эти воспоминания приносят боль, горечь потерь, мучают фронтовика во сне и наяву.

Так было и с ветераном Великой Отечественной войны Устиньей Семёновной Мотузовой, которая часто бывала в нашей школе, встречалась с учащимися. Спокойная, очень пожилая женщина в тёмных очках приходила, тяжело опираясь на трость, садилась среди гостей, иногда читала свои стихи. Мы удивлялись, с каким уважением к ней относятся при встрече другие ветераны, у которых и орденов куда больше, да и по возрасту они старше. И только однажды, когда мы пришли к Устинье Семеновне, чтобы поздравить её с праздником, она нашла в себе силы на рассказ о прошлом.

1.

Устинья Семёновна родилась 20 октября 1925 года в деревне Белокаменке Таврического района Семипалатинской области Казахской АССР, куда из средней полосы России сослали родителей, вроде бы раскулаченных и репрессированных, но Устинья Семёновна точно не знает: в семье об этом никогда не говорили.

Мать после рождения младшей дочери часто болела, работать не могла даже по дому. Помогала старая бабушка, у которой все и жили в маленьком домишке. Про домик надо отдельно говорить. Это жильё и домом-то назвать нельзя. Так, саманная полуизбушка-полуземлянка с маленькой печуркой и широкими полатями, где и спали все, кроме бабушки, которая ютилась на печке, но там и

ей, маленькой и сухонькой, едва хватало места. Так жили многие тысячи сосланных в Казахстан переселенцев, часто не имевшие и такой крыши над головой. Русские привыкли строить из дерева, реже - из кирпича. А из чего построить жильё, если этого тут нет? Да и сил у переселенцев немного, ведь сильных, молодых мужчин уже и в живых-то нет, а женщины с детьми да старики много не настроят. Стены из глины с соломой ещё поставить можно, а вот для крыши на балки и стропила дерево надо найти, привезти да на место поставить. Вот и стоят глиняные «коробки» непокрытыми. А уж если к тому же это городские жители, то и вовсе беда - сколько их замёрзло в казахских степях, кто сосчитает?

Семья жила дружно, но бедно, денег не было даже на хлеб, а двое маленьких детей постоянно просили есть. Отец брался за любую работу, но на производство его не взяли, в артель и коммуну не приняли, и он перебивался случайными заработками. Питались, в основном, овощами со своего огорода, но и их было мало. Огород требовал ухода, полива, но вода была далеко, а у женщин не было сил её носить. Несколько зим маленькая Устя с бабушкой, а затем и с сестрёнкой ходили по соседним селеньям, просили милостыню. Давали хлеба мало, неохотно, чаще просто кормили тем, что сами ели, но голодные дети и этому рады были, старались только кусок хлеба для матери припрятать. Маленькие побирушки, спасаясь от голода, уходили из дому в любую погоду: знали, что кормят всю семью. Мама и бабушка жалели детей, но не удерживали их. Девочки часто простужались, один раз чуть не замёрзли на дороге, когда неожиданно начался буран. Спас их путевой обходчик, возвращавшийся домой после дежурства. Его жена отогрела девочек, накормила и не пускала домой до тех пор, пока ветер не утих. Потом дала в дорогу каравай хлеба и укутала девчонок в старую одежду своих выросших детей. Обходчик проводил девочек до дома, да ещё и родителей отругал.

Младшая сестрёнка вскоре умерла от постоянного недоедания и болезней, а Устя выжила и в восемь лет пошла в школу, тогда и побираться по деревням не стала: стыдно было, ведь в классе учились дети из всех окрестных селений. Отправляя её в школу, родители впервые купили ей новую одежду и обувь, чему девочка очень обрадовалась и берегла обновки. Но дешёвые ботиночки быстро порвались, промокнув в осенней грязи. Старик-сосед, тоже ссыльный, занимавшийся ремонтом обуви, ботинки отремонтировал, но такого восторга и зависти подруг они уже не вызывали, поскольку были уже не новыми, а старые, доставшиеся от старших ботинки носили почти ребята, другой обуви и не было. Летом почти все

ходили босиком, редко у кого были сандалии или текстильные тапочки-«баретки», а зимой носили кожаные или валяные опорки, ботинки с носками или обмотками или сапоги. У местных русских детей были валенки, а для переселенцев валенки были недосягаемой роскошью. Лаптей Устинья Семеновна не помнит, наверное, их и не носили. Вообще о детстве она рассказывать не любит, говорит, что вспоминать тяжело, сердце болит. Даже своим детям не рассказывала: не хотела, чтобы её жалели.

2

Когда началась война, Устинья жила на станции Чарской близ Семипалатинска. Жизнь налаживалась, семья постепенно вставала на ноги. Несмотря на недоедание в детстве, Устя росла хоть и худощавым, но высоким подростком, радовала родителей успехами в школе, участвовала в школьной самодеятельности.

Успешно окончив восьмой класс, она на всё лето устроилась работать нянечкой в детский сад. Там и о начале войны узнала. Женщины плакали; мужчины, особенно молодые, хорохорились, говорили о скорой победе над врагом, рвались на фронт. Почти сразу же начался призыв в действующую армию. Уходили мужчины призывного возраста, но её отец призыву не подлежал, а других мужчин в семье не было. Уходили соседи, ребята, которых знала по школе. Первые месяцы ещё устраивали проводы в армию, а позднее уже и времени на проводы не оставляли: вручали повестку, а через пару часов нужно уже быть на сборном пункте с вещами.

Появилось очень много людей в военной форме: солдаты, железнодорожная милиция, ещё кто-то. Стали много говорить о диверсантах и шпионах, которые могли приехать вместе с эвакуированными. Люди стали подозрительные, так как появилось много приезжих, чужих. Тихая станция стала важным охраняемым объектом. На железной дороге появились патрули, а на станции – караульный взвод. Живущих на станции предупредили, что нельзя пускать чужих домой, надо сразу сообщать о них патрулю или милиции. Ввели светомаскировку и учили строго её соблюдать. Напуганная бабушка Устиньи очень боялась самолётов, и вечером вся семья сидела в полумраке за плотно закрытыми ставнями.

Бабушка сушила сухари из остатков хлеба, пока он был, говорила, что война - это страшный голод, надо запастись, чем можно. Летом до дождей собирали с матерью лечебные травы, ягоды, когда было время, сушили на чердаке. Через станцию почти непрерывно шли эшелоны в оба направления. Если они останавливались, пути оцепляли военные патрули. Везли много эвакуированных, людей и технику. Как-то очень быстро вошли в обиход продуктовые кар-

точки, но хлеба пока было достаточно, да и свой огород выручал. Все были заняты работой с раннего утра до ночи, даже дети почти не играли на улице. Новости узнавали от проезжающих и через дежурных по станции. В первые месяцы войны на столбе повесили репродуктор громкой связи для диспетчеров, он не умолкал сутками, и все жители в свободные минуты с волнением вслушивались в знакомые голоса, ожидая новостей. Но вести приходили тревожные.

3

В 1941 году Устинья пошла в 9 класс. 25 декабря им объявили, чтобы все старшеклассники до 1 января уплатили за обучение по 75 рублей. Это был тяжелый удар. Устинья Семеновна и сейчас говорит об этом с обидой и недоумением. Мама и бабушка пенсию не получали, а папа работал истопником в детском саду. Получал мизер. Плату за обучение она не могла внести, поэтому после новогодних каникул не пошла в школу. Полунищее существование научило уважительному отношению к денежным обязательствам, а честность и порядочность ей прививали с раннего детства. Учительница от подруги узнала причину и на другой день пришла к ним домой. Долго и тактично вела беседу, разговор сводился к тому, чтобы девочка учебу не бросала. Уходя, сказала: «Вчера на нашем классном собрании все решили, что вы должны учиться. Сегодня мы всем классом за вас уплатили. Вот квитанция, продолжайте учиться». Всех учеников она называла на «вы». И Устинья опять пошла в школу.

Быстро прошла зима. В конце апреля класс готовился к сдаче экзаменов. Вошла школьный бухгалтер и напомнила, чтобы до 1 мая все уплатили за второе полугодие 75 рублей. Кто не уплатит - после праздника в школу не приходите. А у Устиньи Семёновны с деньгами та же проблема. Она знала, что класс не оставит её в беде. Но быть иждивенцем у класса совесть не позволяла. И она искала выход. Вот как она сама рассказывает:

-- Пошла к соседке (она в райкоме партии работала). Свое горе я ей рассказала. Попросила, чтобы после сдачи экзаменов утроила меня на любую работу. Я, мол, сейчас займу денег, заработаю и отдам свой долг. Она пообещала помощь, в райкоме дали согласие, но, кроме моего заявления, требовалось разрешение директора школы и его рекомендация. А директор ни под каким предлогом не хотел меня из школы отпустить, но и не подсказал, где я могу денег достать. Можно занять, но долги положено отдавать. И я пошла в паровозное депо - единственное производство в посёлке. В отделе кадров вновь повторила свою историю. Но там сказали, что после сдачи школьных экзаменов не гарантируют мне работы, а

вот сейчас уже набирали группу паровозников-слесарей. «Возьмем и тебя на курсы. Если согласна, то занятия с завтрашнего дня». Подумала я, другого выхода не нашла и написала заявление. Обидно, конечно, что взрослые моей боли не поняли, что год учебный не реализованный пропадает. Меня тут же оформили и сказали, что я деповская рабочая с завтрашнего дня, приходите без опоздания. Утром теория, после обеда - практика. Детали тяжелые, не по моей силе. Мне тогда было всего 16 лет.

В группе она была одна девочка и всех моложе. Мужчин и молодых парней почти всех забрали на фронт, только два специалиста получили «бронь» и руководили всеми ремонтными работами, сутками не уходя домой. В депо работали подростки, старики да женщины. Опыта у них было мало, учились в процессе работы. В депо поступали электровозы, вагоны, привозившие эвакуированных. Вся железнодорожная техника интенсивно эксплуатировалась, естественно, быстрее изнашивалась, а на ремонт времени давали очень мало. С запада везли эвакуированных, раненых, на встречу им везли вооружение, свежие войска, обмундирование и т.д. Железнодорожный транспорт был единственным средством перевозок на дальние расстояния, и его обслуживание и поддержание в рабочем состоянии было военной необходимостью.

Из школы приходили, пытались в школу Устинью вернуть. Но было военное время, и никто не имел права увольнять рабочего с производства, если он уже окончил восемь классов.

Вскоре Устинью отправили в Алма-Ату на другие курсы, где готовили железнодорожных работников специально для фронта. Учились быстро, с утра до вечера, в два потока. С утра теория, затем практика или наоборот, но свободного времени совсем не было. Жили в общежитии, как в казарме, строго следили за дисциплиной. Учились без выходных и праздников, обучение проходило на базе паровозоремонтного депо. Получила Устинья специальность слесаря по водоснабжению. Учили ещё навыкам оказания первой помощи и многому другому, что могло потребоваться на фронте. Когда училась в Алма-Ате, сильно простудила ноги, так как было холодно, а обуви тёплой не было – ходила в парусиновых тапочках. Помочь ей никто не мог, казённое обмундирование ей не полагалось, а купить на рынке не на что.

Окончив курсы, домой вернулась больная, еле ходила. Её лечили сначала в больнице, но там лекарств почти не было, и ноги продолжали болеть; потом лечили дома народными средствами. Вышла с больничного на работу, а назавтра, в два часа дня, получила повестку и четыре часа на сборы. И в 2 часа ночи Устинья Семеновна уже ехала под Москву - на Западный фронт.

Служила она в железнодорожных войсках (полевая почта 064330) в военно-восстановительном поезде, который шел вслед наступающим частям Красной Армии, ремонтируя железнодорожные коммуникации и открывая путь составам с войсками и техникой. Восстанавливали разрушенное врагом железнодорожное хозяйство: снабжение, станции, водокачки, паровозы, рельсы. Работали бригадой по пять-семь человек, выдвигаясь вперёд перед своим поездом-базой. Их бригада ставила временные водокачки-помпы для заправки паровозов водой. Другие восстанавливали разрушенные коммуникации, ремонтировали рельсы, чтоб ремонтный поезд мог догнать их, и снова двигались вперёд. Ремонтно-восстановительные работы требовали немалой силы и выносливости, ведь всё делалось вручную. Была Устинья Семеновна одна среди мужчин. Она хоть и девчонка ещё, но обученный специалист, поэтому её берегли, старались помочь. Когда болела (мучительно болели простуженные ноги), лечили, чем могли. В санчасть не ложилась, чтоб не отстать от своих. Пожилые солдаты называли её дочкой и старались, когда возможно, уберечь от фронтовых опасностей и трудностей, а то и от назойливых ухаживаний. Такое тоже бывало.

Работа была трудная, тяжёлая, техники мало, больше полагались на свои силы и смекалку. Для ремонта использовали всё, что могли найти: оставленное немцами оборудование, детали разрушенных машин - чтобы быстрее дать воду, восстановить железнодорожные пути и пустить поезда с пополнением. Частенько работали рядом с передовой. За армейскими частями двигались в трех-пяти километрах от фронта. Порою и «ура!» слышали, когда наши наступали. Шли сразу за передним краем, поэтому много видели и пережили страшного, опасного, попадали под обстрелы и бомбежки. Бывало и так, что ремонтники, погрузившись в работу, рисковали попасть в плен: ремонтная группа работает, но неожиданно наши войска начинают отступать. Сразу вспоминается Ельня, крупный транспортный узел, который несколько раз переходил из рук в руки. Погибали товарищи, но сама она не была ранена ни разу.

Часто видели трупы погибших, ещё не убранные и не захороненные, но пугаться и ужасаться времени не было, да и привыкли к ним быстро. Своих солдат жалели; если была возможность, то хоронили, помогая похоронной команде. Немцев не трогали, если они не мешали работать. Видели пленных – серых, грязных, заросших, одетых поверх формы кто во что. Видели разбитую вражескую технику: пушки, танки. Видя эти картины впервые, все радовались, удивлённо рассматривали, потом быстро привыкли. Больше

волновало то, что касалось железнодорожных путей: что разбить и убрать, что ремонтировать, что заново делать, где брать недостающее оборудование.

А разрушено было много, и работы было много. Дни и ночи порою не спали. Ужасно уставали, но из последних сил торопились выполнить работы и пустить составы по всё новым и новым участкам железной дороги. Все бойцы знали, что от их действий зависит снабжение фронта всем необходимым, и делали всё возможное и невозможное для ускорения ремонтных работ.

Возле станции Гжатск фашисты взорвали мост, и бригада восстановителей пошла вперёд пешком, так как поезд не мог пройти, а впереди нужно было восстановить станцию. Когда форсировали реку Десну, вода была красная от крови, но мост разбит, и нужно его срочно восстанавливать, где уж тут об опасности думать. Главное - фронту надо, а о себе думать и себя жалеть времени нет. Несли на себе восстановительное оборудование и пищу. Вокруг были минные поля. Сапёры разминировали узкую тропинку, по ней и прошли след в след. Было очень страшно и тяжело.

Работали без выходных и праздников. Времени для отдыха почти не было. В поезде, кроме оборудования, необходимого для ремонта, были своя кухня, баня, прачечная, вагон-казарма. Когда на фронте было затишье, и у них было время отдохнуть, нормально поесть и выспаться. Но это было нечасто. Спали на ходу. Но были молодые, задорные. В поезде были гармонисты, балалаечник, фотограф, Устинья Семеновна ещё до войны научилась играть на гитаре. Пели, иногда танцевали, редко только, но как ценились эти минуты отдыха. Кормили бойцов восстановительного поезда по первому списку, сытно и вкусно. Но когда бригада уходила от поезда на восстановительные работы, часто ели всухомятку, а то и голодали, с собой старались брать больше запасных деталей, инструменты, а не еду.

При наступлении видели голод, разруху, попадались совершенно разрушенные, сожженные фашистами селения. Местные жители, кто уцелел, прятались по щелям, жили в землянках, ямах. Выходили с опаской, так как ещё стреляли, часто попадались мины, особенно опасны были мины замедленного действия. Одна такая мина взорвалась, когда в пустом доме отдыхали раненые. Почти все погибли. Часто немцы минировали наиболее уцелевшие объекты, оборудование. Особенно это проявилось в Вязьме, где были заминированы даже развалины и поваленные столбы. Уставшие ремонтники теряли бдительность и погибали, поэтому вышел приказ об обязательном присутствии в каждой ремонтной группе сапёра с миноискателем.

Местные жители старались помочь, показывали, где могут быть мины, помогали носить оборудование, угощали тем, что ели сами. Однажды сильно натёрло ноги - сапоги Устинья надеть не могла, так какая-то бабушка дала ей лапти. Так в них и ходила, пока не износила совсем: некрасиво и не по форме, но как удобно! Солдаты не оставались в долгу, особенно если видели детей, давали продуктов, из обрезков железа делали ножи, лопаты, серпы для женщин. Девушки-санструкторы поезда учились лечить не только раны, но и мирные болезни.

С восстановительным поездом Устинья Семёновна дошла до Смоленска. Там и была комиссована в июне 1944 года по болезни. Тяжелая работа и полевые условия жизни давали о себе знать каждую зиму, но зима 1943-1944 годов была особенно трудной. Простуженные ноги постоянно болели и опухали. Стало почти невозможно ходить. Пришлось обращаться к врачам в медсанбат. Болезнь не рана, но запущенное заболевание порой накрепко приковывает к больничной кровати. Месяц лежала в госпитале, но на ноги так и не встала. Ей нужно было длительное лечение, отдых и уход. Врач сказал: «На фронте тебе делать нечего; пока лечишься, война кончится. Ты совсем ещё молоденькая - выздоровеешь, жениха найдёшь, детей нарожаешь».

А жених-то уже был. Со своим будущим мужем Устинья Семеновна училась в одной школе, но до войны с ним не встречалась. Иван был старше её на два года и казался взрослым, а она была нескладным подростком и на ребят не заглядывала. С началом войны их пути и вовсе разошлись: Иван заканчивал школу и учился на курсах в военкомате, успевая ещё и работать. Иногда мельком видели друг друга, встречаясь на комсомольских субботниках и в школе. Но когда в декабре 1941 года его призвали вместе с братом Василием, нашёл её в школе и пригласил на проводины. Устинья, хоть и удивилась, но пришла. Дома Иван познакомил с нею свою мать. А потом неожиданно попросил девушку его дожидаться. Вскоре пришло его письмо, в котором он впервые сказал о своих чувствах. Когда ушла на фронт Устинья Семёновна, переписка прервалась, но ненадолго.

- Переписывались до самой его демобилизации в 1947 году. Почта работала хорошо. Сначала он писал мне домой, а мама пересылала мне, а потом стали писать друг другу на полевую почту. Письма доходили за два-три дня. Я удивлялась такой оперативности и только радовалась, а могла бы и догадаться о её причине. Воевали оба на Западном фронте и, как потом выяснилось, совсем рядом, но ни разу не встретились. А в письмах цензура запрещала писать, где находится часть.

Письма Устинья Семёновна хранила долго после войны, но при переезде в Качканар пришлось их оставить.

Из госпиталя девушку выписали и отправили на родину. Домой вернулась на костылях и долго ещё лечилась, но болезнь лишь отступила и притаилась, время от времени давая о себе знать. Приезд домой не сопровождался шумной встречей. Девушке было немного стыдно, что все ещё воюют, а она сидит дома. Относились к ней по-разному: кто-то жалел - молодая, а уже на костылях; кто-то злорадствовал и говорил гадости вслед, особенно молодые женщины, чьи мужья были на фронте. Из одежды у неё было только военное обмундирование. Свои платица, которые сберегла мать, не налезали: подросла ещё, а от работы с железом раздались плечи, и из худощавого, угловатого, застенчивого подростка она превратилась в рослую, крепкую девушку, уверенно чувствующую себя в любой ситуации. Ей дали пенсию, как инвалиду войны, но как только Устинья Семеновна смогла ходить без костылей, она вернулась в депо, где работала раньше.

В Качканар Иван Ефимович и Устинья Семёновна Мотузовы приехали в 1959 году. Оба фронтовики, они легко приняли неустроенность, временное отсутствие удобств в строящемся посёлке и отдали много сил молодому городу.

Иван Ефимович демобилизовался в 1946 году в звании сержанта.

Он награждён двумя орденами Отечественной войны, орденом Октябрьской революции, орденом «Знак Почёта», медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», юбилейными медалями. У Устиньи Семёновны наград меньше: орден Отечественной войны, медаль «За победу над Германией» и юбилейные медали. Но она не завидует мужу, а гордится им. А про себя говорит так:

- Я подвига никакого не совершила, просто работала, как могла и сколько могла. Время такое было.

Иван Ефимович активно участвовал в деятельности городского Совета ветеранов, много лет занимался общественной работой, а Устинья Семёновна всегда с улыбкой его поддерживала. И только в последние годы, после смерти любимого мужа, начала писать стихи о войне и своих сверстниках. Стихов набралась целая тетрадка; кто-то взял её, чтобы перепечатать, да так и не вернул. Потом она читала стихи только наизусть, почти не записывая. Ходила вместо мужа на встречи с учащимися и молодёжью. И всегда больше говорила о других, чем о себе. Война навсегда оставила след в её характере и жизни, но не сломила, а закалила, сделала сильнее и жизнерадостнее, научила ценить то хорошее, что есть в жизни: мир, тишину, поддержку семьи и крепкую фронтовую дружбу.

ПОБРАТИМЫ

Наталья ПОЛТАВЕЦ,
заместитель директора
по научной работе государственного учреждения
«Минский областной краеведческий музей»

МОЛОДЕЧНО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Молодечно имеет славную богатую историю, которая простирается более чем на шесть столетий. Первое письменное упоминание, которое начинает отсчет возраста города – грамота на послушание Великому Литовскому князю Ягайле, подписанная в Молодечно 16 декабря 1388 г. князем Новгород-Северским Дмитрием Ольгердовичем. На протяжении веков владельцами Молодечно были князья Заславские, Мстиславские, Сангушки, Сапеги, Кишки, Огинские. В XIV-XVI вв. Молодечно входило в состав Великого княжества Литовского, в XVI-XVIII вв. - в состав Речи Посполитой, с конца XVIII в. - в состав Российской империи.

Каждое столетие в истории Молодечно оставляло глубокий кровавый след: в XVII ст. – Ливонская война (1654 – 1667), в XVIII ст. — Северная война (1700 – 1721). XIX век ознаменован наполеоновским нашествием. Но самые тяжкие испытания принес XX век — трагедия Первой мировой войны, бурные революционные события, новые преобразования и снова войну, жуткую, кровавую, беспощадную Вторую мировую, какой человечество еще не знало.

Всю силу и мощь немецкой армии жители нашего города почувствовали на себе в первые же дни войны. В направлении Молодечно наступала 9-я армия генерала Штрауса (12 пехотных дивизий)

и 3-я танковая группа генерала Гота (4-я танковая и 3-я моторизованные дивизии).

25 июня 1941г. 50 немецких бомбардировщиков уничтожили всю авиатехнику на аэродроме в 10 км от Молодечно. Ни один советский самолет не смог подняться в небо.

26 июня совершили огненные тараны у поселка Радошковичи, что в 30 км от Молодечно, Герой Советского Союза капитан Гастелло и члены его экипажа, Герой России капитан А.Маслов, а 27 июня — экипаж старшего лейтенанта В.Пресайзена.

26 июня Молодечно было оккупировано. Здесь устанавливался так называемый новый порядок: это заранее разработанный целенаправленный план геноцида, ликвидации советского строя и его духовных ценностей, разграбление материального достояния и природных ресурсов.

Основными средствами поддержания «нового порядка» в городе были войска вермахта и значительные полицейские силы: охранная и криминальная полиция, жандармерия и спецподразделения. Жизнь регламентировалась многочисленными требованиями и запретами оккупационных властей.

С целью онемечивания и колонизации планировалось уничтожить или вывезти в Германию 75% белорусов, вместо них поселить немецких колонистов. Только Молодечно должно было принять 7 тысяч немцев.

В июле 1941 г. на территории бывшей Молодечненской учительской семинарии оккупанты устроили лагерь для советских военнопленных Шталаг № 342, через который до июня 1944 г. прошло свыше 80 тысяч советских граждан (при численности городского населения в 10 тысяч человек), 33150 из них погибли. Людей загоняли в непригодные холодные бараки. Тут свирепствовали эпи-

демии, голод, имел место каннибализм. Более крепких узников гоняли на работу, а слабых морили голодом или сразу убивали. Часть трупов сжигали на кострах, большую часть свозили в огромные ямы неподалеку от лагеря и засыпали. Постепенно военнопленных сменяло мирное население из Брянской и Смоленской областей.

На месте бывшего лагеря в память о жертвах фашизма в 1996 г. был открыт мемориальный комплекс.

Неслыханные зверства чинили оккупанты над местным населением. Полному уничтожению подлежало еврейское население. «Окончательное решение еврейского вопроса» на территории Молодечненского района унесло 7 тыс. человеческих жизней. Продолжением серии преступлений оккупантов против мирного населения стали карательные операции «Мюнхен» в декабре 1942 г., «Сорвиголова – 1» в апреле 1943 г., «Баклан» в мае – июне 1944 г.

Всего за период оккупации в Молодечно было расстреляно 2500 человек, разрушено и сожжено 549 зданий. В Молодечненском районе разрушено и сожжено 32 населенных пункта, 3 из них сожжены вместе с жителями, свыше 2 тыс. человек депортировано на принудительные работы в Германию.

Оккупация, карательные действия немецко-фашистских захватчиков вызывали праведный гнев мирного населения, способствуя зарождению и развитию подпольного и партизанского движения в крае.

Действиями патриотических сил в Молодечненском районе руководили Молодечненский подпольный райком КП(б)Б и подпольный райком ЛКСМБ. Оба райкома дислоцировались в Ильянских лесах соседнего Вилейского района. Тут же издавалась подпольная газета Молодечненского РК КП(б)Б «Красное знамя» тиражом в 700 экз., которую распространяли 75 партизанских связных.

Уже с августа 1941 г. началось активное партизанское движение. Основу многих партизанских формирований составили командиры и бойцы Красной армии, оказавшиеся в тылу немецких войск. Порой в глубокий тыл забрасывались диверсионные группы, которые становились костяком партизанских отрядов. По существу, Молодечненский и близлежащие районы находились под влиянием и контролем партизан.

Тут действовали 8 партизанских бригад. Одной из них, бригадой им.Ворошилова, командовал Федор Григорьевич Марков. В ав-

Ф.Г. Марков

густе 1941 г. он был направлен в тыл противника, к началу 1942 г. создал партизанскую бригаду численностью в 1965 партизан, состоявшую из 12 отрядов. На базе партизанской бригады им.Ворошилова дислоцировались Вилейский подпольный обком партии и обком комсомола. При обкоме КП(б)Б был создан военно-оперативный отдел во главе с Ф.Г.Марковым. Он координировал действия 18 партизанских бригад и 5 отдельно действующих отрядов.

При участии Ф.Г.Маркова партизаны разработали и провели множество боевых операций, нанеся противнику ощутимый урон. Немецкое командирование предлагало за его голову большую награду. За мужество и героизм Ф.Г.Марков был удостоен высокого звания Героя Советского Союза, ему было присвоено звание полковника. На одной из Молодечненских улиц, названных его именем, установлен бронзовый бюст Героя.

А.И. Волынец

Еще одна улица города носит имя Героя Советского Союза Андрея Ивановича Волынца, командира партизанской бригады «За Советскую Белоруссию». Андрей Иванович участвовал в 74 боях и 59 диверсиях. На его личном счету 9 взорванных эталонов, 18 автомашин противника. За его голову оккупанты предлагали большую сумму немецких марок, но схватить не смогли. За образцовое выполнение заданий в тылу противника и проявленные отвагу и героизм, за особые заслуги в развитии партизанского движения в Беларуси А.И.Волынцу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Деятельность партизан наносила ощутимый урон оккупантам — разрушенное полотно железной дороги, взорванные мосты, нарушенная телефонная связь, невозможность вывоза награбленного в Германию. Только с 3 июля 1943 г. по июнь 1944 г. на железной дороге Молодечно - Минск было спущено под откос 204 эшелона, выведено из строя свыше 3260 рельсов.

Наряду с партизанами в Молодечно активно действовало подполье. С 1942 г. на железнодорожном узле ст. Молодечно началась деятельность диверсионно-разведывательной группы во главе с Даниилом Яковлевичем Герновичем. Члены группы провели 30 крупных диверсий, взорвали 9 воинских эшелонов, склад горюче-смазочных материалов ст. Молодечно, поворотный круг в паровозном депо, кабель прямого провода Берлин – фронт.

23 июня 1944 г. началась Белорусская наступательная операция «Багратион». Бои за Молодечно развернулись с вечера 3 июля и

носили беспощадный характер. В течении 4 июля северная часть города несколько раз переходила их рук в руки, а 5 июля бои разгорелись с новой силой. Только с подходом 2 резервных дивизий войска 3-го Белорусского фронта 5 июля решительным ударом танковых, кавалерийских, пехотных и авиационных частей освободили Молодечно. В честь освобождения города 5 июля 1944 г. в 23.30 Москва салютовала 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий.

Тринадцати воинским частям и соединениям, освобождавшим Молодечно, было присвоено почетное наименование «Молодечненские».

1730 молодечненцев были награждены медалью «За Победу над Германией», 746 человек стали кавалерами боевых орденов, медалями отмечены 373 человека. Среди них и единственный Герой Советского Союза - уроженец Молодечненского района - генерал-лейтенант Казакевич Даниил Васильевич, участник сражений на Курской дуге, освобождения Беларуси, Польши, Германии, кавалер 2 орденов Ленина, Ордена Октябрьской революции, 5 орденов Красного Знамени, орденов Суворова и Кутузова II степени, орденов Отечественной войны, Трудового Красного Знамени и Знак Почета.

Д.В. Казакевич

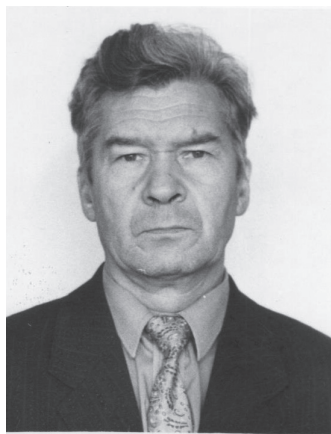
В 1982 году в городском парке Победы был открыт мемориальный комплекс в честь освободителей. На его мраморных плитах высечены белорусские, русские, украинские, узбекские, литовские, армянские, татарские фамилии. Каждый год здесь собираются ветераны и молодёжь, чтобы никогда не забывать о цене победы, унесшей жизнь каждого третьего молодечненца.

ДЕТИ ВОЕННОЙ ПОРЫ

Леонид ШАШМУРИН

Родился 19 августа 1939 г. в Белогорском посёлке Висимского района Свердловской области. После окончания 7 классов школы поступил учиться в Нижнетагильский горно-металлургический техникум. По окончании в 1958 году работал на руднике Евстюниха Высокогорского рудоуправления помощником, затем машинистом бурового станка, горным мастером. В 1966 году переехал работать в Южно-Танарское рудоуправление начальником буро-взрывного участка, начальником карьера. В 1969 году переводом переехал в г. Качканар, где работал на комбинате главным инженером Западного карьера, начальником отдела труда, заместителем генерального директора по труду и кадрам. С 1998 года работал в министерстве

экономики и труда Правительства Свердловской области, с 2003 года – в администрации города. Женат. У него двое взрослых сыновей.

ЛЁНЬКА

Рассказ

- Лёня, ты живой?
- Да, мама.
- Сильно замёрз?
- Не очень, нам с кошкой пока тепло.
- Сидите, не вылезайте. Я сейчас растоплю печь.

Это пришла мама поздним вечером с работы, а Лёнька с кошкой сидели на русской печи под двумя стёгаными ватными одеялами и ждали маму. На дворе стоял декабрь 1943 года. Работала мама, как и все во время войны, по 12 часов ежедневно. Дом, в котором они жили, состоял из одной довольно большой комнаты, в углу которой стояла русская печь. В комнате было два окна, одно выходило прямо на гору Белую, так как дом был в посёлке крайним, другое - на огороды соседней улицы. Окна для Лёньки не представляли большого инте-

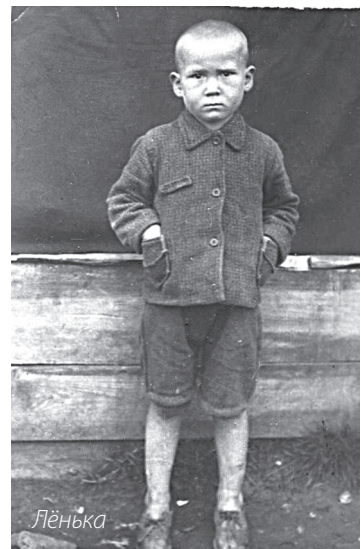
реса, потому что картина там была всегда одна: гора Белая с лесом у подножья и огороды. Люди в этих окнах не появлялись практически никогда. Картина менялась только красками в зависимости от времени года. Вот в таких условиях он коротал долгие дни и вечера один в ожидании мамы с работы. И было бы совсем скучно, если бы не радио; эта чёрная тарелка на стене говорила с раннего утра до позднего вечера. О чём говорили в этой тарелке, Лёнька понимал плохо, но с помощью взрослых уже знал, что где-то идёт тяжёлая война и что на этой войне погиб его отец и что он больше никогда не вернётся, говорила плачущая мама. На эту войну недавно ушёл и его старший брат. Говоря про войну, взрослые тяжело вздыхали и часто плакали. Лёнька тоже чувствовал дыхание войны и необъяснимую тревогу от этого слова.

Тем временем мама растопила печь, а Лёнька всё сидел под одеялами и не вылезал, пока не нагреется в доме. Кошка предательски сбежала сразу, как только мама загремела ведрами. Мама поставила большой чугунок в печь, чтобы тёплой водой напоить корову и затем её подоить. Принеся подойник домой, мама сразу налила большую эмалированную кружку парного молока и подала её Лёньке на печь. Пить утром и вечером после дойки такое молоко было его обязанностью. Не смотря на то, что оно не всегда было приятное и пахло теплом коровы, он выпивал всю кружку. Мама объяснила, что если он не будет его пить, то останется всегда маленьким и не вырастет. Кто же этого захочет?

Постепенно в избе стало тепло, и Лёнька слез с печи. Запахло чем-то вкусным. Это мама готовила его любимое кушанье: тонкими пластинками нарезанная картошка тушилась в сметане на раскалённых углях. Запах становился невыносимым, всё сильнее ощущался голод. Лёнька крутится возле печки, а мама говорит:

- Подожди, вот истомится картошка - и будем кушать.

Наконец, кастрюля поставлена на стол, сверху картошка покрыта коричневой корочкой, а внутри пропиталась расплавленной сметаной. И вот это кушанье елось с кусочком хлеба и запивалось холодным молоком. Незаметно съели половину кастрюли, вторую половину оставили на завтра. Лёнька, допив молоко, почувствовал, что наелся.

Мама сходила к корове, дала ей сена, принесла назавтра дров и уложила их около печи. Ещё некоторое время она хлопотала по дому, а Лёнька всё время крутился около мамы, он просто по ней очень скучал. Это было единственное время их общения. Наконец, мама говорит, что она очень устала и пора спать. Она раздевалась, ложилась в кровать, и Лёнька тут же нырнул к ней под бок. Он просил маму рассказать сказку, и она всегда начинала что-то рассказывать. Дальше половины этой сказки Лёнька никогда не слышал, потому что уставшая за день засыпала мама или он, уткнувшись носом в тёплую мамину пазуху, первым начинал монотонно сопеть во сне.

Утром Лёнька вставал, когда уже мамы дома не было. Он одевался, выпивал кружку оставленного парного молока, доедал вчерашнюю картошку. Изба хранила тепло от накануне натопленной печи, и он взялся строить что-то из самодельных деревянных кубиков. Как всегда, негромко, но отчётливо говорило радио. Иногда он прислушивался, особенно когда в этой чёрной тарелке раздавался торжественно тревожный голос одного и того же мужчины: «Говорит Москва...» Дальше перечислялись какие-то города, населённые пункты, потери... Всё больше в последнее время стало звучать музыки, песен. Ему особенно запомнились две. В одной пелось про страну огромную, которая почему-то должна вставать; в другой - про яблоны и груши, которые расцветали и которых он никогда не видел.

Постепенно в избе становилось темнее, начинался зимний вечер, и наступала прохлада от промерзающих стен. Лёнька допил оставшееся молоко, залез на печь, хранившую вчерашнее тепло, и ждал маму.

Однажды он проснулся рано от того, что мама с кем-то разговаривала. Оглядевшись, он обнаружил на печи тёмноволосую голову и глаза, смотревшие на него. Мама объяснила, что на какие-то каникулы пришёл на лыжах родственник из районного центра Висим. Зовут его Толей, и он приходится Лёньке не совсем родным, но всё-таки братом. Толя будет гостить несколько дней, чему Лёнька был здорово рад: одиночество хоть ненадолго исчезнет. Мама уже подоила корову и налила первую кружку Толе. Он отказался, сказав, что парное молоко не пьёт. Мама стала его уговаривать, говоря, что это сытно и полезно, отдала кружку Лёньке, который её тут же выпил. Налив вторую кружку, она всё-таки уговорила Толю выпить молоко.

За те несколько дней, что Лёнька провёл с Толей, он узнал от него очень многое. Толин папа и Лёнькина мама - родные брат с сестрой, у Толи есть ещё три сестрёнки, две старше его, одна младше. Старшая уже закончила школу, а две другие, как и он, ещё учатся. Толе 12 лет, он ходит в пятый класс. У них тоже есть корова, но она сейчас не даёт молоко - скоро должен появиться маленький телёночек. Без молока

у них в доме стало голодно, поэтому Лёнькина мама через знакомых пригласила к себе детей тёти Нюры, так звали Толину маму. Пусть, мол, придут ребята на зимние каникулы. Пришёл один Толя, потому что нужно было более десяти километров идти на лыжах, а лыжи у них в семье были только одни.

Толя помог Леньке понять то, о чём говорили по радио. Он объяснил, что такое война. Это на нас напали немцы и хотят взять всех в плен или убить. Поэтому наши папы и братья ушли с ними воевать и сейчас уже их прогоняют. Но, самое главное, Толя показал буквы. Рассматривали они их в книге, которую Толя принёс с собой, и в газетах, которые были дома. Растущий Лёнькин мозг быстро хватал всё новое и за те несколько дней, что Толя был с ним, он уже знал почти все буквы и быстро их отыскивал в заголовках газет. Но однажды утром Толя позавтракал, оделся, взвалил на спину довольно увесистый мешок, который приготовила с вечера мама, и, попрощавшись, ушёл: завтра в школу. Первые дни без него Лёньке было особенно тоскливо.

Очень редко, в самые-самые холодные дни, уходя на работу, мама оставляла Лёньку у соседней. Там были старая, сухонькая бабушка, Валька и её сестра, которая только начала ходить в школу. Их мама, как и Лёнькина, тоже целый день была на работе. Поэтому почти всё время они были втроём: Валька, Лёнька и бабушка. Валька и Лёнька, как говорили их родители, были одноклассниками и на вопрос, сколько им лет, дружно загибали на одной руке большой палец и показывали оставшиеся четыре. Бабушка почти всё время сидела за швейной машинкой, штопала или вязала. Лёнька с Валькой дружно играли, кушали, днём вместе спали на печке, ходили на один горшок.

И вот однажды Лёнька, стоя в очереди на горшок, как только встала с него Валька, вдруг обнаружил, что у неё нет такой письки, как у него. Он тут же задал ей вопрос. Валька тоном знающего человека ответила:

- Потому что я девочка, а ты мальчик. Когда я вырасту, буду мамой, а ты, когда вырастешь, будешь папой. Об этом мне сказала бабушка.

Ответ показался Лёньке убедительным, и они с Валькой больше никогда не говорили на эту тему. Зато в играх она всегда была мамой, а Лёнька папой; две самодельные тряпичные куклы были их дети, которых ребята кормили и укладывали спать.

Вечером за Лёнькой приходила мама, и они шли домой, где уже в печи потрескивали дрова, а на столе стояла кружка парного молока.

Так день за днём прошла зима. Снег с горы Белой сбежал дружными ручьями возле их дома, затем подсохло, стало теплее, и значи-

тельно увеличился день. Теперь с приходом мамы с работы Лёнька бежал на улицу, где встречался с друзьями. Их было немного: Валька, Колька, старше на год их обоих, и ровесник Генка, которого они видели редко, потому что, как говорила мама, он часто болел. Они бегали, резвились, что-то кричали, не слушая друг друга, стараясь быстрее израсходовать накопившуюся за день энергию. Всё это продолжалось, пока родители управлялись со скотиной и, приготовив незамысловатый ужин, звали ребят домой. На улице становилось снова тихо, как во всех таёжных посёлках.

Посёлок, в котором жили Лёнька с мамой, был построен старателями незадолго до войны. Назывался он Белогорский по имени горы, у подножья которой располагался. В посёлке был проведён электрический свет, радио, была общая баня и даже клуб, состоящий из двух больших комнат. Лёнька с друзьями иногда приходили к этому клубу и смотрели, что там происходит. В клубе вечерами собиралась молодёжь, которая парами под гармонь ходила по кругу, то величаво-медленно, то вприпрыжку быстро. В другой комнате иногда показывали кино. Среди молодёжи были, в основном, девушки и очень мало парней. Однажды к Лёньке подошла какая-то девушка, дала ему маленькую конфету, которую он тут же запихнул в рот, погладила его по голове, улыбнулась и, ничего не сказав, отошла к своим подругам. Дома об этой встрече он не рассказал маме, потому что ему стало вдруг стыдно за то, что конфету он съел один, не поделился с мамой.

Как-то в конце лета мама, придя с работы, принесла целую чашку крупных, красных, сладко пахнущих ягод.

- Это тебе, Лёня, подарок. Сегодня твой день рождения, тебе исполнилось пять лет.

Он тут же поднял всю пятерню вверх и переспросил:

- Пять?

- Да, ты уже стал совсем взрослым.

Мама положила ягоды в кружку, залила молоком и дала ему ложку. Так Лёньке запомнился пятый день его рождения и так он узнал, что ягоды эти называются малиной.

В начале осени они с мамой пошли за околицу копать картошку, которую она посадила весной. Мама копала одна, бросала картошку на грядку, а Лёнька немного подсыхшую собирал в ведро. Наполненное ведро мама высыпала в мешок. Копали долго, потом обедали хлебом, картошкой и молоком, снова копали. Когда выкопали всю грядку, мама сказала:

- Посчитай-ка, Лёня, сколько мешков накопили.

Лёнька уже умел считать до десяти и уверенно ответил:

- Семь!

Подъехала лошадь с телегой, мама с каким-то дядей погрузили мешки, водрузили на них Лёньку и поехали к дому. Дома мама отгородила досками угол в комнате, куда и ссыпали картошку.

Вскоре на улице стало подмерзать, день стал короче, пошёл снег, и снова наступила зима. В жизни Лёньки и мамы мало что изменилось по сравнению с прошлой зимой. Снова печь, два одеяла, кошка и долгое ожидание мамы с работы. В начале января к ним пришёл Толя. Для Лёньки это были наисчастливейшие дни. Толя рассказал, что наши папы и братья уже выгнали немцев с нашей земли и скоро совсем их добьют. Лёнька учился из букв складывать слоги, а из них простые слова.

В сравнительно тёплый день Толя поставил Лёньку на лыжи, закрепил его валенки ремнями, дал палки и велел идти. Лёнька сделал несколько маленьких шажков, упал, зарывшись в сугроб, и вылез оттуда только с помощью Толи. На этом первое знакомство его с лыжами закончилось. Вскоре Толя снова ушёл к себе домой.

В дни, когда Лёньку оставляли у соседей, они с Валькой не только играли в куклы, но уже изучали буквы, складывали слоги и пытались читать. Им помогала Валькина сестра, которая училась во втором классе.

Иногда вечерами женщины из соседних домов собирались у Валькиной мамы. Они что-то вязали, штопали, тихо разговаривали, часто пели грустные песни. Валька с Лёнькой сидели притихшие и боялись им помешать. В конце пения женщины часто плакали и тихонько расходились по домам.

- Почему они поют такие грустные песни. а потом плачут? - спрашивал Лёнька у мамы.

- Поговорят женщины, поплачут – им вроде и полегче становится. Не мог тогда Лёнька понять, как тяжело было мамам в то время!

Ближе к весне в комнате стало пахнуть гнилью. В лютые морозы стены промерзали, мёрзла в углу и картошка, начиная гнить. Они с мамой часто её перебирали, и картошки становилось всё меньше и меньше.

- Хоть бы на посадку осталось, - сокрушалась мама.

Наступила весна. Гора Белая очистилась от снега, который шумным потоком вновь пробежал возле их дома. Начинала просыхать земля

И вот однажды утром, когда Лёнька ещё спал, неожиданно прибежала мама, быстро включила радио, разбудила его. В радио гремела музыка и тот же давно знакомый торжественный голос что-то говорил. Мама металась по комнате и повторяла только одно слово:

- Победа, победа!

Они выбежали на улицу, где собрались все жители от мала до велика. Взрослые о чем-то оживлённо говорили, обнимались, смеялись, целовались. Старые бабушки часто крестились. Из всего этого шума Лёнька понял одно, что война окончена и с фронта придут наши мужики - и жить станет легче. Ликование продолжалось долго; постепенно взрослые уgomонились и разошлись по своим делам, а все ребята остались на улице и стали ждать, когда же вернутся их папы и братья. По их мнению, они приедут на поезде, который каждый день в полдень на несколько секунд показывался далеко среди леса в горах. Ребята долго вглядывались, боясь пропустить этот поезд, состоящий из нескольких вагонов, которые тянул по узкоколейке маленький пыхтящий паровоз. Вскоре спряталось солнце, заморосил дождь, и стало холодно. Ребята, ничего не дождавшись, промокнув, тоже разошлись по домам. Так Лёнька и мама встретили день Победы!

С окончанием войны в жизни Лёньки ничего не изменилось. Мама по-прежнему много работала, а брат всё никак не возвращался с войны: он, как сказала мама, ещё остался служить. Тем временем в посёлок стали возвращаться мужики - и с новой силой закипела старательская работа. Они выше подняли дамбу, воды в запруде стало больше, и драга ходила уже совсем недалеко от их дома, грохоча круглые сутки. Мама сказала, что драга добывает со дна пруда платину, иногда попадаетея золото. Зачем и кому они нужны, Лёнька не спрашивал.

Брат обычно регулярно писал домой. Мама, увидев знакомый почерк, прижимала конверт к груди, затем вскрывала и читала. Лёньке в каждом письме отводилось несколько строк. Во-первых, он получал от брата большой привет, во-вторых, чтобы помогал маме, потому что он уже большой.

И вдруг письма перестали приходить. Мама сильно переживала, иногда плакала. Лёнька в такие моменты крутился возле неё, не зная, чем маме угодить. Он говорил, что письмо скоро придёт, надо только немного подождать.

А недавно возле клуба к нему подошла та же девушка, что когда-то давала ему конфету, и спросила, нет ли от брата писем. Получив ответ, она грустно вздохнула и ушла. Дома Лёнька рассказал о ней маме, та сказала:

- Это Танька. Видно, тоже давно не получала.

Лёнька понял, что его брат писал не только им с мамой, но и этой девушке по имени Таня. Ему всё больше становилось жаль маму, которая стала чаще плакать, а приходя с работы, первым делом спрашивала у него, не было ли писем. И он однажды, гонимый благими

намерениями, ничего лучшего не придумал – взял старый конверт, вложил туда старое письмо и, когда мама пришла с работы, радостно вручил его ей. Мама, увидев знакомый почерк, долго радовалась, прижимая конверт к груди. Лёньке вдруг стало стыдно, и от этого он готов был расплакаться. Когда обнаружился обман, мама хотела наказать его, но вместо этого обняла, и они дружно разревелись.

И вот, наконец, пришло от брата настоящее письмо. В нём он общал, что у него всё нормально, что часть, в которой он служил, куда-то переводили, и он не знал ещё нового адреса. Мама очень обрадовалась, но не очень доверяла этой нормальности службы и от полного беспокойства не избавилась

Как-то в конце лета мама, уходя на работу, разбудила Лёньку, поцеловала, сказала:

- С днём рождения!

И подала кружку парного молока. Так Лёнька встретил свой шестой день рождения.

В начале осени в посёлке открыли детский сад, и теперь мама отводила Лёньку туда. В садике было хорошо, много ребят, их водили гулять, днём они обязательно спали, играли. В садике хорошо кормили. Ему особенно нравились котлеты из свинины, их вкус он запомнил надолго. Одно было плохо – в конце дня за всеми ребятами приходили бабушки, старшие братья или сёстры, иногда мамы. И только Лёнька долго оставался вместе с воспитателем в ожидании его мамы. А её к тому времени перевели на работу почтальонкой. Она разносила письма и газеты не только в посёлке, где они жили, но и в большом посёлке Уралец, расположенном в трёх километрах. Вот мама, бегая от дома к дому в этих посёлках, всё время опаздывала в детский сад. Воспитатели ворчали, потому что задержка была иногда очень долгой.

Лёнька, чувствуя свою и мамину вину перед воспитателями, однажды соврал, сказав, что мама велела одному идти домой и что он знает, где лежит ключ, чтобы открыть дом. Воспитатель с охотой его отпустила, благо плутать в маленьком поселке было негде. Придя к дому, он потрогал замок (ни про какой ключ он, конечно, не знал), сел на низенькое крылечко и стал ждать маму. На улице было прохладно, пролетал снег. Незаметно Лёнька уснул. Как пришла мама, как занесла его домой и отпаивала горячим молоком, он помнил плохо. Наутро у него поднялась температура, он метался в кровати и бредил. Изредка приходя в себя, видел маму, которая пыталась чем-то напоить его, и снова забывался. Наконец, болезнь отступила, Лёнька лежал обессиленный, мама снова была на работе. Днём к нему приходила красивая, с длинной белой косой, соседская девочка; она

училась уже в десятом классе и была больше похожа на девушку. Тоня (так звали эту девушку) давала ему какие-то порошки, кормила и быстро уходила. Оставаясь один, он с нетерпением ждал, когда она снова придёт. Он пытался задержать её разговорами и различными вопросами, но из этого ничего не получалось. Вскоре Лёнька окончательно поправился, смог самостоятельно за собой ухаживать, и Тоня больше не появлялась. В детский сад Лёнька больше не ходил.

В начале зимы, когда снег был ещё не очень глубокий, к ним из поселка Висим пришли мамины братья: дядя Ваня и дядя Аполлон. Дядю Ваню Лёнька знал, а дядю Аполлона он видел первый раз. Это был высокий, сильный и добрый человек; здороваясь с Лёнькой за руку, сказал, что он Толин папа. Он и дядя Ваня недавно пришли с войны и, как большинство мужчин в таёжных посёлках, были охотниками. Переночевав, с рассветом взяв ружья, они ушли в лес на Белую гору. Мама почему-то сильно беспокоилась за них и часто поглядывала в окно, ждала с нетерпением их возвращения. Когда Лёнька спросил, почему же она так беспокоится, та ответила:

- Дядя Ваня ещё по первому снегу нашёл берлогу, где медведь лёг спать на зиму, и сейчас они его пошли убивать. Медведь очень сильный, а разбуженный ещё и злой, как бы чего не случилось.

Мамино волнение передалось и Лёньке, он сел у окна, выходящего на Белую гору, и стал всматриваться. Вскоре, к великой радости обоих, он заметил охотников, что-то тяжело тащивших с горы на самодельной волокуше. Зайдя в дом, дядя Ваня сказал, чтобы мама замесила тесто на пельмени, а они будут снимать с медведя шкуру. Пока они с этим управлялись, мама замесила тесто и уже рубила в деревянном корыте медвежье мясо. Охотники, раздевшись, быстро помогли маме достряпать пельмени, и все сели за стол. Пельмени Лёньке показались вкусными, но мясо было немного жёстким, тем не менее он наелся их до отвала. Утром пришла лошадь, дядя Ваня и дядя Аполлон погрузили тушу медведя на сани и уехали. Лёнька с мамой ещё несколько дней ели тушёное в печи мясо.

Однажды ночью, в середине января, в сенках раздался сильный и требовательный стук. Мама разбудила Лёньку, который спал на печи, и стала с тревогой ожидать. Кто бы это мог быть? Хоть их дом и был крайним, но к нему нужно было идти через весь посёлок, дальше их дома только лес и гора Белая.

Тот, кто стучался, похоже, точно знал, куда шёл, даже в темноте ночи. Стук повторился, мама взяла из-под лавки топор, пошла в сени и грубым голосом спросила:

- Кто там?

Ответ Лёнька не слышал, но услышал, что полетел в сторону топор и в сенах раздался мамин вопль:

- Саша! Сынок!

Это пришёл с войны его старший брат. Они вдвоём ввалились в избу, мама всё целовала его, тискала в своих объятиях. Брат старался высвободиться, но не тут-то было; и только когда сказал, что ему больно, мама отпустила его:

- Ты ранен?

- Нет. Меня очень замучили чирьи.

Действительно, когда он снял шинель, на гимнастёрке чётко выступали пятна крови.

Позднее он рассказал, что их воинская часть всю осень гонялась за бендеровцами по болотам Латвии, и у него тогда начали появляться чирьи. Вначале он попал в дивизионный госпиталь, а затем его перевели в армейский. Но дела на поправку не шли. И вот однажды осмотр больных и раненых проводил военный медицинский доктор в большом чине. Внимательно ознакомившись с историей болезни брата, он спросил:

- Откуда родом, солдат?

- С Урала, из Свердловской области.

- Понятно.

Осмотрев больного, он вновь спросил:

- Воевал?

- Так точно!

- С какого года?

- С 1943-го.

Повернувшись к большой свите докторов, сказал:

- Комиссовать! А то мы его потеряем, организм сильно ослаблен.

Положив руку на плечо брату, добавил:

- Поезжай домой, в здоровый зимний климат, попарься в баньке, попей бражки - и всё пройдёт.

Ему быстро выправили все документы, и уже на второй день он был готов ехать. Писать письмо домой не имело смысла, он всё равно приехал бы раньше его. Вот так он и появился январской ночью в посёлке, без всякого предупреждения.

Мать, убедившись, что пятна крови на гимнастёрке не от ранения, а от чирьев, которых было действительно много, сказала:

- Ерунда, мы эту болячку вмиг вылечим!

Уже утром была затоплена у соседей баня, принесли какие-то травы, появилась и бражка. Лечение было только народными средствами и так интенсивно, что через неделю на месте чирьев остались маленькие синенькие пятнышки, а ещё через неделю исчезли и они.

Лёньке брат привёз коробку цветных карандашей, которые он тут же сосчитал: двенадцать. Он хотел показать брату, что умеет считать до двадцати. Брат тут же научил его считать десятками: десять, двадцать, тридцать... А затем говорит:

– В каждом десятке прибавляй по одному: двадцать один, двадцать два...

Так Лёнька уже через две недели, пока брат лечился, бойко считал до ста.

На расспросы мамы о войне брат отвечал неохотно:

- Война есть война. Ничего хорошего. Был контужен, два дня почти ничего не видел, неделю не слышал, но вроде обошлось. А в основном грязь, смерть, тяжёлая работа.

А было брату, вернувшемуся с такой тяжёлой войны и прошагавшему пол-Европы, всего-то девятнадцать лет. Но Лёньке он казался могучим исполином, свалившим грозного фашиста.

Вскоре в доме стала появляться поселковская молодёжь. Пришла и та девушка, которая угощала когда-то Лёньку конфетой и спрашивала про письма брата. Она улыбнулась ему, а брату сказала:

- Мы знакомы.

Девушку эту действительно звали Таня.

Быстро пролетел месяц со времени возвращения брата, а за ним и закончилась зима. В начале марта брата избрали секретарём райкома комсомола. Теперь они все должны были переехать в районный центр – посёлок Висим. Пришла лошадь с санями, на которые погрузили немудрёный домашний скарб, посадили Лёньку, сзади привязали корову и двинулись в дорогу. В Висим пришли поздно вечером. Для жилья сняли одну комнату в доме недалеко от чайной. Весна в этот год была дружная, быстро стаял снег, пробежали ручьи, начали просыхать дорожки.

Лёнька с интересом знакомился с новым посёлком, а он был, по его меркам, очень большой, поэтому далеко от дома он вначале не отходил. Но постепенно с помощью мамы и двоюродного брата Толи он освоился с посёлком и мог самостоятельно прийти к нему в гости, хотя жили они на другом его конце. Познакомился Лёнька и с сёстрами Толи: младшая Нина ходила в третий класс, Шура в восьмой, а старшая Алевтина уже окончила школу и работала. Она продавала морс в ларьке, который стоял в центре посёлка. Семья Толи жила одним общим крытым двором с соседями, у которых тоже было много детей. Двор всегда гудел от детворы. В центре его была большая качель на толстых верёвках, которая никогда не пустовала. Было много разных игр, более взрослые дети даже показывали маленькие спектакли. Лёнька после таёжного затворничества вна-

чале с интересом смотрел на шумные игры ребят, затем освоился и стал принимать в них участие.

И вот однажды, в начале мая, в Толиной семье случилась беда. Как-то Толя пришёл из школы домой и видит, что Алевтина висит на верёвке. Он схватил нож, быстро перерезал верёвку, но было уже поздно, она не дышала. Причиной её самоубийства, как говорили взрослые, была обнаруженная ревизией недостача в 400 рублей. По меркам 60-х годов это 4 рубля, но в то время сам факт недостачи - уже тюремный срок. После похорон была проведена повторная ревизия, которая недостачи не обнаружила. Вот так ни за что погибла очень красивая девушка. Жить бы ей и радоваться жизни, парни гужом ходили вокруг неё. На похоронах Лёнька плакал.

Тем временем страна восстанавливалась после войны. Много нужно было различных строительных материалов, в том числе леса, особенно в те районы, где проходила война и где строительного леса практически не было. Где его взять? Ближайший - это Урал. Комсомольцы Висимского района сами себя мобилизовали и ушли заготавливать лес в пойме реки Чусовой. Возглавлял эту бригаду комсомольский секретарь, Лёнькин брат. Они рубили лес в районе посёлков Ёква и Харёнки, практически на себе его доставляли до берега реки, затем сплавляли вниз по Чусовой к Каме. С братом ушла и его девушка Таня, в декабре в посёлке Ёква у них родился сын Владислав.

Лёнька с мамой в начале лета опять остались одни. Посёлок Висим кормился старательскими работами, был там ещё и колхоз. Работу мама найти не могла, нечем стало платить за комнату - и они переселились в тёмный чулан в этом же доме. Перебивались за счёт случайно подвернувшейся маме работы, и Лёнька всё чаще и подолгу стал ощущать голод.

Однажды Лёнька обнаружил, что яркий свет вызывает резь в глазах, которая в полутёмном чулане проходила. Вскоре он совсем перестал появляться на улице и всё больше сидел в чулане. Когда обнаружила мама, что у него что-то с глазами неладно, началось лечение. Это были советы разных бабушек; в Лёнькины глаза закапывали всё, что могло капать, начиная от женского грудного молока до мочи свиней. Тем не менее Лёнька слеп, уже и в чулане он плохо видел.

В это время в посёлке построили больницу, куда приехали по направлению работать два молодых врача, только что закончивших учебные заведения. Мама привела Лёньку в больницу, и его глаза осмотрела молодая врач. Ничего не сказав, быстро вышла из кабинета. Вскоре она пришла с парнем в белом халате, и они вместе ос-

мотрели его глаза. Потом молодой врач что-то говорил маме, из их разговора Лёнька понял одно: что-то надо сжечь. Его положили на кушетку, он не понял, почему мама села на его ноги, а руки и плечи крепко прижал к кушетке молодой врач. Женщина-врач поднесла к глазу пипетку и капнула. По больнице раздался душераздирающий Лёнькин вопль, он пытался вырваться и кричал. Боль в глазу стояла нестерпимая, в пипетке был йод. Через 10-15 секунд в глаз закапали другое лекарство, которое сняло боль. Затем закапали во второй глаз, Лёнька кричал, бился, но его крепко держали. Так повторилось на второй и третий день. Мама объясняла ему, что надо терпеть, что он сильный, он будущий солдат, а солдаты терпят и не плачут. Он соглашался с мамой и обещал, что не будет кричать и будет терпеть. Но в больнице всё повторялось снова. И только на шестой раз, ложась на кушетку, он сказал, что его не надо держать и добавил:

- Мама, дай твои руки, - крепко вцепившись в мамины руки, после закапывания он весь напрягся от боли, но удержал в себе стон.

- Ты молодец, настоящий солдат! - похвалил его молодой врач. На последующие процедуры он уже не приходил. С каждым днём Лёнька видел всё лучше и лучше, и уже солнечный свет не очень давил на глаза. Вскоре молодые врачи, осмотрев его глаза, сказали:

- Ну, всё! Вроде теперь нормально. Мы вынуждены были решиться на крайние меры и, признаемся, очень боялись за их исход.

Лёньке повезло, что в посёлке Висим в это время открыли новую больницу, что приехали по направлению молодые врачи, которые взяли на себя ответственность и йодом сожгли садившееся на оба глаза бельмо.

У мамы по-прежнему в посёлке не было никакой постоянной работы, и она вынуждена была наняться в артель по сбору ягод при Райпотребсоюзе. Лёнька с начала августа до середины сентября жил у незнакомых людей в соседнем посёлке Висимо-Уткинске, который расположен в восьми километрах от районного центра. Запомнилось ему это время одним. Было холодно и очень голодно. Из еды были только картошка в мундире и немного козьего молока, которое он пить не мог: оно имело очень неприятный запах и вкус. Он сильно похудел, но его радости не было предела, когда, наконец, пришла за ним мама. Они вновь пришли в посёлок Висим и поселились жить у дяди Аполлона.

Была вторая половина сентября, когда мама отвела Лёньку, наконец, в школу. Его там не хотели принимать, так как он, по мнению учителя, сильно отстал от класса. Но мама всё-таки уговорила Нину Петровну, так звали учителя первого класса, говоря, что ему месяц назад исполнилось семь лет и он знает уже все буквы. Лёньку остави-

ли в школе с тем условием, что если он не догонит уже месяц проучившихся ребят, то в новом учебном году он снова пойдёт в первый класс.

Чем запомнилась ему эта первая зима в посёлке Висим? По-прежнему было голодно, но какая-то душевная простота и теплота дяди Аполлона и тёти Нюры (Толиной мамы) сглаживали трудности того времени, да ещё рядом всегда был Толя. Запомнилась Лёнке встреча нового 1947 года. В доме, где они жили, одна большая комната на зиму была закрыта, так как она плохо прогревалась от одной печи в доме, и в ней было всегда холодно. И вот эту комнату открыли, поставили почти под потолок ёлку, украсили её самодельными, в основном из бумаги, игрушками. Такую красоту он видел впервые и с трепетом ожидал праздника – встречи Нового года! Наконец наступило 31 декабря. Вечером в этой комнате собралось очень много молодёжи, в основном, сверстники Толи. Комната заполнилась смехом, шутками, каким-то залихватским весельем, хотя никаких накрытых столов не было. Из музыки была одна гармонь, но она ни на минуту не смолкала. Танцы сменялись залихватским переплясом, частушками. А как пели! Энергия молодости так и рвалась наружу! Лёнку никто не прогонял, и он, стоя в стороне, мысленно соучаствовал и впитывал энергию этого праздника, который продолжался до самого утра. Позднее он узнал, что большая часть этих ребят и девочек были участниками художественной самодеятельности посёлка Висим, известной во всей Свердловской области.

Всю зиму мама перебивалась случайной работой. В основном, она кому-то что-то шила или чаще перешивала, так как обновки в то время были редкостью. Выручала имеющаяся у них швейная машина, как раньше говорили: «Зингеровская» и прибавляли: хорошая и надёжная. Но заработки эти были редкими и не могли их прокормить. Поэтому мама вынуждена была пойти на работу в колхоз, который занимался производством молока и мяса. Располагался колхоз в стороне от посёлка. Из строений там были два длинных деревянных скотных двора и одноэтажный барак с одним коридором и шестью маленькими комнатами. В одной из таких комнат они и поселились. Вся мебель и интерьер этой комнаты в пять квадратных метров состоял из железной печки, обложенной кирпичом, кровати, небольшого стола и двух табуреток. Привела мама с собой и корову, которая целый год скиталась по чужим дворам.

Маму поставили на работу телятницей, и Лёнка всё свободное от школы время проводил в телятнике. Телят после рождения непродолжительное время держали у коровы, а затем передавали маме. Было интересно смотреть на них. Ещё неуверенно стоя на ногах, они пытались прыгать, отчего их кидало из стороны в сторону.

Они смотрели ошалелыми любопытными глазами на всё окружающее, и при этом не умели ни есть, ни пить. Первейшей задачей мамы было научить их пить, раньше они умели только сосать корову. Вот, используя этот природный инстинкт, телёнку давали в рот средний палец руки, он принимал его за коровью титьку и начинал сосать. Руку постепенно погружали вместе с мордочкой телёнка в ведро с молоком, которое он, обсасывая палец, постепенно втягивал. После трёх, четырёх таких процедур палец потихоньку убирали и телёнок всасывал молоко уже сам. Этот процесс удивлял и забавлял Лёньку, и он однажды, в присутствии мамы, дал телёнку свой палец и подвёл его мордочку в ведро. Сколько было у него радости, когда он увидел, что молоко в ведре начало убывать. Так впервые он наполнил новорождённого телёнка. Телят было более пятидесяти, и мама была в телятнике почти круглые сутки. Лёнька, как мог, помогал ей. Нужно было у них чистить, поить и кормить, подсыпать пол опилками. Корова стояла на привязи в углу в этом же телятнике и была практически единственной их кормилицей, потому что на трудодни в колхозе тогда ничего не давали.

Так незаметно прошёл апрель. В конце мая они с мамой посадили картошку, семена которой она выменяла на молоко. Это время года было всегда более голодным: все запасы кончаются, в том числе и картошка. На трудодни по-прежнему ничего не давали. Спасали корова и хлебные карточки, которые давали на Лёньку за погибшего отца. В один из дней мама отправила его в посёлок по карточкам получить хлеб. Выдавали только одну суточную норму, указанную в карточке. Это были 300 граммов, при получении которых нужно было носить все карточки, так как печать сельсовета стояла на обратной стороне на несколько штук. Получив хлеб, Лёнька пришёл домой и, сколько ни выворачивал карманы, остальных десяти карточек не было, у него их украли. Как они ревели от досады оба с мамой! Но делать нечего, она нарвала крапивы, молодой лебеды и сварила борщ, заправив его молоком.

Закончился учебный год, и так как Лёнька в классе к концу года был твёрдым середнячком, он был переведён вместе со всеми во второй класс.

В середине июня, когда немного подросла трава, телят нужно было перегнать на поляну, расположенную в полукилометре от телятника. Когда открыли ворота, телята, выйдя наружу, от солнца и свежего воздуха словно ошалели. Они, задрвав хвосты, носились во все стороны, и Лёньке с мамой с большим трудом удавалось удерживать их в одном месте, чтобы не разбежались. Все попытки направить их в сторону поляны были безуспешными. И когда они с мамой

совсем выбились из сил, Лёнька вдруг с досады громко запел где-то услышанную ругательскую песню. И о чудо! Телята вдруг остановились и стали прислушиваться. Мама закричала:

- Лёня, пой и тихонько иди к поляне!

Телята потянулись за ним, мама только подгоняла их сзади. Так, исполнив свой песенный репертуар, они дошли до поляны. Остановились, и телята постарше сразу начали щипать траву, маленькие тоже начали что-то выбирать. Обессиленные, мама и Лёнька упали на землю. Вскоре и телята, насытившись, один за одним разлеглись на поляне. Все отдыхали. Обратный путь был таким же – с повторением ранее спетого репертуара. Так два раза в день у Лёньки были вокальные распевки, при этом петь нужно было очень громко, чтобы телята не просто услышали, а чтобы это пение резало им слух, только при этом условии они ему подчинялись.

На этой поляне кормились не только телята, но и они с мамой. Вначале это были молодые сосновые отростки (пальчики), затем постепенно появлялись щавель, пиканы, ягоды, грибы.

Ботиночки, которые у Лёньки были единственными, еле-еле дотерпели до окончания учебного года. И сейчас он бегал на улице, как и большинство ребят посёлка, босиком. У большинства родителей не было возможности купить на лето обувь детям, и покупалась она только к началу учебного года. Ленькины ноги знали, что такое утренняя холодная роса, когда нужно было выводить на пастбище телят, они ныли от холода, как в зимнюю стужу, и согреть их было нелегко. Знали его ноги и тысячи всяких колючек, разбросанных по лесу и дорогам. Влага, воздух, солнце делали своё дело. Кожа на ногах почти до колен трескалась, и образовывались очень маленькие ранки (цыпки), которые иногда кровоточили. Лечила мама Лёнькины цыпки так. Вела его в баню, распаривала ноги, долго их била веником. Сказать, что при этом ему было больно, значит, ничего не сказать. Это была настоящая пытка, и сопровождалась она душевными воплями. Затем ноги смазывались на ночь сметаной. Ранки ненадолго затягивались, но через несколько дней всё повторялось вновь.

Заканчивалось лето. В один из августовских дней мама неожиданно утром к обычной кружке молока положила Лёньке небольшой кусочек сахара, сказав при этом:

- С днём рождения тебя, сыночек!

Ему исполнилось восемь лет.

Первого сентября он, перебросив через плечо тряпичную сумку, пошёл в школу. Там им выдали учебники и тетради; хоть это выдавалось в ограниченном количестве, но бесплатно.

Вставать Лёньке приходилось рано. Они с мамой гнали телят на пастбище, затем он шёл в школу. После школы он снова шёл к маме и телятам в поле, где его мама кормила, затем они загоняли телят. Только после этого он дома садился за выполнение домашних заданий. Так продолжалось до первых заморозков, когда телятам в поле нечего было есть и их поставили на зиму.

Отменили карточки на хлеб, но хлеба у них в доме больше не стало. Его просто не на что было купить, так как в колхозе денег никогда не давали. В основном, давали тёмную с отрубями муку. Но лепёшки из этой муки, замешанные на простокваше и обжаренные в настоящем сливочном, как тогда говорили, коровьем масле, казались очень вкусными.

Зимой Лёнька, придя из школы, бросал сумку, обедал и шёл к маме в телятник помогать. Затем они вместе возвращались домой, мама топила печку, готовила еду на ужин и на утро, он выполнял домашние задания. Учиться, как казалось Лёньке, он старался, но по-прежнему был в классе в середнячках.

Однажды вечером к ним пришла женщина, попросила молока и предложила взамен коньки. Мама знала, что у этой женщины было трое детей, муж погиб на фронте и их корова была в запуске. Это когда перед отёлом корова два месяца не даёт молока, и этой женщине нечем было кормить детей. Мама безоговорочно налила полный бидон молока. Она сделала бы это, если бы женщина и ничего не принесла. Мама сказала ей, чтобы приходила ещё. Они немного о чём-то поговорили, затем гостя долго благодарила маму и, наконец, ушла. Мама не говорила ни о какой оплате, но женщина коньки оставила. Лёнька долго разглядывал их. Это были старые коньки «снегурочки».

Он на другой же день внимательно рассмотрел в посёлке у ребят, как они крепятся к валенкам. Достал кусочки верёвок, надел валенки и тщательно прикрепил коньки. Встал, постоял, затем осторожно пошёл, гремя коньками по деревянному полу, на выход из барака. Он уже предвкушал, что будет быстро катиться на коньках, но каково же было его разочарование, когда на тропе возле барака коньки провалились в утоптаный снег и никуда не собирались ехать. Лёнька понял, что нужно найти более твёрдую дорогу. Вскоре он её нашёл, это была тропа от проруби на реке до бани. Нося в баню воду, люди невольно поливали тропу из полных до краёв вёдер. Встав на эту тропу, он тут же упал. Встал, немного прокатился и опять упал. Так прошло его первое знакомство с коньками. Домой он пришёл весь в снегу, немного с синяками, но что-то радостное и гордое было в его душе: пусть немного, но он мог катиться на конь-

ках. Теперь он каждый вечер выкраивал время для этого занятия. Однажды, прикрутив коньки, вышел на улицу, но коньки совсем не катились по недавно выпавшему снегу, даже на тропе у бани. Лёнька стоял на коньках и, глядя на ровно лежащий вокруг и красиво блестящий под лунным светом снег, мечтал. Если бы это был ровный лёд, вот тогда бы он покатался! Не знал тогда он, что мечты его сбудутся. Будет он кататься на свежезалитом, блестящем под светом прожекторов льду. И не просто кататься, а выступать с показательной программой, как неоднократный призёр областных соревнований по фигурному катанию на коньках. Но это будет потом, а сейчас, вздохнув, он вернулся домой.

Прошла зима. Весной отелилась их корова, и мама сдала телёнка в колхоз в обмен на корм для неё. Пришёл к концу и учебный год, Лёньку перевели в третий класс. Снова, как и в прошлом году, они с мамой под песенный репертуар водили на поляны пастись уже других телят.

Началась сенокосная страда. Маму вместе с коровой включили в бригаду, которая должна заготавливать сено на дальних покосах. Ранним утром бригада с конной косилкой, конными граблями, телегами направилась в дорогу. Мама с коровой, естественно, Лёнька с ними, шли сзади за этой колонной. Покосы располагались в десяти километрах от колхоза. Перед первой большой поляной нужно было перейти реку Утку. В этом месте река хоть и была широкой, но Лёнька перешёл её, слегка замочив колени. На том берегу, метрах в ста, стоял деревянный большой сарай, возле которого и был разбит стан. Мама должна была готовить на всю бригаду завтрак, обед и ужин, в функцию коровы входило поить своим молоком эту бригаду. Лёнька же был на подхвате у мамы. Траву косили, в основном, конной косилкой; маленькие полянки и закоулки, где конная косилка не могла развернуться, косили вручную. Бригадир, ходивший всегда в плаще и фуражке, несмотря на жару, всё время подгонял всех:

- Давайте работаем, работаем! Отдыхать зимой будем!

Лёньке от этого он казался очень суровым. Вручную косили, в основном, женщины, которых в бригаде была половина. Делали они это с раннего утра, а ближе к обеду втыкали косы черенком в землю, брали грабли, подгребали и ворошили накануне скошенную траву. Однажды Лёнька взял воткнутую в землю косу и попытался косить. Как ни старался он, но видит, что получается очень плохо, трава скашиваться упорно не хотела. Она послушно ложилась, а потом снова вставала, как ни в чём не бывало. Он не заметил, что за его стараниями внимательно следит откуда-то взявшийся бригадир. Он подошёл к нему и сказал:

- Давай попробуем вместе, - он взял Ленькины руки и косу в свои, и они начали вместе косить. Так прошли небольшой прокос, затем начали второй. Бригадир постепенно начал разжимать свои пальцы, а потом убрал и руки. Закурив сигаретку, сказал:

- Ну, теперь сам.

Лёнька начал косить, трава, хоть не сразу скошенная, начала падать к его ногам. Он закончил прокосево, бригадир поточил его косу и, уходя, сказал:

- Давай сшибай этот закоулок.

Косить оказалось довольно трудно. Вот уже и рубаха от пота прилипла к спине, но он продолжал косить. Вскоре раздался сигнал к обеду. Это звонила мама, ударяя металлическим прутом о подвешенный кусок рельса. Лёнька аккуратно воткнул косу в землю и пошёл к стану. Обедали они с мамой всегда после того как была накормлена вся бригада. Но сейчас бригадир взял тарелку, подошёл к маме:

- Ну-ка, Анна, налей.

Поставил полную тарелку на стол, взял ложку и, подавая её Лёньке, сказал:

- Первая тарелка сегодня работнику, который первый раз сам взял в руки косу. Ешь, ты это заслужил!

Лёнька от смущения покраснел, взял ложку, посмотрел на маму, на её почему-то ставшие влажными глаза и сел за стол. Аплодисментов, конечно, не было, но одобрительный гул бригады он слышал явно.

С этого момента он старался помогать вовсю. Косил, ворошил сено, грёб, поил лошадей. Одно было плохо: очень тяжело ходить босиком по скошенной траве. К вечеру исколотые подошвы уже ничего не чувствовали и начинали ныть, но всё это он мужественно терпел. Такова была сила слов похвалы, сказанных бригадиром при всех!

Первого августа он должен был, как им весной сказали, прийти в школу за учебниками на новый учебный год. Мама дала ему немного еды с собой и проводила до реки. Она не беспокоилась: хоть дорога и была длинной, но она была одна, без всяких развилок и приводила прямо на территорию колхоза. Лёнька бодро зашагал по дороге, вскоре он был в колхозе, а затем и у школы в посёлке. Школа была почему-то закрыта, на дверях висел замок. Немного подождав, Лёнька отправился обратно. Когда он подходил к колхозу, начался дождь. Лёнька зашёл в барак, в свою комнату, и стал пережидать его. Но дождь не перестал и ночью, и на другой день. Только на третий день к вечеру небо стало светлее, дождь пре-

кратился. В школу Лёнька решил больше не ходить и, несмотря на поздний вечер, пошёл к маме на покос.

Дорога была вся в воде и очень скользкая, на её преодоление ушло значительно больше времени, чем он шёл сюда. Но что это? Река разлилась широко и неслась бурным потоком: так напоили её за три дня дожди. Лёнька не знал, что делать. Идти назад уже темно и очень хочется есть, а мама, вот она, рядом, где-то в двухстах метрах. Лёнька решил перейти реку. Только вошёл в воду, как она его подхватила и понесла. Он успел ухватиться за ветки куста и вылез на берег. Трусом Лёнька не был никогда, но чувство досады и беспокойства его охватило. Он отжал одежду, оделся, отошёл от реки, сел на траву и стал думать: что делать? Стало совсем темно, его состояние было близко к отчаянию.

Вдруг сквозь гул потока воды он отчётливо услышал стук топора. Кто-то явно рубил лес. Лёнька быстро пошёл на звук и вскоре увидел мужчину, рубившего молодую сосну. Лёнька встал за дерево и стал наблюдать. Вскоре он увидел женщину, рубившую сучки на ранее сваленной сосне. Больше никого не было. Присутствие женщины успокоило его, и он решил выйти к ним. Они очень удивились его появлению в такое время и вдали от посёлка. Лёнька рассказал, что за рекой бригада косарей и его мама. Как бы ему туда перебраться? Немного подумав, они сказали, что вот ещё срубят несколько сосен, свяжут плот, поплывут к посёлку и попробуют его перебросить на тот берег. Он как мог помогал им, но когда они наконец связали плот, была уже середина ночи. Столкнув плот в реку, они поплыли. Мужчина, отталкиваясь о дно реки шестом, пытался справиться с потоком и пристать к другому берегу. Ему долго это не удавалось, и их относил всё дальше и дальше. Наконец, они приблизились. Лёнька, прокричав большое спасибо, выпрыгнул на берег. Плот тут же растаял в ночи. Мальчик пошёл против течения реки к тому месту, где раньше была переправа, и вскоре увидел сарай. В сарае все спали. Он тихонько подошёл к маме, которая, увидев его, очень удивилась:

- Как же тебе удалось перебраться через реку?

Лёнька, весь продрогший, залез к маме под одеяло, начал было ей рассказывать, но тут же от усталости и материнского тепла отключился. Когда он проснулся, в сарае уже никого не было. Выйдя на улицу, он удивился: почему же мама ничего не варит? Оказывается, у них два дня назад кончились все продукты, и единственной кормилицей всей бригады была корова. Все люди были на берегу у бывшей переправы, а на той стороне стояли подводы, мужики рубили лес и готовили плот. Когда плот был готов, на него погрузили продукты и столкнули в воду. На плоту стоял мужчина и держал в руке верёвку,

которую он немедленно бросил, когда потоком воды плот приблизило к другому берегу. Верёвку тут же поймали мужики из бригады и подтянули его к берегу. Быстро разгрузили плот, вновь загорелся костёр и мама стала готовить обед. Поев, люди повеселели и принялись за работу. Пересушив ранее скошенную траву и проверив, не промоchило ли дождём ранее смётанные стога, бригада вернулась домой, благо речка к тому времени стала такой же тихой и мелкой, как и была.

Лёнька с мамой снова вернулись к телятам. Каково же было Лёнькино удивление, когда телята, только услышав его голос, окружили его плотным кольцом, и каждый норовил ткнуться в него своей мордочкой. Стоя в этом кольце, он понял, что рад этой встрече и что телята ему отвечают тем же. Теперь, чтобы увести телят на пастбище, не надо было орать во весь голос какую-то песню, а достаточно с ними говорить. Телята слушались его, как никогда раньше. Он мог побежать - телята бежали вместе с ним, останавливался он - останавливались и они.

В один из августовских дней с утра было пасмурно и лил без перерыва дождь. Мама с Лёнькой вывели телят, их ещё держали на подножном корму. Он отвёл телят на одну из полян, а мама осталась в телятнике, сказав, что всё вычистит, приготовит телятам питьё и придёт его сменить. В дождливую погоду телята ели плохо, сбившись в кучки, просто стояли. Лёнька растолкав телят, залез в середину такой кучки и грелся о их горячие бока. Часа через три пришла мама и велела ему идти домой, там затопить печку и переодеться. Он отдал маме уже промокший плащ, а сам побежал домой. Там он переоделся и растопил печку. Вечером пришла мама, сняла мокрый плащ и подала Лёньке букетик состоящий из девяти ягод лесной земляники на своих стебельках.

- С днём рождения, дорогой!

Ему исполнилось девять лет. Где нашла мама в это время года землянику? Подарок был неожиданным и вдвойне приятным, потому что мама помнила о его дне рождения, думала о подарке, и он лишний раз убедился в том, что она его любит!

В конце августа Лёньку включили в бригаду, которая должна была гнать три десятка быков и старых коров в город Нижний Тагил на мясокомбинат. Путь предстоял длинный, более пятидесяти километров. Разношёрстное стадо никак не хотело идти, разбегалось, и стоило больших трудов направлять их в нужном направлении. С трудом прошли первые десять километров, миновав посёлок Уралец. В погоне за одним отбившимся быком Лёнька упал и сильно со смещением подвернул в кисти правую руку. Он машинально, бессознательно дёрнул за кисть, и она встала на место. Тут же прямо

на глазах рука опухла от кончиков пальцев до локтя, боль выдавила у него слёзы. Взрослые из бригады не знали, что с ним делать, понимая, что дальше он идти с ними не сможет. Стадо нельзя было останавливать, и они ушли дальше. Лёнька немного посидел, раздумывая, куда идти. Обратнo домой – далеко, ближе был Белогорский посёлок, в котором он родился, и там было много знакомых людей, на помощь которых он надеялся. Среди таких знакомых была и мама той девушки Тани, с которой брат где-то рубили лес. Тётя Люба, так звали Танину маму, увидев Лёнькину руку, запричитала:

- Ой, ой! Как же тебя угораздило? Очень больно?

- Больно.

Она быстро приготовила какую-то мазь, смазала руку и наложила тугую повязку. Лёнька всё сокрушался, пока она колдовала над его рукой:

- Как же я в школе буду писать, когда рука не держит ручку?

- До школы ещё несколько дней, и я надеюсь, что всё пройдёт.

Затем она накормила его, чем-то напоила и уложила спать. Несмотря на боль, вероятно, под действием выпитого отвара он быстро уснул. Проснулся, когда солнце было уже высоко, вышел во двор и увидел маленького мальчика, складывающего что-то из деревянных кубиков.

- Как тебя зовут? – спросил его.

- Владик.

- Это сын твоего брата и нашей Тани, а ты, стало быть, ему дядя, - пояснила подошедшая тётя Люба.

Так Лёнька познакомился со своим первым племянником. Они вместе ещё что-то построили из кубиков, пока тётя Люба не позвала их есть. Поев, он сказал, что ему нужно идти домой, а то мама его потеряет. Тётя Люба осмотрела руку, вновь перевязала и, убедившись, что он знает дорогу до Висима, отпустила его.

Через несколько дней начинался новый учебный год. В посёлке Висим было три школы. Одна - большая двухэтажная десятилетка, другая одноэтажная, в которой учился ранее Лёнька, - семилетка. В посёлке был большой детский дом, и там, в третьей школе, учились одни детдомовцы. Накануне, перед первым сентября, мама сказала Лёньке, что первые две школы переполнены, и его отправили учиться в третью школу, к детдомовцам. Первого сентября все детдомовцы были одеты в серые новые костюмчики, белые рубашки, новые блестящие ботиночки, и в руках у каждого был портфель. Перед этим празднично одетым классом и появился Лёнька в рубаше, штанишках, перешитых из старой маминой юбки, с тряпичной сумкой через плечо. Он внимательно всмотрелся во весь класс, надеясь най-

ти хоть одного поселковского ученика, но тщетно – он был в классе среди детдомовцев один.

Знакомство для него было малоприятным. На перемене его прижали в угол и с пристрастием допрашивали, кто его родители, где они, где работают, где он живёт и что он может вкусного принести в школу? Он всё им рассказал, а из вкусного он может принести разве только жмых, который грызли колхозные ребята для того, чтобы сбить чувство голода. Детдомовцы не знали, что это такое, и велели завтра же принести в школу жмых. И вот кусочек этого твёрдого, как камень, отжима подсолнечных семечек при производстве растительного масла, которым подкармливают коров, он принёс в школу. Они попробовали, но хватило не всем, и Лёнька таскал этот жмых несколько дней, пока не попробовал весь детдом. Он вскоре понял, что это им не понравилось, так как требования прекратились.

Вскоре из разговора с детдомовцами он узнал, что родители у них погибли или пропали без вести во время войны. Значительная часть этих ребят была из районов боевых действий. То ли из-за того, что они хотели как-то утвердиться и отвоевать своё пространство, то ли из-за неприязни к тем, у кого есть мамы и папы, детдомовцы часто дрались с поселковскими ребятами. Лёньку они не трогали: или потому, что отец у него тоже не вернулся с фронта, или всё-таки они считали его своим одноклассником. Учились детдомовцы неважно, и на их фоне он сразу стал одним из сильных учеников. Очень часто учительница ставила его в пример и показывала всем тетрадь по чистописанию. Был тогда такой предмет, развивающий красоту и чистоту письма. В конце учебной четверти, как всегда, проводились контрольные работы. По русскому языку проводился республиканский контрольный диктант. Это когда все третьеклассники Российской Федерации писали один и тот же диктант. За этот диктант Лёнька получил “пять”. Как потом выяснилось, это была единственная пятёрка всех третьеклассников посёлка, а их было целых три класса! Перед каникулами классная руководительница сказала ему, что после каникул он должен идти учиться в старую школу, в свой родной класс. Оказывается, его не аттестовали по трём предметам обязательной программы для третьеклассников. Их детдомовцы проходили после обеда у себя, вне школы. Это были физкультура, рисование и пение, а он об этом даже и не подозревал.

И вот он снова в своём родном классе. Нина Петровна несколько удивлённо посмотрела на него, переспросила, верно ли, что он получил “пять” за диктант, и посадила на вторую парту с какой-то девочкой. Эту девочку он раньше не видел, значит, она в классе была тоже новичком. Была она тихая, скромная и с такой очаровательной

улыбкой, что Лёнька готов был сделать для неё всё, чтобы она чаще улыбалась. Так как она училась неважно, сделать он мог только одно. Самому каждый день выполнять домашние задания и давать ей списывать перед уроками. Это не могло не сказаться и на его учёбе. Вскоре он уже был в числе успешных учеников класса. Сильно же досаждала ему другая девочка. Звали её Любкой, и была она сандружинницей класса. Придёт раньше всех в школу, наденет на руку повязку с красным крестом - и давай проверять у всех ребят, входящих в класс, руки. Когда дело доходило до Лёньки, она, посмотрев на его руки, глубоко вздохнув и широко открыв свой и так большой рот, как сирена выла на всю школу:

- Нина Петровна, Шашмулин опять в школу пришёл с грязными руками.

Откуда ей было знать, что в маленькой комнате барака не было мыла. Умывались, поливая над ведром друг другу на руки из кружки. Когда Лёнька уходил в школу, мама была уже давно на работе, и полить ему на руки было некому. Чтобы эта сирена не включалась, он перед входом в школу сильно натирал руки снегом. Они были красными и становились сравнительно чистыми.

Ещё в первый день занятий после четвёртого урока Лёнька стал складывать в свою тряпичную сумку тетрадки и книжки, собираясь домой, но его соседка сказала, что будет ещё один урок. Действительно, после звонка в класс вошёл мужчина среднего роста, в отглаженном чёрном костюме, белой рубашке с галстуком, начищенных туфлях, причёской полубокс и гладко зачёсанными назад чёрными волосами. Весь его вид говорил о том, что он не поселковский житель, а гость как минимум из Свердловска, а может, даже из Москвы. Он что-то сказал ребятам, они тут же ему хором ответили. Лёнька не понял ничего. Он широко открытыми глазами посмотрел на класс, в том числе и на соседку. Она ему сказала:

- Это мы учимся говорить по-английски.

Вот оно в чём дело, они уже целую четверть изучают английский язык. Учитель доставал картинку, и ребята хором отвечали, что на ней изображено. Иногда он подходил к ученику, и он один должен был отвечать. Учитель часто поправлял ребят, добиваясь чистоты произношения. Лёньку он обходил и как будто не замечал. Только на исходе третьей недели подошёл к нему с знакомой картинкой, и Лёнька от волнения неверно произнёс слово. Учитель поправил его и попросил повторить ещё раз. Он ещё несколько раз поправлял его, пока не добился правильности произношения. К концу третьей четверти Лёнька так же уверенно лопотал, как и его одноклассники.

Был у них ещё один новый предмет – музыка. В класс вошёл довольно крупный мужчина с аккордеоном. Он начертил на доске мелом несколько ровных линий, нарисовал на них какие-то крючки. Соседка сказала, что это ноты. Затем он нажимал по очереди клавиши аккордеона - и класс дружно тянул: до, ре, ми, фа, соль, ля, си. Когда тянули всем классом, получалось ладно и стройно, учитель был доволен. Но как только он попросит одного ученика назвать ноту, которую пропел его аккордеон, то почти весь класс ошибался. Не ошибался только Лёнька, и не потому что у него был музыкальный слух, это ещё не факт, а будучи наблюдательным мальчиком, он запомнил, какая клавиша соответствует какой ноте, пока они эти ноты учили. Тем более что это было несложно. Хоть аккордеон был и большой, но они располагались все рядом и вокруг трёх чёрных клавиш. Затем они разучивали песню и дружно классом пели.

Одно отличало Лёньку от всего класса: все ходили в красных галстуках, а он нет. Соседка рассказала, что их в начале сентября перед общей линейкой школы приняли в пионеры и повязали галстуки. Он ждал, что ему тоже торжественно повяжут галстук и примут в пионеры. Но время шло, а это событие не наступало. Однажды на перемене старшая пионервожатая школы остановила его и спросила:

- Ты почему без галстука? Надо галстук носить!

Он ничего не успел ей ответить, как она повернулась и ушла. Дома он сказал маме, что ему нужен галстук и что его будут принимать в пионеры. Через несколько дней мама где-то достала галстук, и Лёнька, повязав его, пошёл в школу. В школе никто изменения в его одежде не заметил. Так он сам себя принял в пионеры.

Так прошли вторая и третья четверти. Перед самыми весенними каникулами маме в колхозе дали жильё. Это был маленький дом, но не в посёлке Висим, а в отделении колхоза, расположенном в пяти километрах от него. Там было около двух десятков домов и называлось это поселение Горняк. В каникулы они переехали в этот дом, перевели и корову, поставили её в маленький хлев, стоящий недалеко от дома. В этом отделении была школа, стоящая рядом с Лёнькиным домом. Это был такой же маленький домик, в котором была небольшая прихожая, где ребята раздевались, большая печь и один класс. В классе было восемь парт, составленных в два ряда, маленький учительский стол и на стене доска. Учились в этой школе ребята с первого по четвёртый класс. Занятия проводились в две смены. В первую смену учились третий и четвёртый класс, во вторую – первый и второй. В третьем и четвёртом классах было всего семь учеников, в том числе в третьем три. Сидели классы по разным рядам. Учительница давала вначале задание одному классу и работа-

ла с другим, затем наоборот. Звонков в школе не было. Учительница сама отпускала ребят отдохнуть, когда считала нужным. Ни о каком английском, музыке не было и речи, учили только основные предметы: арифметику, русский язык и родную речь.

Лёньку все ученики, в том числе и учительница, приняли как столичного гостя. Она долго и с пристрастием расспрашивала его по всем предметам, явно сравнивая его знания и знания своих учеников. Судя по её виду, он понял, что знаниями своих учеников она довольна. Вскоре он понял - почему, скорее, почувствовал на себе. В течение урока она у каждого, в связи с малым количеством учеников, проверяла выполнение домашнего задания, пристрастно выясняла, как усвоился новый материал. Такая учёба практически превращалась в индивидуальное обучение. В старой школе, где в классе было почти тридцать ребят, можно было иногда дать себе слабину, здесь это не получится. Тем более, что учительница была довольно требовательна.

Наступила весна. В конце апреля мама заболела, и её положили в больницу в посёлке Уралец. Корову доила соседка, и она же должна была давать молока Лёньке. Но так как у этой соседки было семь детей, как говорили раньше, мал мала меньше, то молока ему доставалось немного. Он похудел. И когда он пришёл 1 Мая к маме в больницу, она ужаснулась. Немного с ним поговорив, она предложила:

- Пойди к дяде Ване, поздравь их с праздником. Знаешь где они живут?

Лёнька ответил утвердительно и, попрощавшись с мамой, ушёл. Она, конечно, надеялась, что его там накормят. На улице стояло необычное для Урала в это время тепло. Подойдя к дому, он увидел через открытые окна празднично накрытый стол. Они явно ждали гостей, и на столе только от одних пирогов было мало места. От всего этого обилия у Лёньки засосало в пустом желудке. Он поздоровался с дядей Ваней, тётей Глашей, так звали жену дяди Вани, сказал, что мама уже давно лежит у них в посёлке в больнице. Уходить он не собирался, долго крутился, ожидая, что его хоть чем-то угостят. Наконец, дядя Ваня взял маленькое блюдце, налил в него немного мёда и дал небольшой кусочек чёрного хлеба. Лёнька сел на кухне, обмакнул хлеб в мёд, откусил. Тут же вошла тётя Глаша и со словами: "Нечего голытьбу привечать!" - отобрала блюдце и хлеб.

Как в тумане Лёнька вышел из дома, прошёл мимо больницы и, не зайдя к маме, пошёл к своему посёлку, домой. Голод, обида и непонятность ситуации - всё смешалось в нём. Он прекрасно помнил, хоть ему и было в то время пять лет, как мама помогала этим людям строить дом. Они с дядей Ваней пилили вдоль толстое бревно для

потолочной матки; помнит как она подбивала в пазы мох. В новое хозяйство брата она отдала тогда недавно родившуюся тёлку. И во дворе дяди, по сути, сейчас стояла их корова. От всего только что пережитого Лёньке стало нестерпимо обидно - и слёзы сами выкатились из глаз. Дома соседка дала ему несколько картошин, сваренных в мундире, и молока.

Через несколько дней пришла мама, появилась на столе еда, Лёнька поправился, и в его глазах снова засверкали искры беззаботного детства.

В середине мая всем колхозникам выделили на вспаханном поле по большой гряде, для посадки своей картошки. Мама где-то достала два мешка картошки, рассыпала их на полу, долго и тщательно резала её на семена. Та часть картошки, где были глазки, она отрезала на семена, а без глазков отрезанная часть шла в еду. Цель этой резки – набрать семена и как можно больше оставить на пропитание, с которым по-прежнему было плохо. В конце мая они с мамой картошку посадили.

Закончился учебный год, Лёнька перешёл в четвёртый класс.

Маму в этом отделении колхоза направили работать в свиарник. В начале июня свиней выгнали на выпас на опушку леса недалеко от посёлка. Пасли их мама с Лёнькой. Утром выгоняли их, а затем, как и было с телятами, мама уходила в свиарник убираться, затем приходила, и они вместе загоняли вечером свиней. Однажды, когда они погнали свиней домой, мама вдруг обнаружила, что самой крупной свиноматки в стаде нет. Она на днях должна была опороситься, и вот её нет. Они побегали вокруг, но её не нашли. Боясь, что стадо разбредётся, они погнали его в свиарник. Затем все работники свинофермы пошли на поиски свиноматки. Ходили до темноты в близлежащем лесу, но её не нашли. Мама очень переживала. Лёнька слышал разговор её с другими работницами, что за утерю колхозной собственности могут отправить в лагеря. Время было тогда такое. Всю ночь они с мамой не спали и с рассветом снова пошли на поиски. К ним присоединилась почти половина работников отделения. Как только вошли в лес они увидели свиноматку, которая шла им навстречу. Увидев людей, остановилась и не спеша пошла обратно в лес. Все - за ней. Метров через двести она остановилась. Люди стали внимательно осматриваться вокруг, потому что по её бокам поняли: она опоросилась, и где-то здесь поросята. Но ничего не видели. Только после того, как она хрюкнула, зашевелился мох невдалеке под корягой. Все увидели поросят, их было восемнадцать. Мама всё говорила, что она вчера была здесь и чуть не наступила на них, но всё было тихо. Поросят погрузили на телегу, повезли в посёлок, сви-

номатка послушно шла за телегой и лёгким похрюкиванием успокаивала их.

После этого случая Лёнька свиней больше не пас. Для него наступила пора полной свободы и беззаботности, как и для большинства его сверстников в посёлке. Проснувшись утром, они бежали на конный двор. Там было два десятка лошадей, на которых пахали, сеяли, косили и перевозили все грузы. Помогали ребята запрягать лошадей и отправлять на работу. Затем они бежали на речку, пересыпанную то там, то тут дражными отходами, купались. Здесь Лёнька впервые научился держаться на воде, сам, к великой его радости. Ближе к обеду он, часто вместе с ребятами, бежали к нему домой, заходили в сенки, где рядами стояли на полках глиняные полуторалитровые крынки. В них была простокваша, а сверху на три-четыре пальца сметана. Всё это смешивалось и выпивалось, причём каждый должен был выпить целую крынку. Затем была снова речка или игры.

Играли они в русскую лапту или в «чижика». Вечером мама доила корову, которая давала после обильного дневного нагула по два полных подойника молока. Увидев выходящую от коровы маму, Лёнька бежал к ней, она ставила подойники на землю, и он тут же припадал к одному из них. Затем ребята снова собирались на конном дворе, помогали распрягать и поить лошадей. Часто с кем-то из старших ребят они сами, сидя без седла на лошадях, гнали их на ночь в пастбище. Недалеко от посёлка на поляне останавливали табун, наиболее резвым лошадям путали передние ноги. Сами разжигали небольшой костёр и, присматривая за пасущимися лошадьми, рассказывали друг другу разные истории. Вокруг посёлка работало несколько артелей, которые добывали золото, поэтому рассказываемые истории были, в основном, об их удаче или неудаче.

Часто в артелях случались убийства. О двух таких случаях Лёнька знал не понаслышке. На краю поляны, где он пас свиней, работала артель, которая с помощью гидромонитора размывала берег, направляя всю плывущую массу в наклонный жёлоб. На дне этого деревянного жёлоба укладывался мох, а сверху металлическая решётка. На дно жёлоба в мох выпадали наиболее тяжёлые частицы из глины, в том числе и крупинки золота. После нескольких часов работы гидромонитора мох снимали, высушивали и вытряхивали. Получалась небольшая кучка тяжёлых фракций из пород и минералов, старатели это называли песком. Затем кто-то из очень опытных старателей вручную, с помощью специального ковша, похожего на большую сковородку, долго и тщательно мыл этот песок, постепенно сбрасывая с водой более лёгкие минералы, чем

золото. Наконец, из всего этого объёма песка оставалась примерно пригоршня, называлась она шлих. Этот шлих рассыпался тонким слоем, разбивались два градусника, и ртуть руками втиралась в шлих. Крупинки золота прилипали к ртути, шарики которой потом отдельно ссыпались. Ртуть поджигалась, а горит она как порох - на столе оставались чистые крупинки золота. Предварительный вес его старатели измеряли спичками. Например, за вес намытого золота равного трём спичкам, в специальном магазине посёлка Уралец давали три килограмма муки и один килограмм сахара или конфет. Так вот этот мох из жёлоба у артели ночью кто-то пытался собрать. Артельщики случайно увидели и в порыве гнева убили его. Всю артель арестовали. Второй случай произошёл с Лёнькиным соседом, в доме, где было семеро детей. Их отец, вернувшись с фронта, стал ходить куда-то далеко в тайгу и в одиночку мыть золото. Видно, знал более богатое место, и дела у него шли неплохо. Он на месяц уходил из дома, затем возвращался, сдавал намытое золото, покупал продукты для семьи и снова уходил примерно на месяц. Но однажды он не вернулся, наткнулись на него грибники, он был убит недалеко от посёлка. Кто-то выследил, убил и забрал золотишко. Преступление раскрыли быстро. Это были два брата, только что вернувшиеся из тюрьмы и жившие в этом же посёлке. Вот так солдат, прошедший всю войну, в мирное время погиб.

С рассветом ребята собирали табун и рысью гнали сытых и отдохнувших лошадей по посёлку к конному двору.

Начался покос. Колхозных ребят разделили по бригадам, которые в разных местах заготавливали сено. Лёнька попал в бригаду, которая работала недалеко от посёлка. Поэтому на ночь они, уставшие, приходили домой, а с рассветом снова уходили на покос. Основной работой для него было возить на лошади копны с помощью волокуш, которые изготавливались из двух молодых срубленных берёз. Сидя на лошади, нужно аккуратно везти волокушу с дальних полей и опушек леса к месту, где метался большой стог. Стояла жара, пот лил ручьём, но досаждал больше всего овод, особенно, большие мухи, так называемые слепни. Иногда их было так много, что всех их, облепивших лошадь, сбить с помощью длинной берёзовой ветки не всегда удавалось. Бывало, что лошадь, уставшая от укусов овода, неслась в ближайший кустарник, чтобы сбить этих кровососов и немного почесать больно искусанные бока. Тут нужно было немедля кубарем лететь с лошади на землю, иначе кусты могли нанести серьёзные раны тому, кто сидит на ней. За целый день от сидения на лошади без седла на копчике образовывались кровавые коросты, и порой кровь выступала через штанишки. Жа-

ловаться было некому, все взрослые заняты неистойвой работой, выхватывая каждый погожий час для заготовки сена. Наконец, к середине августа покос закончился, и на каждой большой поляне величаво стоял большой стог сена.

Однажды вечером мама сказала:

- С днём рождения, сынок! - И подала небольшой кулёчек. Лёнька его развернул, там было четыре шоколадных конфетки. Они тут же их с мамой скушали с молоком и лепёшками, устроив себе праздник. Лёньке исполнилось десять лет.

Вскоре начался новый учебный год. Непросто было после такой свободы и беззаботного лета втянуться в учёбу. Но процесс втягивания был не очень долгим, так как у тебя по-прежнему каждый день проверяли выполнение домашнего задания и каждый день спрашивали по всем предметам. В четвёртом классе появились новые предметы. В одном из них он мало что понимал. Это была История СССР. Но отвечать нужно было каждый день. Поэтому Лёнька просто учил наизусть, как стихотворение, весь заданный параграф, благо отдохнувшая за лето голова быстро всё принимала. Неизвестно, выучил ли бы он весь учебник наизусть к концу учебного года, но к ним неожиданно приехал брат. Они о чём-то долго с мамой говорили, даже спорили. Но вскоре сообщили Лёньке, что переезжают жить в город, где сейчас жили брат, его жена Таня и Владик, с которым Лёнька уже был знаком. Как потом стало известно, мама вначале не соглашалась, она помнила, что они уже один раз переехали и их брат оставил. Но через год Лёньке за шесть километров ходить в школу; многие из ребят не выдерживали этой ежедневной муки – бросали школу. И мама согласилась.

Они выкопали посаженную весной картошку, сдали её в детский дом, туда же сдали корову, мама сильно плакала, прощаясь с ней. На вырученные деньги купили Лёньке костюмчик, пальто, ботиночки, портфель. Связали в один небольшой узел остальные вещи, взяли с собой швейную машину и отправились на станцию. По узкоколейке подошёл маленький паровозик с такими же маленькими пятью вагончиками, и они поехали в город Нижний Тагил. Приехав в город, пешком пошли к трамвайному кольцу. Сели в трамвай, приехали на вокзал. Там, пыхтя, ходили паровозы, гремели сцепки вагонов. Лёнька смотрел широко открытыми глазами, ведь все это он видел впервые. Переночевав в зале ожидания, они утром поехали в город Свердловск. Ехали в настоящем большом поезде, большом вагоне и значительно быстрее, чем по узкоколейке.

Свердловск Лёньку просто оглушил. На вокзальной площади всё гремело, сигналило, бегали трамваи, десятки автомашин, огромные

толпы народа куда-то спешили. Непросто было сразу привыкнуть к этой суете и шуму. Ближе к вечеру они сели на другой поезд и поехали в город Полевской, который был недалеко от города Свердловска, всего в 50 километрах. Там их ждали тётя Таня и Владик.

Далее у Лёньки началась городская жизнь.

От автора.

Рассказ автобиографичен. В нём нет ни одного слова вымысла, сохранены все подлинные имена и фамилии, а также названия всех посёлков.

Внимательный читатель, прочитав рассказ, конечно, поймёт, что главный герой в нём совсем не Лёнька, а его мама и в её лице все мамы – вдовы военных лет. Вот кому досталось! Для них война не закончилась в 1945 году, они ещё много лет тянули детей, жили трудно и нисколько не легче, чем во время войны, а порой и хуже. У мамы Лёнька был один, а в большинстве вдовьих семей ребят было значительно больше. Их мамы, конечно, видели, что в детдомах (а их в округе было два) все дети обуты, одеты и накормлены. Но ни у одной никогда в голове не возникало мысли сдать туда хоть кого-то из своих ребят. На предложение соседей, родни и даже представителей власти отдать хоть одного ребёнка в детский дом – остальным будет полегче, получали упорный ответ:

- Не-ет! Как можно при живой-то матери да в детдом! Не-ет! Мы как-нибудь, но вместе!

Пережив ещё раз эту часть своего детства, невольно хочется сказать:

Поклон всем Матерям России,
На фронте потерявшим мужей,
Из лихолетья в одиночку
Поднявшим так нужных Родине детей!
Война настигла их внезапно,
Как дробь в летящих белых журавлей.
Но с раной-похоронкой на руках они не пали вниз,
А с криком-стоном тянули к небу всех своих детей!
Им было тяжело и больно, из ран сочилась кровь,
Но всех смертей была сильнее – их материнская любовь!

Много поставлено памятников, посвящённых Отечественной войне, но в каждом русском селении должен стоять памятник вдовам военных лет. Это будет справедливо!

А что Лёнька? Да, был в его жизни период непростого, босоногого и полуголодного детства. Но рядом всегда была Мама с её теплотой и кружкой парного молока!

Галина КРАСНОПЕВЦЕВА,
член Союза журналистов России,
почетный гражданин Качканара

АЛЁШКИНО ДЕТСТВО, или о хате, которая с краю

Есть в европейской России чудесный уголок, где встречаются три области: Брянская, Калужская и Орловская. Там брянские и калужские леса вплотную подступают к орловской лесостепи, по которой течет веселая речка. И стоит там деревенька Низина, а в пяти километрах Льгов, излюбленное место Ивана Тургенева – писателя и охотника. Стоят деревеньки давно; во всяком случае, барщину помнят. Да и как не помнить, если четыре части, на которые поделили Низину, с давних барских времен называют по фамилиям хозяев-помещиков. Например, хата, о которой пойдет речь, находилась в «будаевщине». Давно уж нет помещика Будаева, а жители в этой части деревни даже в советские времена говорили: «Мы – будаевские».

В Низине 150 дворов. Все хаты деревянные, все крыты соломой. А на возвышении, в окружении лип – барский особняк, тоже деревянный, но на высоком фундаменте и очень большой. А рядом, в обрамлении плакучих ив – несколько прудов каскадами. После революции в особняке открылась школа-семилетка, и в этом новом предназначении дом верно служил деревенским детям вплоть до 1938 года. В 1939-м построили настоящую школу, тоже деревянную, но светлую и просторную. Радовалась детвора. Радовался и Лешка Башкиров.

Хата, в которой жил Леша, стояла на краю деревни. В остальном же была она похожа на другие хаты: не ведала богатства, не видала электричества. Леша был старшим из трех сыновей Башкировых. В новую школу он пошел в третий класс. Любознательный и любопытный, мальчишка успешно постигал все науки, хотя круглым отличником не был.

Весной 1941 года Леша закончил четвертый класс и за хорошую учебу был вместе с Колей Мартыновым награжден путевкой в пионерский лагерь. И вот в июне посадили мальчишек на телегу, и колхозник дед Никанор повез их в поселок Лесной, что в десяти километрах от Низины. Всю дорогу дед балагурил, размышлял о жизни.

– Вы, ребята, счастливые! У нас в детстве такого не было. А сейчас все – для вас. Счастливые вы!..

Под дедовы восклицания да под скрип колес Алеше вспомнились слова, которые они с ребятами не раз торжественно повторяли: «Спасибо великому Сталину за наше счастливое детство!»

И вот мальчишки в пионерском лагере – словно в другом мире. Они увидели электрический свет, который давала динамо-машина поселку и лесопильному заводу. Кормили три раза в день – и как кормили! Лешка впервые в жизни ел манную кашу, пил настоящий чай, да еще и с сахаром. А спали – ну прямо как барчуки! Не то, что дома, – на полу да на соломе... Радио, горн, барабан, пионерская линейка, веселый гармонист дядя Сережа Костромичев, интересные занятия, экскурсии, а в свободное время – с удочкой на речку! Просто сказка! Прав дед Никанор, подумал Алешка. И напрасно взрослые иной раз скептически ухмылялись, когда дети хором благодарили товарища Сталина. Алеша был счастлив!.. Ах, если бы не этот день, о котором много лет спустя он напишет:

Днем с восторгом мы в воде плескались –
Над рекой звенели голоса,
Молодо и дружно отзывались
Эхом нам окрестные леса.
В час, когда вечернею звездой
Небосвод неярко заблестал,
Будто растревоженный бедою,
Соловей неистово свистал.
А наутро как бы виновато,
Без мурашек всяких по спине,
Словно удивленный, наш вожатый
Известил негромко о войне.

Было утро 22 июня. Пионервожатая Тамара Попова на линейке успокаивала ребят. Не надо падать духом, надо помогать фронту хорошим поведением и отличной учебой. Красная Армия сильна, и фашистов она победит... Паники в лагере не было – лишь какая-то тревожная суета. Гармонист дядя Сережа сразу же, на второй день войны, ушел на фронт. А на третий день в лагерь стали приезжать родители. Приехал и папа Иван Степанович Башкиров – и Алеша с Колей вернулись домой. Счастливое пионерское лето оказалось укороченным, урезанным. Война урезала детство целого поколения.

Военные раскаты слышались все ближе и ближе. Колхозный скот, чтобы он не достался врагу, угнали дальше, в Козельск Калужской области. И продолжали работать. А дел на земле всегда много. Июль, август. В сентябре дети пошли в школу. Алеша Башкиров – в пятый класс. Учились и следили за событиями на

фронте. Радио в Низине не было, сообщения поступали в сельсовет по телефону. И в школе на большой карте с грустью и тревогой отмечали, как отступает наша армия, сдавая врагу город за городом, село за селом. Вот уж и Брянск под немцем, а это всего в 80 километрах. И канонада все громче, и зарево все ярче... В конце сентября по лесной дороге пошли отступающие. Вот один отряд. Идут организованно, отдыхают на привале тоже организованно. В добротной одежде, словно и в бою не бывали. Что это за люди? И почему они идут на восток, почему отступают? Может, у отряда особое задание? Этого ребята не могли знать. Но малышня просила у солдат патроны, а подростки – гранату. Зачем? Да рыбу глушить...

– Нет, ребятки, вы пока малы, а нам еще с врагом биться.

Но некоторым все же удавалось выменять боеприпасы на табак или хлеб.

Потом стали появляться другие отступающие, группами по два-три человека. Сразу понятно: из ада! Изможденные, усталые, в прокопченных шинелях, без оружия. В деревне старались их обогреть и накормить, предлагали отдохнуть. От предлагаемой одежды солдаты отказывались: держали военную форму. И, немного передохнув, отправлялись по большаку в сторону Калуги.

Вдруг мертвая тишина: ни канонады, ни зловещего зарева. В Низине насторожились, ожидая после затишья бури, и все посматривали на запад, на дорогу, по которой провожали на войну земляков. До железнодорожной станции – 25 километров. В той стороне еще недавно громыхало. Должно быть, оттуда и появятся немцы. А они пришли с восточной стороны – и хата Башкировых, стоящая с краю, оказалась на передовой. И хата, и колодец, что в полусотне метров от жилья, и березки, посаженные отцом, первыми в Низине увидели немцев. И Алешка.

Вышел он из дома – и видит: у колодца лошади и немцы, девять человек (это была вражеская конная разведка). Что-то лопочут, смеются. Мальчик не испугался. Но то, что случилось через несколько минут, повергло его в полное смятение. Идет наш солдат, за ним еще двое. А навстречу немцы с автоматами. И наш солдат, в пилотке, в шинели без ремня, поднимает руки – сдается в плен. Как же так? При виде отступающих Алешка с горечью думал: «Почему? Ведь Красная Армия всех сильнее!» «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим»... Многое подростку непонятно. И сейчас ему страшно за солдата и жалко его. И в то же время очень обидно: ведь наши не должны сдаваться в плен!..

Но вскоре плененной оказалась вся Низина. С того же восточного края, где стояла Алешкина хата, пошли фашистские машины,

загрохотали танки. Завоеватели собрали народ, объявили, что власть переменялась.

– Теперь вы будете жить в свободном мире, мы избавим вас от коммунистов. Отныне вы подчиняетесь военной комендатуре. Не оказывать сопротивления. У кого есть оружие – сдать. За неподчинение – расстрел.

И барский дом опять поменял свое предназначение: в нем расположилась комендатура. Выбрали старосту. И началась «свободная жизнь». Такая, что свободно нельзя было и шагу ступить. Да, видно, и новые хозяева на чужой земле чувствовали себя непрочно, неустойчиво. Иначе зачем же рыть окопы, возводить какие-то оборонительные сооружения? Но помогать им в этом больших охотников не находилось: почти все мужчины ушли в партизаны. Вот и злобствовали оккупанты.

Закончилась осень, наступила зима. Пришел новый, 1942 год. В феврале завьюжило. Закружились, заметались и немцы. Видать, февральские ветры донесли до них отзвуки ближнего боя. А вскоре бой пришел в Низину – и крайняя Алешкина хата оказалась на огневом рубеже.

– Пришли наши, – вспоминает Алексей Иванович. – Поставили миномет. Под окошком – гора ящиков с минами. А на соседском погребке, на меже с нашим огородом, установили пулемет «максим». Мама стала хлопотать, чтобы покормить бойцов хотя бы картошкой. Один молоденький солдат разулся, стал сушить портянки у печки, да и задремал. А потом так крепко уснул, что не слышал, как в хату забежал часовой и доложил о наступлении немцев. «Все – в ружье!» – крикнул командир в полушубке. И началось!.. Я разбудил спящего солдатика. Он вскочил, быстро обулся, достал из кармана ножичек в кошелечке, подарил его мне и со словами «Спасибо тебе!» бросился догонять своих.... Отбили первую атаку. И снова бой.... А мы сидим за печкой. Мама с маленькими: Мишке пять лет, Ваньке полтора года. Жутко!.. Пулеметы строчат, окошки дребезжат. Вдруг ударило, как во время грозы. С потолка сыпалось. В углу, где стояли мешки с зерном, вспыхнуло пламя... Повалил дым, задыхаемся. Я бросился тушить, стал сбивать пламя одеждой. Тут прилетела немецкая мина. Ударилась в стену, потом рикошетом – в потолочную матицу. И это нас спасло, от разрыва мины мы не пострадали. Это было счастье.

Наступило временное затишье. Открывается дверь.

– Ну как вы тут? – вбежал уже знакомый солдат. – Собирайтесь скорей, пока тихо! – он помог им собрать кое-какие вещи. – Пошли! Надо вас спрятать.

А куда спрячешься? И спустили их в погреб, на котором стоял пулемет. А там глина, сыро. Не успели прислушаться к тишине – снова начался бой. Заговорил пулемет – и посыпалась на головы земля. Снаряды визжат, как кошки – недолет, перелет.

– А в нас фашист не попал: видно, хранил нас господь, – рассказывает Алексей Иванович. – К вечеру чувствуем: покатали пулемет с погреба. Отступают наши. Прижались мы к самой стенке. Немец открыл погреб, заглянул – не заметил... Немцы направились дальше, в деревню. Мы выбрались из погреба. Соседская хата уже догорает. Горит и наша новенькая школа. Горят другие дома, вспыхнули их соломенные крыши, и начали оголяться печные трубы... В воздухе пахнет гарью. Стоит лошадь без седла, ранена в шею, кровь капает. В канаве убитые солдаты, уже припорошенные снегом. Вот и командир с пробитым животом. Наша корова бродит по снегу. Двери в хате открыты... Что делать? Мама в слезах...

А что делать, если «бои местного значения» не принесли облегчения? Надо жить дальше при новых хозяевах, которые принесли в Низину «свободу».

И вот «свободный человек» Лешка Башкиров каждое утро, в любую погоду несет бутылку молока в комендатуру: по литру от каждой коровы – таков был ежедневный «оброк» для его земляков. В один из морозных дней знакомой дорогой пришел парнишка в барский дом. Поставил на стол бутылку и стал открывать. А пробка тряпичная примерзла к горлышку, а в руках от мороза тысячи иголок, а пальцы не слушаются – и с трудом откупоренная бутылка выскользнула, словно шука, и прямо в кадушку с помоями, которая стояла под столом. Выловил ее растерявшийся парнишка и снова поставил на стол.

– Не огорчайся, – успокаивает его приемщица, добрая русская женщина. – Молоко твое уже испорчено. Возвращайся и неси другое.

А где взять другое, если голодная корова дает меньше козы? Если даже маленький Ванюшка не видит молока. И как сказать маме?.. С горькими мыслями летел он домой, не чувствуя ни мороза, ни ног своих. Дома подождал, пока молоко отстоится, и понес обратно: ведь там ждут! Добрая женщина молча приняла, унесла бутылку куда-то и пустую вернула Алешке... Весь день мальчишка страдал. Его бросало в жар, его мучила совесть. Ночью он не мог спать. Но маме не признался, чтобы не огорчать, не видеть ее слез.

На другое утро милая приемщица не улыбалась:

– Ну что, паренек? А вчера ведь ты сфальшивил! Хорошо, что шефа не было. – Лешка догадывался, что шеф – это какой-то гроз-

ный начальник. – Пожалела я вас с мамой. А то знаешь, как бы тебя наказали? – И прочитала нотацию:

Ты мал еще, не понимаешь,
В каком огне твоя страна,
И с кем ты в шуточки играешь,
И как безжалостна война...

Так снова судьба в образе русской женщины отвела Алешу и его семью от наказания, быть может, очень страшного.

– Приписали бы тебе диверсию, – объяснял позднее один майор.
– Расстреляли бы или повесили в назидание другим.

Сомневаться не приходилось. Подобное не раз видели в Низине за время «свободной жизни», которая продолжалась с ноября 1941-го по июль 1943 года.

Однажды Алеша с дедушкой отправились в лес, поискать сухостоя на дрова. Был декабрь 1941 года. Зашли они на мост. Посмотрел Лешка вниз – а подо льдом алые лужи, зеленеющие брызги крови. Дед сказал, что здесь немцы расстреливали наших и с моста бросали в воду. А ведь еще совсем недавно, мирным летом, Лешка с друзьями весело плескались в этой ласковой речке. Мальчишке стало жутко... За мостом Калужский тракт. Прошли немного – и вдалеке, на опушке леса, увидели четверых повешенных на деревьях земляков. Их окоченевшие тела устрашающе раскачивал декабрьский ветер.

– Ну что, идем дальше? – спросил дед.

– Нет, я не пойду! – негромко ответил почти остолбеневший подросток.

Не раз сжималось от ужаса юное сердце.

В один из дней на мельнице в Низине молот зерно зять Беляева, старосты из соседней деревни Мымрино. Брата этого Беляева в гражданскую войну расстреляли красные. И теперь новоиспеченный староста преданно служил немцам. Много муки намолот беляевский зять, больше десяти мешков. Но всю муку забрали нагрянувшие партизаны. А зятя отпустили. И тот, конечно, рассказал обо всем дома. Расправа была жестокой. Две партизанские семьи из Мымрино, от стариков до младенцев, расстреляли на глазах односельчан прямо посреди деревни и зарыли в яме, которую перед казнью сами жертвы и выкопали.

– А их имущество отправили к нам в Низину, – рассказывает Алексей Иванович. – Берите, мол, кто желает: тут и детского много. И стали раскладывать. «Бабы, да это же наших, расстрелянных! Как носить-то будем?» – закричала женщина в слезах. И никто этой одежды не взял... Через некоторое время казненных наши перезахоронили на кладбище.

В мае 1942 года казнили конюха Ивана Амелина. За что?.. В небольшом, уже престарелом табуне деревни Зуевки подрост молодой жеребчик. И захотел его забрать один немецкий прихвостень. А Иван не отдал: конь-то ведь общий! И прихвостень донес: дескать, зуевский конюх помогает партизанам, выращивает для них лошадей. И доставили Амелина в Низину, в комендатуру – допрашивали, три дня держали в погребе. И однажды на рассвете расстреляли за околицей, в сосновом бору.

– Мы с пацанами в то же утро сбегали на место казни. Лежит Иван в телогрейке и сапогах, распластался на пригорке, – вспоминает Алексей Иванович.

Мой милый край многострадальный,
Теперь ты весь как наш Иван.
Несет палач твой час прощальный
С крамольным словом «партизан».

Вот так устанавливался «новый порядок». И никто в Низине не знал, что произойдет завтра на родной земле. Да и в небе тоже. Однажды были на покосе. Все тихо, спокойно. Вдруг появились самолеты. Немецкие, потом наши. И начался воздушный бой. Страшно было видеть, как содрогается небо, и ожидать, что опять будут падать подбитые наши самолеты. Такое Алешка наблюдал не раз. Но в этом бою было иначе. Загорелся и стал падать немецкий самолет. Мальчишки побежали к деревне и были оглушены страшным взрывом: самолет рухнул и взорвался. Казалось, содрогнулись все хаты, которые еще уцелели. Не пострадало и колхозное овощехранилище, что в нескольких метрах от Лешкиной хаты с краю.

И вот, укрывшись от опасности, сидят в овощехранилище земляки, почти вся «будаевщина». Разговаривают негромко. Вдруг дверь настезь – и на пороге молодой автоматчик:

– Ну как тут у вас? Фрицев нет?

– Да ты, парень, свой?

– И верно свой! – радостно закричали «будаевские». – Наш солдат, наш!

– Свой я, свой! – успокаивал автоматчик. – Пришла к вам победа!

Вот так вместе с овощехранилищем Алешкина хата с краю, которая самой первой оказалась на огневом рубеже, первой и узнала, что оккупация окончилась. Был теплый июльский день 1943 года.

Фашистов погнали. Но бои еще продолжались. И небо по-прежнему посылало угрозу. Бомбили Низину, бомбили соседний Льгов, где фашистские снайперы вели также обстрел с колокольни двуглавой церкви. Люди спасались в лесу, где под командованием бывалого вояки, участника финской войны, вырыли окопы. Однажды в лесной тишине послышался отдаленный гул.

– Слышите? – сказал старый солдат. – Это бомбовозы гудят. Тяжело идут...

Самолеты шли «тройками», «девятками». Алешка принялся считать. До шестнадцати досчитал. Вдруг что-то засвистело, и всех словно жаром охватило. А отчаянный мальчишка продолжал считать, пока тетя Настя не затащила его за ногу в окоп: «Не дрыгайся!» А бомбовозы расползлись по небу и через какое-то время вспахали ближайший луг – осталась вздыбленная, в глубоких воронках земля.

Вот под такой аккомпанемент проходило Алешкино военное детство. Вместе с земляками испытал он и страх, и голод. Такой голод, что приходилось есть мясо убитых немецких лошадей. Мясо жесткое, да еще без соли – как трава. А соль давно уже кончилась. И однажды пацаны чуть не отравились, приняв за соль удобрение, рассыпанное под колхозными амбарами. Опасность была всюду, даже там, откуда ее совсем не ждешь...

Пройдет много лет – и Алексей Иванович в стихотворении «Урезанное детство» напишет об оккупации, когда

Мучила обида за бессилье,
За неволю думать и творить –
Юности подстреленные крылья
Не могли высоко воспарить.
Голову кружило, ныло тело.
Но за то судьбу благодарю,
Что душа тогда не онемела
В том «раю», у смерти на краю.

После оккупации надо было возрождаться – людям, земле, деревне. Раненому партизану доверили быть председателем колхоза. Ох, каким нелегким оказалось оно, это возрождение! И все же через год, в сентябре 1944-го, дети пошли в школу. Опять учились в барском доме. Алеша Башкиров снова сел в пятый класс. Он успешно окончит семилетнюю школу. И будет работать в колхозе, сознавая себя главным в семье, поскольку папа вскоре после войны уехал к родственникам на Урал. А потом Алексея призовут в армию... И будет в его жизни незабываемый день 16 августа 1949 года.

Накануне он грустил: как-то невесело идти в армию одному. Да их в Низине и было-то всего двое, призывников 1929 года рождения. Но ровесника уже проводили. Алексей с тревогой думал о маме: как ей одной-то с двумя его младшими братишками? А в армию призывник Башкиров шел с желанием... В день отправки заехал за ним председатель сельского Совета Андрей Петрович, повез его на лошади в военкомат, в районное село Знаменское, что в пятнадцати километрах от Низины. Жаркий августовский день, уборочная страда в

полном разгаре. Лошадь весело бежит, поднимая дорожную пыль. И вдруг Андрей Петрович поворачивает вправо, на колхозный ток, где в тот день молотили пшеницу. Приехали. Молотилка умолкла. И взорвалась недолгая тишина. Поздравления, пожелания, объятия; откуда-то появился гармонист – и запел, заплясал колхозный ток. Растроганный Алексей был благодарен односельчанам и председателю сельсовета, организовавшему такие проводы. Тепло людских сердец и августовского солнца призывник взял с собой в дорогу, чтобы как талисман пронести его через всю жизнь.

После армии в его жизни будет Урал, куда проторил дорогу отец. И как подарок судьбы – будет Клава, славная девушка из большой семьи Ивановых. Они вырастят дочь и двоих сыновей. Будут радоваться внукам и правнукам. Глядя на них, думая о них, дедушка Леша, как когда-то дед Никанор, может сказать: «Счастливые вы, ребята!» И пусть никогда не окажется укороченным, урезанным их счастливое детство.

Алексей Иванович, чья душа, находившаяся «у смерти на краю», не онемела, уже много лет поэтическим пером пишет биографию своего поколения, которая вылилась в два сборника: «На крыльях любви» и «На грани веков». Одно из последних его стихотворений называется «У памяти страны»:

Вторая мировая
 Не канет в забвенье.
 Геройски воевало
 Отечество мое.
 Да время нас не спросит,
 Но делает свое
 И в мир иной уносит
 Участников ее.
 Потом под звуки меди
 Настанет скорбный час,
 Когда ее последний
 Солдат уйдет от нас.
 И мы, как часовые
 У памяти страны,
 Свидетели живые
 Великой той войны.

Да, живых свидетелей остается все меньше и меньше. И дети войны, считает Алексей Башкиров, должны сохранить для потомков память о «великих тех годах». Чтобы из поколения в поколение были зоркие «часовые у памяти страны», чтобы всегда была жива эта светлая и святая Память.

Нина РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

ЖИЛА-БЫЛА ДАША

Дом, в котором она жила, казался девочке высоким и светлым, хотя в нем было только две комнаты да кухня. Были просторные сени, кладовка и большой двор с домашним скотом и птицей. Дом всеми окнами смотрел в сад, а там яблони и груши, вишни и сливы, смородина и крыжовник, малина и десяток ульев. За домом – картофельное поле и огород.

Было у Даши три брата: Иван, Александр и Николай. А в 1940 году родилась Валюшка. Жили дружно и очень любили друг друга, хотя в семье не были приняты нежные объятия и поцелуи – единственное одобрительное «Молодец!» выражало родительскую любовь. Жили они на хуторе Иудино, что в Калининской (ныне Тверской) области. Мама была рядовой колхозницей, а папа – агроном и пчеловод.

В 1938 году папу направили на работу в совхоз Подобино, что в двенадцати километрах от Бежецка. Здесь вся семья жила в одной комнате – в тесноте, да не в обиде.

В 1939 году Даша начала учиться в школе. Вместе с совхозными ребятами ходила за три километра в деревню Хонеево. Собирались гурьбой и шли сначала мимо скотного двора по совхозной земле, потом километра полтора по лесной дороге, а за лесом протянулась деревня, в стороне от которой стояла школа. Вероятно, это была когда-то барская усадьба, иначе кому бы пришлось в голову строить школу в стороне от деревни?.. Училась Даша легко и с большим интересом.

В 1940 году отца перевели работать в другую деревню, недалеко от Рыбинска. И снова школа - в трех километрах от дома. И снова дорога – лесом, полем. А поле от дороги отделяла черемуха, которая тянулась длинными, сплошными рядами и цвела-благоухала весной и в начале лета.

Так было и в тот черный день 1941 года. Прозвенел звонок, и в класс вошла учительница, взволнованная, с заплаканными глазами:
- Дети, война! Гитлер напал на нашу страну... Идите домой... Ваши родные уходят на фронт...

Все три километра они бежали, и эта цветущая черемуха словно подводила светлую черту под их детством. Они сразу стали взрослыми. Подбегая к деревне, услышали женский и детский плач.

На улице было полно народа. О войне люди узнали от нарочного (телефона в деревне не было), который прискакал из сельсовета – и грянуло! Нарочный привез повестки тем, которые мобилизовались на фронт. Уходили почти все мужчины. Деревня эта выросла недавно, и стариков почти не было.

Уходящие на фронт мужчины распрощались со всеми деревенскими, как с родными. Вечером они пошли в сельсовет, а оттуда на станцию, с которой их отправили к месту назначения.

Проводила деревня мужчин и лошадей на войну, и началась жизнь с бесконечной работой, работой и недоеданием. Родители Даши в поле, Она, в свои десять лет, хозяйка в доме в огороде. Надо истопить печь, что-то сварить, накормить семью. Тоненькая, худенькая, Даша не могла управляться с дровами и чугунами. Русскую печь она топила так. На шесток складывала дрова, заползала в печь, укладывала их, выползала. Затем ставила чугуны на шесток, в один клала все приправы для щей или супа, заливала водой, опять лезла в печку и затаскивала чугуны. Мыла картошку, заполняла ею второй чугуны, заливала водой, опять лезла в печку и затаскивала чугуны. Потом щепала лучину, клала ее под дрова и зажигала. А что там сварилось, Даша не могла попробовать, так как вытащить чугуны ей было не под силу: подхватит ухватом, начнет тащить, а чугуны клонятся на бок. Вот протопится печка, придут взрослые с работы и только тогда, достав чугуны, увидят, что за варево получилось. А пока Даше надо бежать в огород, поливать и полоть грядки. Даша помогала и копать, и что-то садить-сеять – и так полюбила огород, что когда в Троицу вся деревня отдыхала, Даша походила-походила по деревне, и вдруг так потянуло в огород, что она оставила подружек и побежала к своим грядкам.

Младший братишка Коля днем обычно бегал с друзьями по деревне.

А Валюшку Даша каждое утро относил в ясли в соседнюю деревню, что в двух километрах от их дома. Вале было уже два года. Беленькая, с большущими голубыми глазами, она была как ангелок, и Даша очень любила сестричку. Несет ее на руках, а та что-то лопочет, не умолкая ни на минуту.

Однажды пролетел над ними самолет. «Немец – бах!» -- сказала Валя и запустила в него пол-литровой молочной бутылкой, которая была у ней в руках. Бутылка упала на камень и разбилась, оставив девочку без молока на целый день. Тогда каждому ребенку приносили на день пол-литра молока. Даша рассказала воспитателям, как Валя «сбила немца» бутылкой молока. «Ничего, как-нибудь пробьемся, прокормим», – дружно рассмеялись те.

Время шло, и шла война. Фронт подходил все ближе. С весны 1942-го пошел в наступление и голод. Даша, как и другие ребяташки, ходила по картофельному полю, собирая перемерзшие гнилые клубни. Дома, тщательно перебив их и добравшись до твердой крахмальной середины, пекла лепешки или запаривала перезимовавшую картошку с морковью или свеклой. Варила суп с крапивой и лебедой. А однажды отец принес овса целый пуд. Лошади-то ушли на фронт, а овес остался – и колхоз распределил его по трудодням. Смололи овес на жерновах и из этой колючей муки пекли лепешки. Они были тоже колючие, но все равно вкусные. Потом сломал ноги молодой жеребчик, и пришлось его зарезать. И колхозникам по трудодням досталось мясо. Мама варила суп и щи – вот уж был праздник!

Дед Григорий питался отдельно. Он нажарил картошки с кониной, с луком – аромат по избе невероятный. Даша, Коля и Валюшка бегали вокруг. Картошка в сковороде красивая, зажаренная сверху. Вынимает ее дедушка из плиты, вдруг сковородка переворачивается, и картошка вываливается на обитый жестью пол перед плитой.

- Тьфу ты! Прости меня, Господи, - взмолился дедушка Григорий.
- Ведь грех же: пост, а я чуть не согрешил...

Собрал картошку с полу в сковородку, поставил на стол.

- Ешьте, ребята!

Это было объедение!

А еще Даша вместе с ребяташками ловила в реке рыбу. Какой был восторг от каждого улова! И сколько радости, когда в избе пахло ухой, которую к приходу родителей сварил Даша.

Но редкие радости не избавляли от постоянной тревоги. С фронта приходили сообщения, что немцы взяли один советский город, другой, третий. Да и над их мирной деревней почти каждую ночь пролетали немецкие самолеты. Через несколько минут раздавались взрывы - и небо освещали огненные вспышки. Бомбили Переборы: там гидростанция, плотина. Бегающие допоздна мальчишки смотрели на зловещее зарево и сосредоточенно молчали. И было в этом молчании недетское чувство ответственности за что-то, чего они и сами не понимали.

Летом 1942-го отец встретил в Переборах одного знакомого, который сказал, что в сельсовете лежит похоронка на Ванюшку. А от Ивана уже полгода не было писем. Мама заливалась слезами, отец держался, ребяташки смотрели испуганными глазами. Но в смерть Ивана не хотелось верить, может, потому, что не видели они той проклятой бумаги... А через две недели радостный почтальон принес сразу шесть писем: «Жив, здоров, долго находились в окруже-

нии. Продолжаю воевать!» - бодро сообщал Иван. Похоронка заставила семью страдать, а Ванюшку лишила семейного счастья: его девушка Тамара, поверив похоронке, вышла замуж. А Иван так и не женился всю жизнь: видно, был однолюб.

В 1943-м вздохнули полегче: Сталинград, Курск – и немцы покатались на запад. А наша армия, видимо, нуждалась в подкреплении – и Дашиного папу призвали на фронт. Даша очень любила отца. Его любили все: и свои, и деревенские. Добрый, отзывчивый, человек чести, он всем помогал... И осталась мама одна с тремя детьми. Самой старшей, Даше, двенадцать лет. В деревне голод. В ту весну пахали на быках и коровах. Коровы мычат, упираются, не хотят идти вперед, а их подгоняют хворостиной. Видеть такое – смертельная мука! Мама приходила с пахоты уставшей, почерневшей, с небизбывной болью и тоской в глазах.

И вдруг пришло письмо: бабушка и дедушка приглашают в Лозьево. Мама повеселела: «Домой поедем!» Это село – мамина родина. И поехали, с узлами, с дорожными приключениями. На станции в Бежецке их встретил дедушка Кузьма на подводе. До деревни шестнадцать километров. Вот уж далеко-далеко, на пригорке, виднеется лозьевская церковь.

Бабушка Катерина встретила приветливо, но сдержанно: в семье нежностей не любили. Все ребятишки забрались на теплую печку, сидят, поглядывают на кухню. Бабушка говорит:

- Слезайте, ребятишки, будем обедать.

Боже мой, такого вкусного горохового супа с плавающей в блюде свиной Даша в жизни не ела. Все ели из одного большого блюда, только Валюшка отдельно. Дедушка скомандовал:

- Таскайте с мясом! – и все начали загребать деревянными ложками куски мяса. А бабушка говорит:

- Пока хватит, ребятишки. С голоду-то вам больше нельзя.

А Бежецкий район голода не знал. «Бежецк – город хлебный», - не зря говорили в ту пору. Немцы находились в ста километрах. Их самолеты бомбили в Бежецке железнодорожный мост, через который шли поезда в Бологое. На обочине железной дороги вечной памятью о войне остались глубокие воронки, со временем заросшие, а в 1943-м это были зияющие раны земли.

Даша удивлялась: фронт совсем рядом, а в Лозьево земля ухожена, засеяна; все, что выросло, убрано; трава скошена и уложена в стога; скотина сытая. Лозьевские крестьяне любили землю и трудились от зари до зари. Даша тоже работала. В двенадцать лет в подростковой бригаде она выполняла все работы, кроме жатвы. Рожь жали серпами. Даша однажды видела, как женщина порани-

ла серпом руку, как хлестала из раны кровь. И после этого Даша боялась прикоснуться к серпу.

Вот она окончила пятый класс, и в тот же день вечером бригадир постучал в окно.

- Мария, завтра Даша пускай отдохнет, а послезавтра возить навоз со скотного двора.

За дедушкой Кузьмой была закреплена лошадь Маруська. Нагрузят телегу навозом, и везет его Даша в поле, а там женщины его раскидывают. Нарвет Даша травы, бросит на телегу, чтобы помягче было сидеть, и обратно на скотный двор. Маруська сама дорогу знает, поэтому можно и подремать (легла поздно, а встала рано). Но иногда, чувствуя, что ею не правят, Маруська свернет на попавшуюся лужайку и жадно хватает траву. И Даша просыпается.

Потом пололи лен. Женщины становятся в шеренгу и идут по полю, бросая сорняки в ведро или корзину, а потом относят в одну кучу на поле. Даша не только полола лен, но и знала все работы, связанные с его выращиванием и обработкой.

Потом – сенокос, который был и праздником, и мукой. Вечером дедушка отбивал косы; воздух свежий, чистый, звон от дедушкина молотка разносился по всей деревне, чувствовалось: завтра сенокос. Для Даши, которая в бригаде была меньше всех, дедушка сделал косу поменьше. Вставали очень рано и с восходом солнца всей бригадой шли на покос. Женщины выстраивались в ряд на своей полосе, а подростки заняли свой прокос. Косить Даша научилась сразу, но тяжело было до невозможности. Она шла последней в прокосе, нужно было успевать за теми, кто постарше. Кажется, уже нет сил, но прокос кончается. И Даша возвращается к началу прокоса, разбивая косой густой валок скошенной травы; это чуть-чуть полегче: малость отдохнешь - и на новый прокос.

Косили часов до восьми утра. Потом шли домой, завтракали, успевали что-то сделать по дому, а потом шли сушить сено. С граблями, с шутками переворачивали валки. Обычно сено высыхало за два дня. Потом его сгребали в копны, подвозили их волокушей и метали в стог. С граблями Даша управлялась умело, была безотказной. Работать на свежем воздухе ей нравилось, хотя за день очень уставала.

И все-таки самой тяжелой и нелюбимой работой было утапывать клевер. Женщина вилами бросала его в сарай, а Даша большими охапками таскала и равномерно укладывала его вдоль стен и утапывала. Когда по обеим сторонам сарай заполнялся доверху, заполняли середину. А клевер пыльный, колючий, ноги и руки исцарапаны, тело грязное и пыльное. После работы труженица бе-

жала к пруду и наслаждалась в прохладной и чистой воде, которая смывала не только грязь, но и усталость.

А дома тоже ждала работа. Носить воду из пруда и поливать грядки.

А из колодца наносить полную кадку питьевой воды. А колодец далеко, а ведра на коромысле тяжелые, а идти надо в горку, а плечи болят. И так три-четыре раза до колодца и обратно.

Но вечером все равно на гулянье. В центре деревни, у амбара, гуляют взрослые, а возле пруда – подростки, «маленькая гулянка». В хрустальном, чистом воздухе звенели частушки и песни, плясали «соломушку» и «лянсей». Все девчонки «маленькой гулянки» были уже оформившиеся, почти девушки, а Даша – тоненькая, совсем девчонка. Но гуляла и работала наравне со всеми.

Такая вот была жизнь: работа, работа, забота, забота. Это потом в городе КЗОТ соблюдать стали и подростки работали неполную смену, а в войну они вкалывали вместе со взрослыми от зари до зари. Уставали смертельно. И все-таки это, считает Даша, были счастливые годы. Теперь ругают колхозы. А сколько радости было в общем труде! Умели работать, сочувствовать, сопереживать, помогали друг другу. Не жаловались, не стонали. Знали одно: надо, надо, надо! Даша не помнит, чтобы две женщины когда-либо поссорились, поскандалили. Все жили дружно.

Кончалась летняя страда, впереди учебный год. Это был радостный день: прочь изнурительная работа, нарядные и чистенькие детишки побегут в школу. Бежать им надо было за семь километров в Сырцовку. Собирались школьники со всей деревни рано утром и гурьбой бежали по проселочной дороге. Пробегали пригорок, поросший ивняком, черемухой, калиной; под горкой небольшой ручеек, дальше деревня Высотино и до большака – поле. В школу и обратно все лозьевские ходили вместе: смех, рассказы, было весело. Зимой труднее: рано темнело, домой приходили часа в четыре. С холода Даша забиралась на русскую печку и засыпала. Просыпалась, делала уроки и опять спать: ведь вставать надо в шесть часов утра. Каждый день семь километров в школу, семь обратно. Знания хуже посредственных, немецкий, математика запущены.

В 1944 году все лозьевские ученики закончили учебу в семилетке, и Даша осталась одна. С осени она еще ходила в школу, а потом стало страшновато: в ложбине водились волки. На зиму мама пристроила Дашу к каким-то дальним родственникам в село Константиново, что в километре от Сырцовки. Школа теперь близко. Но старики заставляли работать: то мыть, то молотить, то идти с санками за полтора километра в лес за дровами. На уроки опять не

оставалось времени. Так и училась и каждую неделю бегала домой, в Лозьево, где ее с радостью встречали Коля и Валя, ее младшие братишка и сестренка.

Была весна 1945 года, скоро вернется из госпиталя отец.

Отец воевал на Украинском фронте. Как он рассказывал, надо было на подступах к Киеву выбить фашистов, занявших сад на пригорке. Наши войска отогнали немцев, заняли этот пригорок, но связи не было – и по нашим на пригорке били теперь и наша, и немецкая артиллерия. После артобстрела остались только раненые и мертвые.

Отец был ранен в ногу и лежал в прифронтовом госпитале. Ему грозила ампутация. Отец долго не соглашался, но в конце концов под угрозой гангрены дал согласие. И на следующий день ему должны были ампутировать ногу. А утром следующего дня делала обход женщина-врач.

И увидела она на тумбочке у отца письмо от жены генерала Лозинского, с семьей которого отец поддерживал дружескую связь. Врач задержала взгляд на конверте и спрашивает:

- Так вы знаете Лозинских?

- Да, - отвечает отец, - это мои друзья.

- А Эльвира – моя подруга, - говорит врач и быстро отцу: - Не давайте ампутировать ногу! Вам нужна операция, вас срочно надо эвакуировать в тыл. Не давайте...

В этот момент открылась дверь, за отцом уже едут с каталкой. Но он решительно отказался от ампутации. Все решила одна минута. А опоздай женщина-врач – и отец остался бы без ноги.

Самолетом его отправили в Воронеж, где и была сделана операция. Отец долго лежал в госпитале. В Лозьево он вернулся весной 1945 года на костылях. Потом еще долго ходил с палочкой и, наконец, твердо встал на ноги.

Отец был агроном и пчеловод. Агроному приходилось ходить по полям на своих-двоих, что отцу было уже не под силу. А тут вдруг в Бежецке его друг Данилов, директор воскобойно-вошинного завода, уходил на пенсию и на свое место порекомендовал Дашиного папу. И вскоре вся семья переехала в Бежецк.

Для Даши, для семьи, для всей страны начиналась новая жизнь Непростая, трудная, послевоенная. Мирная жизнь.

ПОЭЗИЯ

Вениамин БАЛУЕВ

Вениамин Константинович, 1923 года рождения, – коренной уралец. Его детство прошло в поселке Павда Исовского района Свердловской области.

Ветеран войны, он был храбрым танкистом, участвовал в боях за Сталинград, форсировал Днепр, освобождал правобережную Украину и Киев, не раз был контужен и ранен. Награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», орденом Красной Звезды.

После войны работал в Павдинском детском доме, был киномехаником, учителем физкультуры. Позднее, имея среднее юридическое образование, работал в милиции Иса, Ивделя, Качканара.

Рожденный в начале 20-х годов, В.Балуев прошел со страной почти весь двадцатый век. Был активным участником жизни, боролся за Отчизну, за свои идеалы. Его мысли и чувства нашли отражение в поэтических тетрадах ветерана.

О творчестве

Предназначение поэта –
Будить замшелые сердца,
Добавить жизни красок. Света,
Пусть без признанья. Без венца,
Пусть для себя. Для вдохновенья,
Для озарения души –
Пиши до самого забвенья;
Коль хочется тебе – пиши!

Раздумья

Остается лишь одно раздумье...
Все же легче жить, когда оно
Укрывает, словно шуба кунья,
Сердце неумное мое...
Может быть, не так уж это важно.
Но, поверьте повести моей,
Этой самой прописью бумажной
Откровенней буду и честней.

*** **

Трудно нам с прошлым своим расставаться,
С тем, во что верили, шли до конца.
Трудно с кумирами сердца прощаться,
Горько лишать их, великих, венца.

Новый год

Снег пушистый, белый, чистый,
Мчатся санки под уклон,
Ребятишек смех искристый,
Новогодний перезвон...
Парни козырем шагают,
Девки водят хоровод,
Лихо гармонист играет,
Песней славит Новый год.
Так и хочется вприсядку
Мне по улице пройтись,
Скинув варежки и шапку,
Бросить шапку к небу, ввысь.

Большая улица

Все друзья мои воюют
За себя и за меня.
Пусть мне ветер в спину дует –
Прощай, улица моя!
За тебя я буду драться,
Своей жизни не щадя,
И давайте выпьем, братцы!
Прощай, улица моя!
Я прошел огонь и воду,
Но все помнил про тебя,
За тебя служил народу.
Здравствуй, улица моя!

Березонька

Не шуми, бела березонька,
Не роняй на землю слезыньки,
Не клони свою головушку,
Не смотри на ту сторонушку –
На озера многоликие,
Синевой-лазурью крытые.
Оглянись на солнце красное,
Погляди очами ясными
На поля вокруг зеленые,
Ключевой водой поеные.
Там подружки белотелые,
Красны ягоды поспелые,
А грибы красноголовые,
Как лошадушки соловые.
Как слезу твою я подотру,
Снова девицей ты будешь поутру,
Не вдовицею печальною,
А девицею венчальною.
Повенчаем тебя с кленом, ясенем,
Добрый молодцем, не орясиной.
Будем песни петь величальные
На слова мои изначальные.

И окончен сказ

Хорошо кругом – сердце радуется,
А из глаз моих слезы падают.
Слезы падают в тетрадь белую –
Ничего с собой не поделаю.
Слезы падают из моих из глаз.
Тут и песня вся, и окончен сказ.

Степан ПИТАТЕЛЕВ

Ветеран Великой Отечественной войны, ветеран труда, человек, любящий Родину и свой Урал. Он защищал его, сражаясь с фашистами на Западном, Карельском, Третьем Украинском фронтах. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 1 степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейными медалями. С 1968-го по 1979 год работал на Качканарском горно-обогатительном комбинате.

Он родился в 1919 году. С образованием пять классов сельской школы, с поэтической душой, этот человек уже пятый десяток лет ведет разговор по душам с чистым листом бумаги, доверяя ему свои мысли и чувства. «Разговор по душам» - так называются четыре его поэтических сборника. Степан Иванович – старейший член городского литературного объединения «Лукоморье».

Я - русский человек

Я русский человек, я всё умею:
Колодец вырою и дом срублю,
За Родину себя не пожалею,
Которую всем сердцем я люблю.

Я русский человек, я всё умею:
Рубил дрова и уголь добывал,
Я строил города, пахал и сеял,
Тебя, моя Россия, поднимал.

Я русский человек, терпеть умею,
И выдержки во мне на сто чертей.
Я все тревоги, горе одолею
И все перенесу в душе моей.

Я, русский человек, за мир в ответе,
За наше будущее на Земле,
Чтоб мирно жили люди на планете
И навсегда забыли о войне.

Октябрьской революции ровесник,
Рабочий класс, строитель, инженер,
Я гражданин страны Советов с Пресни,
Я русский человек из СССР.

На войне

Мы жили в землянках,
Спасались в траншеях,
Дрожали в засадах в глубоком снегу.
В болота вмерзали,
Но в землю вгрызались,
И насмерть стояли, и мстили врагу.

Катились дни, ночи –
Стал путь наш короче.
Но снятся в окопе тревожные сны.
И как бы остаться
Живым среди ночи,
И как бы дожить до победной поры.
С солдатом в обнимку
Шел год сорок пятый,
Солдаты дрались на немецкой земле,
От стен Сталинграда
Дошли до Рейхстага
И знамя Победы в Берлин принесли.

На фронте затишье

На переднем крае выдалось затишье –
Люди услышали, как щебечут птицы.
Тишина на фронте – первый выходной,
Мы лежим в воронке, мысль летит домой.

Рана сердце гложет, а душа болит.
Кто же мне поможет боль заговорить?
Посидим немного, отдохнем с тобой.
Вдруг опять тревога – снова будет бой.

Победный май

Праздничный май окрыляет нам души,
Праздничный май согревает сердца.
Где бы ты ни был: на море, на суше,
В поле иль в космосе – с Маем душа!

Вновь вспоминается год сорок пятый,
Как ты с солдатскою дружбою жил,
Как победил ты фашистов проклятых,
Людям планеты ты мир подарил.

Солдаты в гранитных шинелях

Как грустно склонилась березка над ними,
Где запахи хлеба, Отечества дым...
Тех юных солдат всюду видим живыми:
Глядят с обелисков на нас молодыми.

Солдаты в гранитных шинелях застыли,
Суровые лица с укором глядят.
Своими телами Россию прикрыли,
С войны на посту часовыми стоят.

Товарищи мои

Позвольте вам представиться:
Член клуба «Ветеран»!
Желаю вам понравиться –
Питателев Степан.

Немало с вами пройдено
Неведомых путей,
Немало с вами прожито
И лет, недель и дней.

Пусть наши годы светятся,
Нам вместе веселей,
Пришлось нам в клубе встретиться,
Найти своих друзей.

Теперь друзья старинные
На пенсии живем
И песенки старинные
На праздниках поем.

Раздумья

Как много утекло годин!
Как долго я живу на свете,
Что часто кажется: один
Остался я на всей планете.

Но разве дело тут во мне?
Распались прежней жизни звенья:
В труде, в борьбе, в беде, в огне
Исчезло наше поколение.
Теперь история сама
Наш путь своей отметит метой,
Где рядом были кровь, война
И бой, увенчанный Победой.

Но, к дням иным беря разбег,
Шепчу как заклинанье снова:
Пусть ни того и ни другого
У нас не будет в новый век!

Николай СЕМЕНОВ

Николай Михайлович Семенов, 1924 года рождения, служил в Советской Армии с августа 1942-го по декабрь 1955 года. Лейтенант, командир взвода. Награжден орденами Отечественной войны 1 и 11 степеней, Красной Звезды, медалями “За боевые заслуги”, “ За оборону Кавказа”, “ За взятие Кенигсберга”, “За победу над Германией”, юбилейными медалями.

Работал на Качканарском горно-обогатительном комбинате, Качканарском заводе железобетонных изделий. С 1969 по 2000 год был председателем комитета содействия Качканарскому городскому военкомату. Вел большую работу по патриотическому воспитанию молодежи, собирал материалы о ветеранах, погибших на фронтах второй мировой.

Я - сын России

Земля моя зеленая
У ног моих легла.
Боями опаленная,
Нас молодость вела.

Я шел, в победу веруя,
Наперекор судьбе
Через Европу-матушку,
Германия, к тебе.

Немало мною пройдено,
С нуждой встречался я,
Но не бежал я с Родины
В заморские края.

Добру и злу привычная
Республика моя,
Россия стоязычная,
Великая семья.
И акают, и окают
Народы на Руси.
Россия синеокая,
Горжусь, что я твой сын!

Не понаслышке знаю о войне

Не понаслышке знаю о войне,
Не из газет, кино и книжек знаю,
Она на горло наступила мне,
Еще сегодня в снах я умираю.

Еще бегу в атаку на врага
В запале злом, и сердце жаждет мести.
В кровавый цвет окрашены снега,
В дыму дома разрушенных предместий.

Еще не отомстил я до конца,
Фугасы воют, города сметая,
И девять граммов смертного свинца
Я в лоб фашисту метко посылаю.

Проснусь в поту – окажется: я жив.
А сердце бьется гулко, на пределе...

Шли мы в бой...

Молодой лейтенант, наш комвзвода,
Нас водил на фашистских зверей.
Шли мы в бой за свободу народа
И за счастье своих матерей.

И в тяжелых боях и походах
Мы отвагою были полны,
Свою юность встречали в окопах
На смертельных дорогах войны.

Шли под градом свинцовой шрапнели
С автоматами в крепких руках,
В порыжевшей солдатской шинели,
Не по росту в больших сапогах.

Шли сквозь грозы, туманы, бураны,
Ночевали в снегу без костра,
Бинтовали кровавые раны,
И спешила на зов медсестра...

Пусть отомстит!

Если я на поле ратном,
Испустив предсмертный стон,
Упаду в огне закатном,
Вражьей пулею сражён;
Если ворон, словно в песне,
Надо мною круг замкнет –
Я хочу, чтоб мой ровесник
Через труп шагнул вперед.
Пусть ускорит тон походку
Среди выжженной травы,
Пропотевшую пилотку
Не снимая с головы,
И, зажав винтовку твердо,
Отомстит за смерть мою,
За страдания народа
И за Родину свою!

Не сдавайтесь, ветераны!

Написал в письме однополчанин:
Вот болею, просто уж сдаю...
А ты вспомни долгими ночами
Молодость военную свою.

Разве ты тогда на поле боя
Взятые позиции сдавал?
Разве ты не спорил сам с собою?
Умирая, снова не вставал?

Там, где шел ты, зеленеют травы,
И хлеба в сторонке полевой,
Города растут, шумят дубравы.
Это – труд и подвиг ратный твой!

Да, болезни! Да, тревожат раны!
А порою кто-то смотри зло.
Милые, родные ветераны!
Не сдавайтесь! Всем чертям назло!

Брату, защитнику Москвы

Уж давно нет в землянке огня,
 На поленьях давно нет слезы –
 Но гармонь все тревожит меня,
 Слышу отзвуки давней грозы...

И, как прежде, мне шепчут кусты
 О войне, о боях под Москвой.
 Я хочу, чтобы верил и ты:
 Я всё помню, пока я живой.

Пусть ушла та война далеко –
 Не остудят мне сердца снега;
 Мне и нынче забыть нелегко
 Эти к смерти четыре шага...

Кто войну позабыл, тем назло
 Я тревожную память храню,
 Берегу фронтовое тепло.
 И седины свои я склоню!

Людмила АНДРЕЕВА

Ее подвиг святой

*Антонине Кузьминичне Котовой,
 моей любимой тетушке*

Дочь донских казаков,
 И характер казачий.
 Была старшей в семье –
 Лишний раз не заплачешь.
 Младший брат и сестра
 Да казачье подворье –
 Успевала во всем:
 И трудиться, и спорить.
 Боевая была
 И красавица Тося.
 по станице пройдет –
 Разлетаются косы.

Повстречала любовь,
Но война разлучила,
И повестку на фронт
Медсестра получила.
С медсанбатом прошла
По земле раскаленной
И носила солдат,
Проглотив ком соленый.
Очень хрупкой была,
Но сражалась на равных.
Ей вручила страна
Орден Родины главный.
В пекле огненных лет
Все прошла муки ада,
И партийный билет
Был высокой наградой.
И еще ей судьба
Помогла встретить друга
И с любовью встречать
Раскаленные вьюги.
Замечательным был
Капитан ее Котов.
Как красиво любил,
Возвращаясь с полетов.
День Победы пришел
У развалин Рейхстага,
Медсанбат утопал
В море ран за оврагом.
Вот уж не было сил
И от счастья и горя...
Эшелон уходил
За Уральские горы.
Нелегко подобрать
Строк победных звучанье.
Дом, родная земля
И от счастья рыданья.
Поднималась страна,
И цветы расцветали.
В день апрельской зари
Они дочку держали.
Подарила судьба
Этот теплый комочек.
Как любили они

Этот алый цветочек!..
Почему вновь беда
В эту дверь постучала?
Мужа, друга, отца
В этом доме не стало.
Тося выдержать все
Так сумела достойно.
Дочка, внуки, друзья...
Жизнь шагала спокойно.
Сколько славных побед
Ей судьба подарила.
Она скромно жила,
Она жизнь любила.
Фронтовые друзья
И московские встречи,
На Поклонной горе
Поминальные свечи...
Я склоняю перо
И склоняю колени
Перед тетей своей,
Перед всею вселенной.
И пока я жива,
Пусть на этих страницах
Ее подвиг святой
Будет вечно храниться.

Парад Победы

Сверкает в медалях Победа:
Идут седовласые деды,
История с ними шагает,
Страна их салютом встречает.
Живите, родные, подольше
В России, Болгарии, Польше.
Пусть ветер ласкает вам лица,
И вечная память пусть длится.
Святые сто грамм пригубите,
Здоровье свое берегите,
Чтоб правнуков смех был наградой
И дольше встречали парады.
Пылают тюльпаны, как знамя,
Мы дарим любви нашей пламя.
Мы нежностью вас согреваем,
Мы вашу Победу встречаем.

Сорок пятый

Сорок пятый! Сорок пятый!
Год победный, год крылатый.
Над землей салютов гром,
Радость входит в каждый дом.
Сорок пятый...

Сорок пятый! Сорок пятый!
Полегли в боях ребята.
И от слез земля горька,
Но Победа – на века.
Сорок пятый...

Сорок пятый! Сорок пятый!
Ты прошел войну в бушлате.
Сколько раз ты умирал,
Но вставал и воевал.
Сорок пятый...

Сорок пятый! Сорок пятый!
Поседевшие ребята
День встречают молодой,
Поредевший держат строй.
Сорок пятый...

Алексей БАШКИРОВ

Урезанное детство

На пологом солнечном увале
В мареве июньской теплоты
Мы в букеты нежно собирали
Ландышей веселые цветы.
Днем с восторгом мы в воде плескались,
Над рекой звенели голоса,
Молодо и дружно отзывались
Эхом нам окрестные леса.
В час, когда вечернею звездой
Небосвод неярко заблистал,
Будто растревоженный бедою,
Соловей неистово свистал.

А наутро, как бы виновато,
Без мурашек всяких по спине,
Словно удивленный, наш вожатый
Известил негромко о войне.
Не осознано беды явление,
Сердце не испугано в груди,
Но трагично жизни преломленье,
Страх его маячил впереди.
Затрещала блудная сорока,
Соловей куда-то улетел,
И поспешно, тихо и до срока
Лагерь наш с тоскою опустел –
Вмиг войной урезанное детство.
Той поры мальчишеская рать...
Тяжкий крест достался нам в наследство
От отцов, ушедших воевать.
Мучила обида за бессилье,
За неволю думать и творить –
Юности подстреленные крылья
Не могли высоко воспарить.
Голову кружило, тело ныло.
Но за то судьбу благодарю,
Что душа тогда не онемела
В том краю, у смерти на краю.
Вспоминая мрачный год военный,
В детское вникаю бытие –
Остается вечно незабвенным
Лето пионерское мое.
Вдруг накатит на душу грустинка –
И спешу в родимые края,
Чтобы встретить ландыши в росинках
И услышать песню соловья.

Солдат России

Менялся строй, менялись даты
Порой с борьбою: кто – кого,
Но неизменно для солдата
Живет Отечество его.
Туда ведет от сердца тропка,
Где он родился, жил и рос,
Где первый шаг свой сделал робко
И слово «мама» произнес.
И там его родные дали,

До боли близкие места
Веселой бодростью питали,
Там зрела юности мечта.
Там было первое признание,
Когда влюбился он всерьез,
И осенил его сознание
Спокойный свет родных берез.
Призывно время позвонило.
В душе надежды нить тонка –
С печалью мать благословила
На службу сына-паренька.
И взор невесты в час прощанья
Никак солдату не забыть,
Где кротки были обещанья
И ждать, и помнить, и любить.
Не будет он иного рая
В чужом краю себе искать –
Сберечь бы свет родного края,
В потоке дней не расплескать...
Армейский строй, в нем гордость наша,
Геройский образ земляков,
И путь отвагою окрашен
Его солдат и моряков.
Границы нашей путь тревожен,
Мороз лютует, солнце жжет,
Но воин долгом занаряжен,
Покой Отчизны стережет.
Какие б ветры ни носили,
В каком бы ни был он краю,
Солдат хранит любовь России
И защитит, как мать свою.

Я помню бой

1.

Печаль бродила в наших взорах,
Кипела праведная злость.
Зимы морозные узоры
Прошиты пулями насквозь.
Прорыва яростная сила
Через калужские леса
Врагов внезапно оттеснил
Чужие глохли голоса.

Дымила за окном дорога,
Топилась жарко в хате печь,
И утро нашего порога
Родная огласила речь.
Тут мать в заботе заходила:
– Поди, голодные, сынок?
И вот с картошкою в мундирах
На стол поставлен чугунок.
Бойцы устроились на лавках,
А кто и стоя у стола.
Но тут же их медовый завтрак
Тревога строго прервала.

2.

Противник злобно огрызнулся,
Стремясь заштопать свою брешь –
И край деревни содрогнулся,
Попав под огненный рубеж.
С нечистой силой смерть носилась,
Звала на вечный упокой –
И мать испуганно молилась
За нас дрожащею рукой.
Тряхнуло нас волной разрыва,
Удар был словно грозовым –
Душа метнулась, как с обрыва,
Пополз по хате черный дым.
И в это жуткое мгновенье
Пред нами с нашею бедой
Явился ангелом спасенья
Наш воин с красною звездой.
Любовь и жертвенность собою
Являл порыв священных крыл;
Забрал детей, и нас от боя
В соседнем погребу укрыл.
Над нами снова мины свищут,
Строчит нещадно пулемет.
Хранит нас мрачное жилище,
И страх уже не так берет.
Душа затишьем утолилась,
Отброшен враг к исходу дня,
Пошли вперед – и удалилась
От нас позиция огня.

3.

И мне, спасенному судьбою,
Как жуткий сон или мираж
Предстал возникший после боя
Печально-горестный пейзаж.
Над прахом изб печные трубы
Трубили гневно по врагу,
И павших стынувшие трупы
Чернели скорбно на снегу.
Задело вражеским металлом
Плечо армейского коня,
И кровь тихонько истекала
Из раны струйкою огня.
И уцелевшая корова
С голодной жажды, может быть,
Звала хозяйку жалким ревом,
Просила есть, а может, пить.
И я – живой. И знаю: вскоре
Сойдутся люди по дворам
И всю печаль свою и горе
На всех разделят пополам...
Волною красного прибоя
Сливался фронт с закатом дня,
И вновь вставал передо мною
Боец, что спас из-под огня.
Я помню бой войны жестокой
У кромки нашего села.
Не меркнут в подвиге высоком
Солдата ратные дела!

Победная весть

Бежал сосед, и как-то странно
Вдруг изо всех, что было, сил,
Он весть победную гортанно
Всему селенью доносил.
Она неслась над каждой хатой,
Цвела, как праздничный салют:
Пришел конец войне проклятой –
Легко вздохнул уставший люд.
Народ, войною изнуренный,
Уж видя мирный свой причал,
Толпою шумной оживленно
Победы светлый день встречал.

На майской бархатной полянке
 Старик веселья не забыл –
 Вовсю растягивал тальянку
 И песней нервы теребил.
 Солдатки в радости стояли,
 Судьбой довольные своей,
 Их лица солнечно сияли,
 Никак не хмурили бровей.
 И слезы травы оросили
 О тех родных, кто был убит.
 Горюя, мамы голосили,
 И вдовы плакали навзрыд.
 И невдомек мальчикам беспечным,
 Чем этот праздник знаменит.
 Они теперь для жизни вечной
 Росли, чтоб павших заменить.
 Земля дышала испареньем,
 Своих работников ждала,
 И люди с мирным вдохновеньем
 Судили сельские дела.
 И стало вдруг роднее поле,
 Милей весенняя пора.
 Душа раскована от боли:
 Война была уже вчера.

Была великая Победа

*Участникам Великой
Отечественной войны*

В святом строю солдаты-деды
 Войны минувшей мировой
 Свой юбилейный День Победы
 Встречают с гордой головой.
 Не много их уже осталось
 В своих медалях, орденах,
 Чья юность в пекле закалялась,
 Чья крепла молодость в боях.
 Она и в сердце, и в сознание
 Своей жестокостью полна.
 Четыре года испытаний
 Несла великая война.
 И чтоб народным тяжким бедам
 Настал желанный тот конец,
 Была Великая Победа –

Солдатской стойкости венец.
И подвиг тот людей уставших
Салют Победы увенчал,
И свет ее сквозь души павших
Несет нам радость и печаль.
Не все в наш подвиг рады верить,
Но видит Бог среди светил:
Никто в борьбе с коварным зверем
Такой цены не заплатил.
И никуда тому не деться,
Кто помнит жуткую войну:
Как тяжкий сон, она из детства
Ползет и давит седину.
И наша честь – душой исполнить
Тот кровью писанный закон:
Обнять живых и павших вспомнить,
И всем отдать земной поклон.
О них не смолкнут разговоры
На гребне яростной волны,
Пока открыты будут взоры
Живых свидетелей войны...
Сутулят годы ветерана,
И жизнь порою не красна,
Но вновь бодрит и лечит раны
Его Победная весна.
Под майским солнцем свежий ветер
Играет ласково листвою,
И рад солдат: живой на свете
Встречает главный праздник свой.

Политрук

*Иванову Степану Васильевичу,
инвалиду Великой Отечественной войны,
ветерану труда, качканарцу.*

Громыхал состав с пехотой.
Под колесный перестук
Проникал душою в роту
Свежий ротный политрук.
Он, вчерашний землешапец
И совхозный полевод,
Пятерых детей папаша,
Полон мыслей и забот.
Сам в боях еще не зрячий,

Но в профессии иной
Вел настрой в страде горячей,
Как бывало в посевной.
А в вагон ползла тревога:
Мчит на фронт, не на парад;
Дальше взорвана дорога,
Там – блокадный Ленинград.
Сходу ратная работа,
Марш-бросок при свете дня;
Окопалась срочно рота
На позиции огня.
Где болото укрывала
Сосен темная хвоя,
Серой змейкой уползала
Вдаль стальная колея.
Прокопчена «кукушка»
Непрерывно, в ночь и днем,
Все везла снаряды пушкам,
Все питала фронт огнем.
Посвист пуль не плач жалейки.
Зорко рота стерегла
Эту узкую колею,
Что у фронта пролегла.
Политрук бойцам советчик,
А по сути – общий друг,
Он, солдатских душ разведчик.
В них вселял здоровый дух.
Мог науку уставную
В час затишья прочитать
И умел любовь земную
подвиг воинский вплетать.
Среди воинов отважных
Он героем не глядел,
Но в бою, на фланге важном,
Обстановкою владел.

Бьет фашист свинцовым градом,
И разрывы без конца,
Жаркий бой под Ленинградом,
У блокадного кольца.
Лезут немцы, рвутся финны,
Рота бьется горячо.
Угодил осколок мины –

Напрочь руку по плечо.
Пал Степан в разгаре боя,
Вновь в атаку шли враги,
Но уж видел пред собою
Только темные круги.
Отошел от боли резкой –
Тут поведали друзья:
- Отстояли, друг, железку,
А иначе быть нельзя.
Из санбата путь указан
В тыл, в военный лазарет.
Был ухожен, перевязан
И медсестрами согрет.
Залечили, приодели,
В путь-дорогу вышел срок.
Но пустой рукав шинели
Омрачает левый бок.
Вдаль глядел, вагон качался,
В радости печаль плыла:
В дом родимый возвращался
Голубь сизый без крыла.

Распускался тополь клейкий,
И весенний день сиял.
У своей узкоколейки
Он на станции стоял.
И не мог сдержать тревоги:
В этом блеске, как в игле,
Отразились две дороги:
Эта - здесь, а та - во мгле.
Явственно предстало взору:
Рельсы те за тыщу верст
Через нивы, через горы
Мчатся с этим вперехлест.
И слезу сдержать старался,
Подводя свою черту,
Будто он с фашистом дрался
И за эту, и за ту.
Вся земля ему родная
И до боли дорога;
Нясьмя чисто-голубая,
Золотые берега.
Все тут мило и знакомо;
Через поле, через лес

Мчит его к родному дому
В три вагона свой «экспресс».
И при встрече показался
Детям в чем-то не такой,
Когда всех обнять старался
Он единственной рукой.
Хоть былого нет резона,
Но совхоз без сильных рук.
И страдой мобилизован
Бывший воин-политрук.
Поугас огонь с годами,
Но в былую рань встает
И извечными делами
В радость дышит и живет.
Снова грядки направляет,
Лишь весна сдается в плен.
И опять плечо стреляет:
Жди в погоде перемен.

Людмила ВЛАСОВСКИХ

Дядя Ваня

Припомнить все –
Ком в горле встанет.
Как плакали в огне березы...
Давай с тобою, дядя Ваня
Подальше спрячем наши слезы.
Давай шагнем весне навстречу,
Вдохнем Победы пряный искус,
Солдатские расправив плечи,
Пойдем с цветами к обелиску.
Давай однополчан помянем,
Нальем наркомовских сто грамм.
Давай Победы песню грянем
С бедой и счастьем пополам!
И ты расскажешь, дядя Ваня
Про свой поход и про награды
И за столом семейным станешь
Опять командовать парадом.
А мы тем счастливы с тобою,

Что этот день прожили вместе
С бойцом, легендою, героем –
Такой нас удостоил чести!
С Победой, милый дядя Ваня!
Дай мне обнять тебя по праву.
А тем, кого уж нету с нами,
Вечная память, вечная слава!

Старшина

Ты прости, что пришел слишком поздно.
Я искал тебя долго, отец.
Сквозь гранит обелиска и звезды
Посмотри, как твой вырос малец.
Я похож на тебя плоть от плоти,
Только старше, чем был ты в бою
Старшиной в легендарной пехоте,
У бессмертья на самом краю.
Здесь твои фронтовые собратья
С Днем Победы поздравить пришли.
Ты прости, что не всех смог собрать я,
На дорогах войны полегли.
На глазах снова слезы сверкают,
И душа вновь волненья полна –
День Победы победно встречают
Сослуживцы твои, старшина!
С той войны пролетело немало,
Разменяв третью тысячу лет,
Салютует Земля ветерану,
Как герою великих побед.
Не стихает войны канонада,
Только музы не могут молчать...
Вновь вручают мальчишкам награды,
За Победу, чтоб шли умирать.

Песня на привале

После боя на привале
Командир и рядовой
Песню вместе запевали
У дороги фронтовой.
Эти песни и поныне
Распевают стар и мал.
Растяни меха, Василий!
Русский прояви запал.

Хорошо в родной сторонке!
Запоздала лишь весна.
Но поют девчата звонко,
Без вина душа пьяна.
Про любовь поют девчата,
Про черемух белый цвет
В честь российского солдата,
В честь святых его побед!

Блокада

Не знать бы нам такого лиха:
Блокада, холод, голод, смерть.
Вот довоенная франтиха
Меняет золото на хлеб.

Не дай нам Бог на санках детских
Возить застывшие тела,
В России новой, не советской
Творить блокадные дела.

Как горько нам и как обидно,
Что без войны в домах зимой
И света белого не видно,
Тепло в отметке нулевой.

Нет денег, чтоб построить терем
С красивой печкой в изразцах.
А в будущее надо верить,
Что нашим грезилось отцам.

Не знать бы нам такого ада:
Блокада, голод, холод, страх...
А жить-то надо. Верить надо.
Мечтать о теплых теремах.

Не плачь, Катюша

Безусым мальчиком войну
Прошел великую когда-то.
И ту победную весну
В медалях встретил в сорок пятом.

На фронте вырос, возмужал.
И повстречал одну из лучших,

Что, как Россию защищал,
Свою судьбу, свою Катюшу.

Жизнь промелькнула, словно миг,
Последний вздох в углу дивана.
И умер маленький старик,
Не стало русского Ивана.

Остались дети без отца,
Без дедушки остались внуки.
Осталась правнучка одна.
Сложили ветерану руки

И понесли в последний путь.
Дом опустел без дяди Вани.
Все. Не исправить, не вернуть.
Он не воскреснет, не восстанет.

Катюша – верная жена,
Его подруга боевая
Осталась на земле одна,
Поминки по нему справляя.

Не плачь, Катюша, отболит
И эта боль. Живым – живое.
Лишь фотография хранит
Лицо солдата молодое.

Май. Парад Победы

Когда седые ветераны
Уйдут от нас в небытие,
Когда на русском поле бранном
Взойдет над ними полыньё,
Когда их ордена-медали
Полягут в пыльных мебелих,
Забудется война? Едва ли.
Война, воспетая в стихах.

Не знаю в год, какой по счету,
Парадом майским не пойдут
Бойцы прославленной пехоты...
За них знамена понесут
Колонны молодых курсантов
К восторгу барышень – невест,

Красавцы в белых аксельбантах.
И будет марш греметь окрест!

Отдать им все, еще живущим!
Носить их надо на руках –
Седых, великих и могущих
Мир отстоять в лихих боях.
Отдать им все, хоть не мечтали;
Машины, яхты, терема!
Ах, этот грустный звон медалей....
Идет история сама!

Дети войны.

***Вспоминает мама – Валентина
Михайловна Гришина***

Я помню свое босоное детство
В деревне Рябовка,
Что в Брянских лесах.
За пряслом шлях пыльный
И бор по соседству,
Где кронами сосны глядят в небеса.
Была у отца небольшая избенка.
В ней горенка, кухня да русская печь,
Где места хватало семье и теленку.
Да мирно звучала там брянская речь.

Отец в революцию в левых эсерах
Матросом ходил на больших кораблях.
За что десять лет отсидел среди первых
В безжалостных сталинских лагерях.
На крышах вагонов к отцу на свиданье
Раз в год мама ездила – сила любви.
Домой возвращалась во чреве с приданным.
Рожала, растила, реви не реви...

Одна семерых мама нас поднимала.
Был сад, огород, полный живности двор.
Поутру в телегу коня запрягала,
Возила дрова, сено, веники, торф.
Мы с ней наравне целый день хлопотали.
С сумой не ходили, все было у нас.
И в пору лихую мы не голодали –
Труд тяжкий крестьянский от голода спас.

Из лагеря батя вернулся калекой.
Проклятая грянула вскоре война.
О! Сколько же горя дано человеку
При жизни. А жизнь-то всего лишь одна.
Пришли оккупанты и в нашу Рябовку.
Гремели бои. Немцы в хате гурьбой.
Мой старший братишка, взяв в руки винтовку,
Ушел к партизанам лесною тропой.

Бывало, что мать покладет мне в корзину
Продукты, одежду, лекарства, бинты.
«Беги, Валя, скоренько в лес, в луговину.
Снеси партизанам немного еды!»
Бегу – душа в пятках. Еще чуть светает.
За каждым кустом мне мерещится враг.
А босые ноги роса обжигает.
Корзина тяжелая. Где же ты, брат?

Вот речка в ольховнике прячется – Жеча.
Стожок прошлогодний в тумане плывет.
Вдруг сильные руки ложатся на плечи.
То брат мой за стогом в волнении ждет,
Пропахший кострами и лесом, и волей,
Худющий, с огнем и слезою в глазах.
Обнимет, поднимет, расспросит о доме.
Согреет мне ноги в горячих руках.

Любаша – сестра по профессии фельдшер
В больнице работала в пору войны.
До дому пешком возвращалась под вечер,
И не было в том перед Богом вины,
Что немцы гоняли ее на работу
В наш госпиталь раненых фрицев лечить.
Под страхом расправы могла она что-то
Их медикаментов домой утащить.
Лекарства тайком партизанам сплавляли.

Однажды над лесом был сбит самолет.
Мы летчика раненого отыскали,
И ночью, пока немцы пьяные спали,
Внесли на чердак. Пока грудь заживет,
Лечили его, укрывали от фрицев,
Потом к партизанам тайком увели.

Он после войны приезжал поклониться
Любаше-спасительнице до земли.

В Германию Таню – сестру забирали,
Согнали девчат на кирпичный завод.
Руками мы лаз под стеной прокопали:
«Сюда лишь Валюшка малая пройдет.
Ползи очень тихо. Ищи нашу Таню.
Найдешь, потихоньку ползите назад».
Девчата не спят, потерявшие волю,
Вповалку на теплом асфальте лежат.
Ползу. В кровь истерла худые коленки.
Собаки грызутся, прожектор стрижет.
Нашла я сестренку. Обрато в доль стенки
Пластом пробирались и ночь напролет
Бежали домой, холодея от страха.
Мы все пережили - бомбежки в ноци,
От ужаса - в пот, прилипала рубаха,
И зубы стучали, кричи – не кричи.

Мы выжили в той мясорубке кровавой,
А брат мой Василий погиб на войне.
Лежит он в Прибалтике.
Вечная слава и память ему,
Слезы горькие мне.
Победа пришла!
Моя жизнь продолжалась:
Учеба, замужество, дети и дом.
Но все, что от мужа в наследство осталось
Лишь холмик могильный да память о нем.
Я, жизнь, на тебя не ропщу и не сетую.
Тебя как могла я, так и прожила.
Немало пришлось помотаться по свету.
Несчастлива и счастлива в жизни была.
Дай Бог нам здоровья и долгие лета,
А все остальное нажито сполна.
Пусть сгинет проклятый фашизм на планете,
Который нам вновь навязал сатана.
Скорблю об украденном Гитлером детстве,
О павших, в боях, их несметно число.
Что правнукам нашим оставим в наследство?
Как нам победить абсолютное зло?!

Владислав КАРМАНОВИЧ

Ветеран вспоминает

Ты спрашиваешь, помню ли войну.
В каком, мол, побывал сражении.
Да, было. Кое-что хлебнул...
Вот расскажу про окружение.
На марше были мы – и вдруг
Налет. Смешалось все вокруг.
Нас окружили танки.
Не более десятков двух
Живых – кругом останки.
По лесу долго мы брели.
Недели две. Без пищи.
Нас политрук вел рыжий.
Вот лошадиный труп нашли.
Он разложился уж, вонял.
И мы его кромсать.
А политрук ножи отнял
И мясо «описал»:
«Вы ж сдохнете... такую мать!» -
Орал он, багровея.
Стал пистолетом угрожать:
«Нельзя, ребята! Трупный яд!»
Нам на прорыв пришлось идти.
А политрук был впереди.
Я, как и все, за ним бежал,
В руках винтовку я держал.
Стрелял иль нет – не помню, милый.
Но помню автомата ствол.
Штыком кого-то уколол.
Но не упасть хватило силы.
И тишина нас окружила вдруг.
Мы прорвались. Разомкнут круг.
Убит один лишь политрук,
И тот в затылок.
А как вот дальше воевал,
Мне помнится не очень.
Копал. Стрелял. Стрелял. Копал.
Я пушки был наводчик.
Под Ржевом капонир копал.
Копал, копал – и вдруг упал.

Очнулся: в госпиталь попал.
С полгода провалялся.
И все... Отвоевался.

В парке

Однажды в парке утром рано
Сидели на скамейке ветераны
И вспоминали, как Победу добывали,
В Берлине, в Вене побывали.
А на груди у них сверкали
Награды: ордена, медали.
А недалеко на лужайке
Собралась молодежи стайка.
Все так шумели и кричали
И стариков совсем не замечали.
Один из них, молоденький парнишка,
Им показался резвым слишком.
О чем-то говорил, все хохотали,
А на груди его висели две медали.
А ветераны дальноркостью страдали,
И что ж они у парня увидали?
- Ах, сосунок, паршивец, нахаляга!
Надел он две медали «За отвагу»!
И ветеран с медалью «За отвагу»
Бегом к нему. Стал рвать на нем рубаху.
- Ты что, наглец, отца и деда здесь позоришь?
Враз две медали нацепил. А сам чего ты стоишь?
Сверкнув глазами, вдруг насупился парнишка
И протянул две наградные книжки.
- Вы зря, отец, ко мне пристали:
Ведь заслужил я их в Афганистане.
Старик опешил. Взял под козырек
И ласково сказал: «Прости, сынок!»

Котелок

У бывшей ели мы сидели:
Лицом на запад – я, он – на восток,
А между нами – котелок
(Трофейную конину ели).
У Ржева, под деревнею Чернушки,
Был накануне бой жесток.
Остались без своей мы пушки
И без друзей... Лишь цел был котелок.

«Везучие мы: уцелели, -
Сказал он мне, - живем, браток!»
Шальные пули вдруг пропели -
И он упал на котелок.
С тех пор я, наяву, во сне ли,
Все вижу этот котелок...
А если б мы наоборот сидели:
Лицом на запад - он, я - на восток?

Виталий КУНДЕРЕВИЧ

Память детства

1.

Машины шли. Они с постели
Дорожной поднимали пыль,
Одели в серые шинели
Кусты, деревья и ковыль.
Я вновь бежал за ними следом,
Чумазый, тоже весь в пыли.
Машины ехали не с хлебом,
Машины раненых везли.
Они подъехали к больнице,
Остановились у крыльца,
А я смотрел в чужие лица
И своего искал отца.
Я сразу стал годами старше
И даже в мысленном строю
Уже шагал, шагал на марше,
Чтоб раненых сменить в бою.

2.

Как было жутко, если б знали...
Расстроился теплушек строй,
Сирены в головы вбивали
Свой дикий непрерывный вой.
Как было жутко, если б знали...
По станционной полосе
Куда-то с мамой мы бежали.
Куда бежали - мы не знали.
Туда, куда бежали все.

Как было жутко, если б знали...
Был воздух порохом набит;
Моторы в небе так стонали,
Что плакала земля навзрыд.
Как было жутко, если б знали...
Вдруг наступила тишина.
Мы с мамой на земле лежали,
Казалось, даже не дышали –
Дышала пламенем война...
Мне приходилось брать котомку,
Мне приходилось хлеб просить –
И не желаю я потомкам
Такое в жизни пережить.

3.

Руки почти не слушались нас,
Землю копали до боли;
Это случалось с нами не раз
В мерзлом картофельном поле.
Черное небо в черном аду,
Рвут его тело разрывы.
Нам бы любую, только еду,
Нам бы весенней крапивы.
Пальцы, как черви, вновь пахоту
Мерзлую делят на части...
Больше нет мочи, невоготу!
Нам бы хоть капельку счастья.
Руки немеют, ноет спина,
Трем о ладошку ладошкой...
Так нас кормила в детстве война
Кислой и мерзлой картошкой.

4.

Стоит в деревне Пятихатки
На старом кладбище могила.
У ног ее, как мать-солдатка,
Плакучая склонилась ива.
У изголовья в круглом диске
На невысоком обелиске
Звезда, а в ней, в детской зыбке
Простая детская улыбка.
Он хлеб просил. Его за это
Фашист убил из пистолета.

Он хлеб просил в свой день рожденья
И был убит без сожаленья.
Не будь войны, мы были б вместе.
Но он лежит под обелиском.
И перед памятью о детстве
Я голову склоняю низко.

5.

Репродуктора четкий круг
Громко крикнул в эфир: «Победа!»
Залп орудий ворвался в слух,
В разноцветье оделось небо.
Зазвенела в саду сирень,
Травы поле накрыли пледом –
Вместе с солнцем родился день,
День великой, большой Победы!
День Победы! Он много лет
С нами в мирные дни шагает.
День Победы! Он много лет
Нас на подвиги вдохновляет.

Терновый куст

Ворвались бурей в жизнь его те годы,
Ворвались свистом автоматных пуль.
Но не смогла стальная непогода
Скосить великолепный куст по нуль.
Тот терн колючий смерти не боялся,
Он по-солдатски на земле стоял,
Снежинками-цветами распускался
И вместе с нами День Победы ждал.
Пришла Победа. Только не забыли
И с детства крепко помним мы о томи,
Чему мальчишками свидетелями были
Мы вместе с тем раскидистым кустом...
Шла мимо терна женщина с ребенком,
Навстречу два фашиста пьяных шли.
Раздался крик –
И вздрогнул воздух тонкий,
Ища спасенья у родной земли.
Терновый куст с колючими ветвями
Тем криком был расколот пополам...
Две пары рук с кровавыми кистями
Тянулись к двум беспомощным телам.

Ребенка вырвав, бросили в кусты,
 Над женщиной глумились до конца.
 Мы замерли в траве – травы той тише,
 И гневом наши полнились сердца.

Однажды осенью

Уже давно во злате ходит осень,
 Но боль и смерть текут из желтых глаз.
 А мы в сыром подвале Бога просим,
 Чтобы от смерти, если может, спас.
 Когда ж конец мучениям? Не знаем.
 Не знаем, сколько в темноте сидеть,
 И, словно черви, к щели подползаем,
 Чтобы на ад из ада посмотреть.
 А там свинцом смертельным брызжет вьюга;
 Земля, что лошадь, встала на дыбы,
 И убивают люди там друг друга
 По страшному велению судьбы...
 И вдруг подвала дверка задрожала,
 На старых петлях подалась назад –
 В дверном проеме нашего подвала
 Стоял совсем молоденький солдат.
 Лет восемнадцати он был, не боле...
 Где он сегодня? Хочется узнать.
 Быть может, по утрам выходит в поле,
 Чтоб воздухом холодным подышать.
 Быть может... А тогда он перед нами
 Пилотку снял и улыбнулся так
 Своими воспаленными глазами,
 Что поняли: пришел плененью крах!
 И вырвались в лохмотьях из подвала,
 Как будто из пещеры дикари...
 А где-то там, за кладбищем, рыдала
 Полоска рыже-огненной зари.

Мать

Я помню Дебальцево, станцию серую.
 Там хлюпала грязь, как болотная гать.
 Ни в бога, ни в черта я, право, не верую –
 Единственно верую в мать.
 Мы с ней убегали от воя небесного,
 Бежали от взрывов мы с ней в никуда.
 Как много ужасного и неизвестного

Пред нами стояло тогда.
Но знал я: от бомб и от града свинцового
Меня неизвестность не будет спасать –
Меня, босоногого, бритоголового,
В беде защитит только мать.
Она меня больно, в немом исступлении,
На землю толкала, собою прикрыв.
И ей, только ей я обязан спасением.
И только поэтому жив.

Отец

Рукав в кармане. Пустой рукав.
«Отец, рука где?». Не отвечал.
Рукой здоровой мать обнимал,
Меня как будто не замечал.
Вдруг на колени передо мной
Упал – в колени мне головой:
«Сыночек, жив ты?» - «Конечно, жив!»
Как мой отец был тогда красив!
Меня он тискал одной рукой,
Колол колючей своей щечкой,
А слезы градом текли из глаз.
Я, слез не знавший, ревел в тот раз.
И похоронку из сундука
В кулак зажала его рука...
Какое счастье, что наконец
С войны вернулся живым отец!

Солист

Его телега по полю трясла.
Но жизнь в солдате все-таки жила.
Очнувшись, вспомнить он никак не мог,
Как оказался без обеих ног,
Откуда этот бледно-желтый свет,
Когда и как попал он в лазарет.
Он помнил только черный столб земли
И чьи-то крики рядом и вдали...
Потомки знают о войне из книг,
Она – лишь наше прошлое для них.
Но до сих пор в моих ушах звенит,
Как по вагону песни инвалид.
Он по вагону медленно катил –
И песнями вагон заморозил.

Под ним была тележка-самокат,
 А на груди колодочки наград.
 Он пел про море счастье, про любовь,
 Да так, что в жилах холодела кровь.
 Он песни пел про всенародный герб.
 Он просто зарабатывал на хлеб...
 Не видел я войны страшнее той.
 И я сегодня жить хочу без войн,
 Без лазаретных няnek и телег,
 А главное – без юношей-калек.

Перо №86

Нет, не гусиному и не утиному
 Я отдаю заслуженную честь –
 Послевоенному, с отливом бронзовым,
 Перу с пометкой «восемьдесят шесть».
 В бурду чернильную его макал слегка
 И между строк газетных выводил
 Крючки и палочки, совсем не так пока,
 И с ним одной чернильной жизнью жил.
 Я это перышко, чуть полукруглое,
 В пенале прятал, сделанном отцом,
 И вновь старательно писал им буквы я,
 Чтобы назвал учитель молодцом.
 Теперь красивые, с любым орнаментом
 Автоматические ручки есть.
 Но мне хотелось бы поставить памятник
 Перу с отметкой «восемьдесят шесть».

Нина РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Была война

Опять стучится день войны
 В мою встревоженную память,
 День черный, страшный для страны,
 Огнем войны навис над нами.
 В деревне рев, в деревне вой,
 Деревня залита слезами.
 Горели женщины бедой,

Любимых спеленав руками.
Мужчины шли на смертный бой,
Чтоб защитить детей и жен,
И каждый шаг земли родной
Был чьей-то кровью обожжен.
В тылу лишь женщины и дети;
И лошадей на фронт угнали –
Чтоб выжить всем на этом свете,
Коров в упряжки запрягали.
И всю войну нужда, и голод,
И связки рвавшая работа,
И похоронок жгучий холод,
И боль за близких, и забота.
И фронт и тыл – единый бой,
Одной надеждой люди жили;
Был тыл войною трудовой –
И потому мы победили.
Десятки лет промчались мимо
С победной памятной весны.
А может быть, и мой любимый
Ушел тогда в огонь войны?

Память

Прошное не надо забывать,
Хоть тревожно ворошить былое,
Замутится жизненная гладь
Прожитой житейскою волною
И скорей хватаешь валидол,
Захлебнувшись вздыбившейся болью,
Торопясь поставить на прикол
Мыслей бег, прорвавшийся на волю.
Жизнь мою прорезала война
Тяжестью на тоненькие плечи,
Памяти в душе звенит струна,
Я за упокой все ставлю свечи..
Я листаю тоненький альбом.
Вот они. Такие молодые,
Словно не покинули мой дом,
Смотрят с фотографий, как живые,
Те, что не дожили до Победы,
Не коснулись плеч и губ любимых,
Что кричали в письмах: «Я приеду»,
Тосковали болью нестерпимой.

И за них не выплаканы слезы,
 И могилы их в чужом краю,
 Где не шепчут русские березы
 Над могилой павших песнь свою.
 Ах ты, распроклятая война!
 Сколько душ ты скорбью придавила,
 Сколько горя выпито до дна –
 Помнит память, сердце не забыло.
 Спи, отец мой; спи, мой дорогой!
 Я тебя пережила годами,
 Ставлю свечки я за упокой,
 День Победы ты не встретил с нами...

Победа

Победа! Победа, Девятое мая!..
 Ревела деревня, весь ад вспоминая:
 Нужду, похоронки и проклятый труд,
 И то, что родные с войны не придут.

Мы все тебе отдали, дети войны,
 Мы жили, трудились во имя страны.
 Какой непосильный, немыслимый труд
 Детские плечи сквозь годы несут!
 Но мы не роптали, мы счастливы были,
 Мы в муках народных Победу добыли,
 Мы дом свой и землю свою защищали,
 Мы, дети, Победе святой помогали.

Нет, мы не роптали – работали, жили,
 Мы Родину нашу безмерно любили!
 И радость, и горе в обнимку стояли,
 Когда мы с войны приходивших встречали.

Мы выжили

Ветераны войны... Ветераны.
 Вот и прожит еще юбилей.
 Память рвет неостывшие раны
 Героической жизни людей.
 Как вы вырвали Родину нашу
 Из фашистских безжалостных лап!
 Жаль, не выпьют победную чашу
 Миллионы погибших солдат.
 О погибших безмерное горе...

Боже! Как вас любили и ждали!
Принесут похоронку на поле –
Всей деревней над нею рыдали.
Упадут на низины туманы,
Ветерок в перелесках заснет,
А в домах ждали вас неустанно,
Ждали: весточка с фронта придет.
И, застывши на миг пред иконой,
Перекрестится горестно мать,
Словно с Богом, коленопреклонной,
Легче верить, надеяться, ждать.
Но печаль уходила с заботой:
Ведь все помыслы заняты были
Беспросветной, тяжелой работой,
От которой все косточки ныли.
Вера – это бессмертье людей,
И Победа была наша вера.
За Победу платили мы кровью своей,
Чаша горького горя – не в меру.
И вот пришла, пришла весна
С ручьями, солнцем и остатком снега,
Что столько лет ждала страна,
Нам в сердце грянуло: «Победа!»
Победа! Победа! Победа -
На лицах и в капельках слез,
Средь леса весеннего бреда,
Средь крохотных листьев берез.
Всё пело. А солнце ласкало,
Все счастьем наполнены были,
И радостью все расцветало...
Мы выжили... Мы победили!
Помянем святыми словами
Погибших, их нет уже с нами,
Они вечно будут живыми,
Пока в мире есть о них память.

Вдовы

Давайте, дамы, посидим еще раз
За нашим вдовьим, дружеским столом,
Чтоб с тихой грустью снова вспоминалось
То время битвы с проклятым врагом.
Давайте, дамы, мы нальем бокалы
В складчину купленным и дорогим вином.

Ведь семьдесят годов прошло... Не мало,
 А мы грустим о времени ином.
 Мужья и женихи, смотрите с фото:
 Мы все надели праздничный наряд;
 Согнула жизнь нас горем и заботой,
 А ваши лица юностью горят.
 Мы так любить и помнить вас привыкли,
 Погибших в ненавистной нам войне!
 Давайте, дамы, за любимых выпьем,
 Тех, чьи могилы в дальней стороне.
 Любви святой несказанное слово
 Лежит на сердце инеем зимы...
 В народе нас назвали вдовы... Вдовы...
 Что это значит, знаем только мы.
 Давайте, вдовы, не грустить сегодня,
 Пусть старых песен зазвучит напев.
 Россия, наша Родина, свободна!
 Бокал вина поднимем мы за всех.

Клавдия РУБЛЕВА

Невесты

*Шулеповой
Анастасии Евдокимовне
посвящаю*

От Камчатки до Бреста,
 Взяв прицел на Берлин,
 Уходили невесты
 В дни ненастных годин.
 В кирзачах и бушлатах,
 В госпитальных халатах,
 Провонявших обильно
 Болью, солью и пылью...
 Так мечтали девчата
 В жениховы объятья
 Угодить, нарядившись
 В подвенечные платья.
 Но ночами тревожными,
 Укрываясь ресницами,
 Жизнь молили у Боженьки,

Осеняясь десницами.
Смерть косила мечты
Под бомбежками, пытками –
Небо вместо фаты
Звездным кружевом выткано...
И на бранных полях
Скорбь росой перламутровой
Омывает их прах
С лепестков незабудковых.
Подвиг ваш не забыт,
Женихи и невесты,
Подвиг ваш не забыт,
Им Россия жива!
Семьдесят мирных лет
От Камчатки до Бреста
Салютуем Победу
С благодарностью вам!

Мы помним

О сколько могил безымянных
Во чреве родимой земли
С военных времен окаянных,
Поросших страданьем живых.
Мальчишки рвались в эту бойню,
Годов прибавляя себе;
Срезала судьба их под корень,
Оставив юнцами навек.
Растут на могилах ромашки,
Глаза распахнув в синеву...
Мы помним о подвигах павших,
Шагая в парадном строю.
Но войны смолкать не желают
И, перерождаясь в террор,
Сражают, увечат, терзают –
На теле земли оставляют
Правителям вечный укор.

В День Победы

Свеча и яркие гвоздики
И седовласый ветеран
К земле склонили скорбно лики
За тех, кто жил еще вчера.
Листает время войн страницы,

Сгорая в пламени свечей...
 Кто затевает смерч бесчинства?
 Кому потребно и зачем?
 Мелькают перед взором тени
 Юнцов, отцов и матерей,
 Чей подвиг в сотнях поколений
 Чтить будем до последних дней.
 Они за наш покой сражались,
 Мечты кровавою слезой,
 Как незабудки, поливали,
 Уйдя в последний смертный бой.
 Их, выживших, осталась горстка,
 Но, недуги зажав в кулак,
 Несут свои награды, гордо
 Равняясь на Российский флаг.
 Оправдан ли их подвиг жизнью,
 Коль процветает наркота,
 Коль носят свастику нацисты,
 Коль студит старость нищета?
 Но стужа, верю я, минует.
 И нынче вновь Победный май!
 И, в память павшим салютуя,
 Честь воздает моя страна!

За родную землю

*Дяде моему
 Попову Ивану Ивановичу,
 пропавшему без вести*

Прощайте, Кытлым и горы,
 Школа, друзья и родные!
 Не мог поступить по-другому,
 Коль землю попрала чужие.
 Винтовку держать научили –
 И мчусь я с Урала на запад.
 И вот я в окопе и в глине,
 А все, что вокруг, - хуже ада.
 И мысли клокочут от боли,
 И сердце взрывается местью...
 И я приготовился к бою,
 Но что-то в окопе мне тесно,
 Не робкого я десятка;
 Победа – за нами, я верю...
 Была неравною схватка,

Но танк фашистский расстрелян.
А рядом такие же парни;
Вой жуткий и жалом – осколки,
Фонтанами кровь, ноют раны...
И день нам покажется годом.
Отбита шальная атака,
И вышел из боя я белым...
Природа беременна мартом –
Затишье запело капелью.
Рыдает душа: где ты, Боже?
Нам время любить, наслаждаться.
Зачем допустил эту бойню?
И как нам в живых остаться?
Ждет мать, ждут подруга, родные.
Победа – за нами, верю.
Но головы наши – седые.
А нам лишь семнадцать... с капелью,
Атака гремит за атакой,
Ручьи от беды покраснели...
Мы гоним фашиста на запад.
А Родина плачет капелью.

Татьяна СЕМАКИНА

Военное лето

*Ветеранам войны
посвящается*

Закаленный месяцем июнем,
В бой стремился каждый рядовой.
Как же вам, восторженным и юным,
Доставалось на передовой!
Шли в атаку с честными глазами
И, конечно, не за ордена.
Вы сдавали Родине экзамен:
Ведь она у вас была одна.
Все четыре года шла Победа
Вместе с вами в доблестных войсках.
Лишь полоска огненного следа
Пеплом серебрилась на висках.
Вы сражались в пламени пожара,

Не жалея времени и сил.
 Не было б на свете Качканара,
 Если б мир войну не погасил.
 Значит, он обязан многим странам
 Ярким появлением своим.
 Говоря спасибо ветеранам,
 Мы на вахте памяти стоим.
 Не было бы города на карте,
 Не было бы зданий и дорог.
 Хорошо бы к каждой школьной парте
 Прикрепить хотя бы пару строк.
 Ведь должны потомки знать об этом,
 Как, забыв налаженный комфорт,
 Вот таким же синеоким летом
 Вы от школьной парты шли на фронт.
 Превращалась в серебристый пепел
 Молодость, сгоревшая дотла.
 Каждый победитель ликом светел,
 И душа у каждого светла!

Боевая слава

В Качканаре боевая слава
 Начиналась с самых первых дней.
 Те, кто воевал, имели право
 Говорить торжественно о ней.

Ветераны армии и флота,
 Землю не отдавшие врагу,
 Взяв награды с памятными фото,
 Строить город ехали в тайгу.

Их воспоминания правдивы:
 Неразлучны с памятью бойцы,
 И хранят семейные архивы
 Доблести солдатской образцы.

Встало в строй иное поколение -
 Тех парней позвал Афганистан.
 Вновь в рядах военных пополнение,
 Снова под огнем экзамен сдан.

Подрастали в городе ребята -
 Их уже Кавказ встречал огнем.

Отзвуки тревожного набата
Все сильнее в мире с каждым днем.

Помнить всех погибших поименно –
Для живых потомков главный долг.
Шелестят священные знамена,
По земле идет бессмертный полк.

Люди берегут приоритеты
С фронта не вернувшихся полков,
Бережно несут они портреты
Павших на войне фронтовиков.

Принимают внуки эстафету,
Письма с фотографиями шлют.
Пусть несут достойно вахту эту,
Пусть гремит в честь воинов салют!

Не бывает подвига без риска,
Нет без восхожденья высоты.
В парке городском у обелиска
Постоянно свежие цветы.

В Качканаре слава боевая
Сразу, может быть, и не видна:
Ведь герои, в обществе бывая,
Редко надевают ордена...

Военный вальс

Вальс довоенной поры
Всех приглашает на круг.
Белый халат медсестры
Птицею выпорхнул вдруг.
Следом взметнулся другой,
Стало их больше числом.
Дама взмахнула рукой,
Словно лебяжьим крылом.
Двигается в танце она
Плавно, изящно, легко.
Вот уж качнулась волна,
Белая, как молоко.
Замер в полете халат,
Стих на мгновенье вальсок.

Вдруг появился солдат –
 Строен, подтянут, высок.
 Он в гимнастерку одет,
 Туго затянут в ремень.
 Льется мерцающий свет,
 Падает легкая тень.
 Форма мужчинам к лицу,
 Выглядят браво они.
 Свойственна даже бойцу
 Мощь нерушимой брони.
 Гордо сияет звезда
 Рядышком с красным крестом.
 Сделанный снимок всегда
 Людям напомнит о том.
 Кружится весь коллектив,
 Видно сплетение рук.
 Вечный красивый мотив
 Всех приглашает на круг!

Татьяна ШАТУНОВА

Невыдуманная история

*Педагогам военного времени
посвящается...*

Карточка - квадратики бумаги -
 На ладони старческой лежат.
 Для чего, сейчас и не понять нам,
 Старики так ими дорожат.

Маленький квадратик, цифры, буквы.
 Чётко дата: сорок первый год.
 Будят, будят вновь воспоминания,
 Память ошибиться не даёт.

Детский дом, детишки, мастерская,
 В детских пальчиках упрямая игла.
 Здесь, в Висиме, тишина такая.
 Не до смеха: вот она, война.

- Всё для фронта, для победы, дети,
Будем шить кисеты и бельё.
Главное – победа, и не важно,
Что не очень сытое житьё.
Трудятся усталые девчонки,
Пальчики исколоты, болят.
Как же подбодрить их? Поддержать бы.
Чем же ей обрадовать девчат?

Карточка на сахар, на конфеты.
На ноябрь, на месяц – вот она.
Жалко, правда, жалко, только дети
Ведь не виноваты, что война.

Отоварю карточку. Конфеты -
Часть домой, а часть для мастериц.
Всё равно мы будем улыбаться,
Ты не сломишь нас, фашистский Фриц.

Карточка на старческой ладони
Целая, без вырезов лежит.
Сколько лет прошло, военных, мирных -
Женщина та до сих пор грустит:

Нет, не получился детский праздник,
Хоть сиял как сахар белый снег.
Ни один талончик не отрезан:
Не было тогда уже конфет.

Вот и сберегла, и сохранила,
Внукам показала невзначай,
Вспомнила, как в полумраке пили
Дети жидкий и не сладкий чай.

И вздохнула: да, и это было,
Что теперь бывшее вспоминать.
Карточку - реликвию и память
Решено музею передать

Пусть хранится людям в назиданье,
Как хранилась семь десятков лет
Карточка на сахар и конфеты -
Память тыла тех далёких лет.

Николай ШЕПЕЛЕВ

Пуля

Пуля всю ночь за солдатом гонялась,
Светящийся след её выдавал.
К утру на излёте она кувыркалась;
Солдат своё сердце за ночь загнал.
«Солдат, подожди, - пуля жалобно просит. –
Подставь свою грудь и геройски умри.
Не я – так другая тебя всё ж подкосит:
Роями летают они, посмотри».
Солдат, задыхаясь, ответил: «Нет, дудки.
Другие не знают ещё про меня.
А я дотяну до конца эти сутки,
Бесспорно, ты - смерть, но смерть не моя.
Твой порох сгорел, и видишь ты плохо.
Выходит, что песня уж спета твоя.
Во мне же надежды пусть малая кроха,
Но эта надежда к жизни моя».
Пуля влетела в расщелину камня,
Присел и солдат, сигарету достал.
Пуля огонь предложила. «Нет, сам я», –
Вертя сигарету, солдат ей сказал.

Дымок сигаретный с туманом смешался,
Пулю солдат в платок завернул.
«Жив!» – крикнул он и до слёз рассмеялся,
А после, как в детстве когда-то, зевнул.

Тертый солдат

Годы безжалостны к старым солдатам,
Слава которых овеяла их.
Теперь маршируют другие ребята,
Приняв эстафету от дедов своих.
Коней заменили машины стальные,
И пули подальше находят мишень.
Только сердца у внуков такие,
Как и у дедов в тот памятный день.
Далёк восемнадцатый, спрятали годы.
Сейчас и разлука, может, не так.
Но так же в атаку бросаются взводы,
Сердца зажимают солдаты в кулак.

И некогда думать о славе ребятам,
Только бы выжить в шквале огня.
Кто-то из них на гражданке девчатам
Скажет потом: «Самым храбрым был я».
Пусть он соврёт, как малый ребёнок.
Он заслужил немного приврать.
Кто-то в то утро тянулся спросонок,
А он утром тем был готов умирать.
Но выстоял, выжил в том урагане,
И вот он вернулся в дом свой родной.
Запомнил надолго поле той брани
Тёртый солдат – такой молодой.

Закончить войну

Скорей бы закончить войну
И павших всех отыскать
Солдат, защищавших страну,
Да тех, кто пришел убивать.
На холм всех своих отнести.
С салютом их там схоронить.
Потом обелиск возвести,
Живые цветы возложить.
А тем, кто пришел убивать,
Подальше местечко найти,
Поспешно земле их предать
И, не ругаясь, уйти.
Поставить бы точку войне
И крови следы затереть...
Но выстрел опять в тишине,
А с выстрелом - новая смерть.
Война продолжается там.
Последний солдат. Кто за ним?
Неужто лишь грезится нам
Тот мир, что всю жизнь мы хотим?

Парад Победы

Пласт времени семи десятков лет
Вторую мировую схоронил.
Мы помним тех, кого сегодня нет,
Тех, кто в жестокой схватке победил.
Враг налетел коричневой чумой,
Европу, словно девочку, подмял.
Солдат советский, вечный и святой,

Разящий меч на свастику поднял.
 Ночь разукрасит праздничный салют,
 Цветам у обелисков нет конца.
 Россию с новым флагом познают
 Седые ветеранские сердца.
 Вихрь перестроечный державу раскачал,
 Но держится Отчизна на ногах
 Под Гимном, что иначе зазвучал,
 С трехцветным флагом на семи ветрах.
 Орденоносцы, что вам пожелать?
 Пусть долго будет слышен звон наград.
 Сегодня мы должны вас защищать,
 Любуясь на торжественный парад.
 Слезой от ветра застилает взгляд.
 Мы верим в свою Русь – свою страну.
 Победный майский славен будь парад!
 Мы снова выстоим, как в ту войну!

Надежда ШУЛЕПОВА

Мы ничего не знаем о войне

Блаженно щурясь в утреннем рассвете,
 Витая взглядом в яркой синеве,
 Беспечно мы живём на белом свете
 И ничего не знаем о войне.
 Лишь, развалившись в тёпленькой постели,
 Шурша газетой в сонной тишине,
 Мы о войне читаем, но на деле
 Мы очень мало знаем о войне.
 И, устремляя взоры на экраны,
 От новостей порой разинув рот,
 Мы на войну глядим – на трупы, раны...
 И... доедаем с маслом бутерброд.
 Вздыхаем мы, сочувствуем по-братски
 И, оставаясь где-то в стороне,
 Глотаем чай, напяливаем цацки -
 И забываем тут же о войне.
 Мы забываем времена и даты,
 Кого, когда и кто похоронил,
 Ложатся в землю русские солдаты,

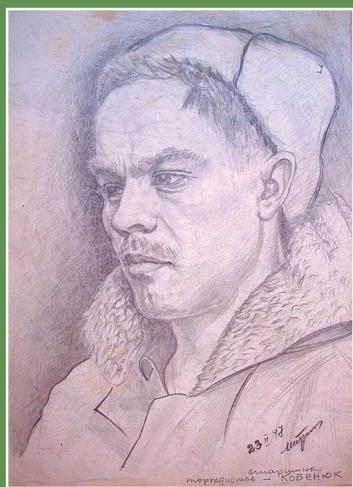
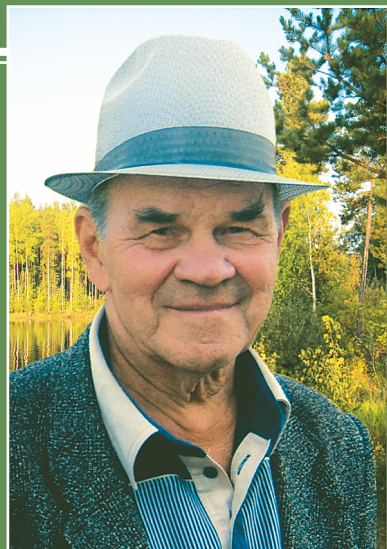
И расцветают холмики могил.
Там поневоле замирает слово,
Взмывают в небо стройные кресты,
Там на коленях молодые вдовы
Кладут любовно на гранит цветы.
Там матерей горячие слезинки
Тихонько гасят у свечи огонь,
И горе прячут в складочках морщинки,
И утихает за молитвой боль.
Такую боль не залечить годами.
И, оставаясь с ней наедине,
Так и живут. Тихонько. Рядом с нами.
И очень много знают о войне...

И.И. ПЕРМЯКОВ

Среди участников Великой Отечественной войны, «мобилизованных и призванных» на строительство Качканара, был И.И.Пермяков – моряк-подводник, защитник Советского Заполярья. Его вклад в строительство города и комбината оказался, в прямом смысле этого слова, зримым. Приметы романтической эпохи и герои великой стройки запечатлены им в художественных полотнах.

Родился будущий художник в 1924 году в посёлке Кытлым, бывшем в то время районным центром (в 1933 году Кытлым передаст «столичные» функции посёлку Ис). Трудное детство – примета того времени – не погасило искру таланта: мальчик очень любил рисовать. С улыбкой Илья Изосимович вспоминал свой детский «шедевр» - портрет Сталина, нарисованный на печи, и «гонорар» за него – взбучку от родителей.

В 1940 году юноша отправляет в город Нижний Тагил - получить рабочую профессию в фабрично-заводском училище. Там же его настигла Великая Отечественная война. Там же он сделал первый вклад в будущую Победу: начинал снаряды смертоносной начинкой.

А уже в 1942 году – на фронт. Точнее – на флот, самый прославленный, Северный. Служил на подводной лодке дизелистом. «Я – дизелист, - рассказывал Илья Изосимович, - если не буду дизель обслуживать, не буду клапучки открывать и закрывать вовремя, я затоплю лодку. Ответственность на дизелисте очень большая: это ход, ноги корабля». Так ответственно и нёс службу старшина 2-й статьи Пермяков, за что получил медаль «За боевые заслуги». А в запас уволился только в 1950 году! На память о том времени он сделал карандашные портреты товарищей.

После войны И.И. Пермяков заканчивает Казанское художественно-педагогическое училище и становится профессиональным художником.

КАЧКАНАРСКИЕ
ГРАНИ

В таком качестве судьба забрасывает его в Качканар, где он работал в строительном тресте и на горно-обогатительном комбинате. В основном это была оформительская работа. Однако при этом написал полотна, которые украсили бы картинную галерею, если бы таковая была в Качканаре. Часть художественного наследия хранится в семье, некоторые картины можно увидеть в выставочном центре Качканарского ГОКа.

В наиболее полном объёме творчество мастера было представлено на персональной выставке, состоявшейся в 2005 году в городском музее.

Очень сильное впечатление производят полотна, на которых художник запечатлел уголки своей малой родины. «Кытлым», «Усть-Тылай» - только названия завораживают!

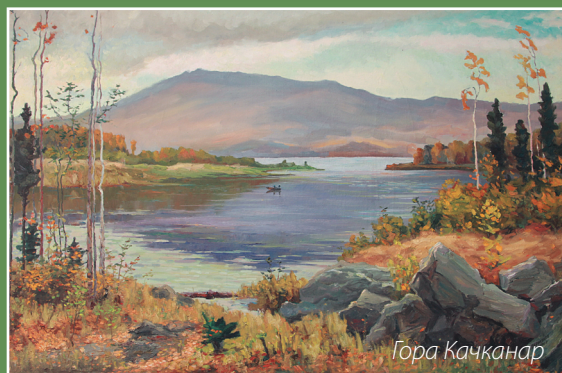
А какая в них суровая и величественная красота уральского севера!

А вот картины с видами Качканара и горно-обогатительного комбината поднимают настроение своим каким-то особым теплом. Привлекает в них ещё момент узнавания: написаны они в 60-70-х годах, а город и комбинат с той поры видоизменились. В этом плане они ещё и своеобразный исторический источник.

А какие сильные и глубокие портреты! Будь то родственники или передовики производства. Просто удивительно, как автор художественными средствами передаёт глубокий внутренний мир и красоту своих героев!

Пелым

Гора Качканар

Портрет
рабочего Ф. Цирюльникова

Уже 10 лет нет с нами И.И.Пермякова, но имя его навсегда вписано в художественную летопись Качканара.

Улица Октябрьская

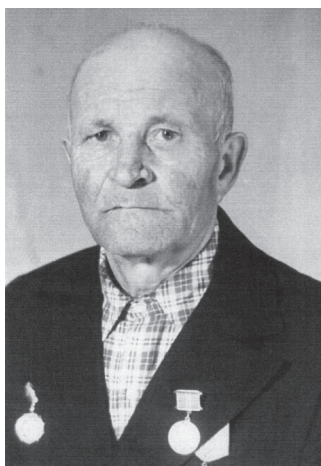
КАЧКАНАРСКИЕ
ГРАНИ

ПРОЗА

Михаил РОГОЗИН

Рогозин Михаил Васильевич родился в 1919 году в посёлке Серебрянка. Рано осиротел, воспитывался старшей сестрой, жившей в посёлке Ис. В 1940 году призван на службу в пограничную морскую охрану на Дальний Восток. Участвовал в войне с Японией в 1945 году.

После службы приехал на Ис, работал в Исовском комитете ДОСААФ, леспромхозе. С 1967 и до выхода на пенсию в 1977 году работал в Качканарском ГОКе слесарем по ремонту горного оборудования. Награждён орденом Трудового Красного знамени.

В годы службы написал автобиографические заметки, несколько рассказов и повестей. Один из рассказов предлагается вниманию читателей.

ПРИКАЗ ВЫПОЛНЕН

Только что затерялись бледные лучи Камчатского яркого солнца за густо идущими белыми облаками. Возвышавшаяся напротив гора курилась: её вершина представляла собой вулканический котлован, грозящий взорваться каждую минуту очередной раз залить своей лавой огромное пространство вокруг.

Корабль «К» возвратился с оперативного задания. Пройдя ворота, он оказался защищен от зноя, царящего над морем: бухта была окружена сопками. Они были так близко, что видна была каменистая почва, покрытая мхом, лишайником да небольшими кустиками. Темноватый покров тихого штиля лежал на всей Петропавловской бухте. Корабль, развернувшись на середине её, застопорил машины. Команда готова была к любому авралу. В машинном отделении зазвенел телеграф, дав команду: «Средний назад!».

В то время, когда машинисты производили маневр, на верхней палубе команда любовалась видом шумного города, прекрасней-

шего сада, расположенного на вершине сопки с поэтическим названием «Сопка любви». В этом саду тысячи горожан проводили свой досуг.

Несколько минут корабль еще по инерции двигался вперед, затем машины загасили движение, и «К», покачиваясь, стал сдавать назад. Одновременно прозвучала команда:

– Отдать якорь!

– Есть отдать якорь, - четко повторил боцман, нажав ногой на цепной тормоз, - и 500 килограммовый якорь, гремя цепями, вошел в морскую пучину. Через мгновение рога адмиралтейского якоря впились в грунт, затормозив ход корабля.

Снова молодой командир корабля Сизов нажал на рукоятку телеграфа, и машины остановились. Раздался звонок отбоя, и по железной палубе рассыпались дробью шаги сотен ног. Приняв сигнал об отбое, команда машинного отделения, грязная, но весело улыбающаяся, направилась умываться. С камбуза доносился дразнящий аромат, еще немного, и... раздалась дудка посыльного: все на ужин! На полубаке прозвучала склянка: «шесть часов». Корабль утих. Сквозь мертвую тишину слышен был мерный стук дизеля. Темнота окутала все кругом. С наступлением темноты город, расположенный на самой окраине Камчатки, расцвел тысячами электрических огней, в черное небо взлетали цветные ракеты, с каждой минутой городской шум нарастал. На Сопке любви гуляли влюбленные пары. Танцевальная площадка и беседка были усыпаны только что выпавшим снегом.

На корабле тоже вспыхнули огни, возвещая праздник всего Советского Союза. Команда корабля собралась в первом кубрике для проведения торжественного вечера. Маленькое уютное помещение было до отказа заполнено людьми с голубыми воротничками, напоминавшими волнующееся море. Было тихо. Все ждали командира. Запыхавшийся рассыльный, щелкнув каблуком, доложил дежурному, что капитан приближается. По верхней палубе раздалась шага. Миновав камбуз, дизельную трубу, командир вышел под левый ростров. У трапа раздалась команда: «Смирно!», затем всеми любимая: «Вольно!» Подойдя к столу, покрытому кумачом, комиссар начал свою речь...

Кругом тихо, черные морские волны налетают на стальной корпус корабля и разбиваются на мелкие круги, от которых нежно покачивается наш великан. По ходовому мостику, на юте двигаются вахтенные, зорко вглядываются в ночную мглу, вслушиваются в каждый шорох. Но им не услышать того, как в эфире среди множества волн несутся вести, радостные для победоносной Страны Со-

ветов. Тысячи и тысячи людей разных национальностей замерли у своих приемников. Но вместе с веселыми передачами идут и другие, ультракороткие волны местного значения. В радиорубке сидит в наушниках старшина 2 статьи, он прослушивает эфир. Вдруг раздались позывные. Прижав плотнее телефоны, радист послал в эфир несколько точек и тире:

– Перехожу на прием. – Скоро его рука записывала срочную телефонограмму. Но, что было в ней, он не знал, т.к. это были лишь цифры. В них была какая-то тайна, которую предстояло разгадать кодировщику Бабушкину. Через полчаса с шифрпоста выскочил старшина Бабушкин, бегом бросился в кубрик и, не обращая внимания на докладчика, передал записку командиру. Задумавшись на секунду, командир положил записку комиссару. Тот, не прерывая доклада, быстро пробежал записку глазами. Только тогда, остановившись, повернулся к командиру, посоветовался с ним и обратился к команде:

– Товарищи командиры и краснофлотцы! Получена радиограмма, мы должны срочно выйти в море. Теперь главное подготовить корабль к походу. Разойдись! Настроение было такое, какое могло быть у моряков, которые хотели отдохнуть после недельного похода, после морской качки, после долгого недосыпания. Как хотелось наверстать упущенное! Но если партия дала задание – у всех одна мечта: выполнить его в срок и хорошо.

Через 20 минут старший лейтенант Платонов, как старший помощник командира, проверил готовность команды и корабля к походу и доложил командиру. Командир знал, что под утро погода ухудшится – по небу ходили черные тучи, закрывая луну. Ветер с каждой минутой крепчал, иногда срывая с гребня волны пену, превращая ее в пыль. Трудно было раскачать этот старый Тихий океан, прадеда морей, но приближающаяся буря гнала большие валы, в которые уходил нос корабля, задирая вверх киль так, что оголялись форштень и ахтерштень. Оставшись без нагрузки, винты развивали бешеные обороты, от которых весь корабль сотрясался от стука многотонных поршней, воя дизелей. Но закоренелые моряки уже привыкли к этому. На ходовом мостике стоят дежурный вахтенный командир и командир корабля в теплых кожаных пальто, шубенках, шапках. Вокруг вой морской бури, по полубаку не пройти, на юте для удобства передвижения натянута леера.

Старшина Кузницын находился в первом кубрике, где меньше качало. Под утро он с рядом старшин и командиров отделений хотел проскочить в кормовые кубрики. На верхней палубе вода была по колено. Внезапно корабль сделал правый крен, моряки поймались

за шваберный ящик, но не успели сделать и шагу, как корабль мощной волной отбросило влево, и они полетели в противоположную сторону на сетку, куда складывали подвесные койки. Ударившись спиной, они все же успели ухватиться за висячий аварийный пластырь. Дождавшись, когда корабль будет делать обратный крен, они двинулись вперед. Удар был такой сильный, что их бросило на котельную дверь, но они, готовые к неожиданностям, ухватились кто за что мог. Переборов еще несколько сильных ударов, они кое-как пробрались к трапу, где спрятались за воздушный колпак машины в ожидании такого момента, когда корабль взлетит на гребень волны, и у них появится несколько секунд, чтобы проскочить опасное место. Вот первый из них бросился вперед к растянутому лееру. Только он успел ухватиться, как сильная волна накрыла его с головой. Захлебнувшись соленой океанской водой, он все-таки не разжимал рук, ибо знал, что тут же окажется в холодной разъяренной морской пучине. Как только корабль накренился влево, и вода схлынула, моряк бросился вперед, вцепился чехол пушки. Новая волна, такая сильная, что трещали крепления, накрыла его. Увидев, что с левой стороны вода ушла, он кинулся туда что есть силы. Успел пробежать до середины кормовых машинных моков, схватиться за бортовую стойку, и снова стопудовая волна прижала его к стойке с леерами. Едва не теряя сознание, он крепко держался за стальную упругую спасительницу. Волна подхватила его, затем, схлынув, отпустила, и он ударился о световой машинный мок. Собрав последние силы, моряк бросился вперед, поймался за медные поршни кормовой рубки, а корабль снова и снова кидало волной то на правый, то на левый борт. Но он уже был в безопасности и, перебираясь по поршню, все ближе приближался к двери кубрика и, наконец, был под его защитой. Обессиленный борьбой со стихией, он спустился вниз по трапу, держась за поручни обеими руками. Переодевшись в каюте, он лег и, закрыв лицо руками, заново переживал те мгновения, которые отделяли его от смерти. Остальные товарищи, увидев, что произошло с Кузницыным, не рискнули идти за ним и наблюдали издали, переживая каждый его шаг, готовые броситься ему на помощь. Увидев, что товарищ жив, они вернулись в кубрик.

В то время, когда Кузницын пытался вырваться из лап смерти, у штурвала боролся со стихией опытный старшина. Он не раз вел корабль заданным курсом в грозный шторм. И сегодня корабль напоминал пташку, удирающую от великана-слона.

Давно уже сквозь свинцовые тучи пробился свет нового дня. Несмотря на шторм корабельная жизнь не замирала. На камбузе вме-

сто чая и обеда была готова картошка в мундире. Ее раскладывали в эмалированные кастрюли и подвешивали в центре кубрика, т.к. поставить было нельзя. Каждый из краснофлотцев или стоял рядом со своей посудиною, или сидел в каком-нибудь уголке, упершись, чтобы не упасть. Добраться за добавкой было сложно. Краснофлотец Мирошник сделал шаг, его подхватила какая-то сила и понесла вперед, он ухватился за пилерс, рванулся вперед, к бачку, корабль же снова бросило в сторону. Мирошник, запнувшись о чьи-то ноги, грохнулся на палубу, в кубрике раздался оглушительный смех. Он попробовал встать на ноги, но сильный деферент бросил краснофлотца на середину кубрика пластом. Смех, несмотря на то, что это могло случиться с каждым, усилился. Мирошник же продолжал пробираться к висячей кастрюле. Не успел он подняться, как его отбросило к рундукам, о которые он ударился головой. Так метало его по кубрику еще какое-то время под дружный смех команды. Все-таки ему удалось добраться до картошки, набрать ее полные карманы и устроиться в своем углу. Следующим смельчаком оказался Еремеев. Молодые жизнерадостные люди разных национальностей, сплоченные дружбой и службой хохотали забыв о смерти, которая постоянно была где-то рядом. Сейчас они представляли собой одну крепкую семью, в каждую секунду готовые драться с любым врагом...

Корабль, сбавив ход, заходил за южный мыс, прячась от порывистого ветра, от сильнейших океанских волн. Он встал на якорь у берегов высоких продолговатых гор. Здесь была небольшая зыбь. Краснофлотцы, выходя на полубак, подолгу любовались еще неизвестным побережьем. С правой стороны мыса торчали высокие камни и валуны, они не позволяли кораблю подойти ближе. Скоро вся эта красота потонула в весеннем ночном мраке. Корабль утих. Лишь часовые, прохаживающиеся на верхней палубе, баке и полубаке вглядывались в темные очертания морского простора. Где-то за мысом все еще стоял грохот волн, разбивающихся о скалы.

Только к обеду следующего дня после авральных приборок личный состав был собран в столовую. В мертвой тишине все ожидали того, что хотел бы услышать каждый боец.

Небольшие голубоватые волны качали наш боевой корабль. В столовой становилось душно. Приветствуя командира, вся команда встала. Он кашлянул в кулак, оглядел собравшихся острым ласковым взглядом:

– Ну, как, товарищи, чувствуете себя?

– Хорошо, – раздалась дружные голоса. – После этого команда приступила к обеду. А командир обратил свой взор на тихого исполнительного украинца. У него щеки всегда были пухленькие и румяньенькие, а вот качки он не выдерживал.

– А как ты, Ялоза?

– Да, плохо было. Все пришлось лежать, – ответил тот, вызвав смех в кубрике.

Командир встал. Теперь он был подтянут и строг. Все замерли, ожидая, что он скажет. Он произнес твердым решительным голосом:

Товарищи командиры и бойцы-краснофлотцы! Я собрал вас сюда, чтобы довести до вашего сведения приказ правительства, который предстоит выполнить в ближайшие дни вопреки всем трудностям. Несколько лет тому назад в Заполярье вышли три наших парохода. Все эти годы они трудились для блага нашей Родины. Замерзая во льдах, в труднейших погодных условиях они несли свою службу. Но 1 декабря один из них передал отсюда свою последнюю радиограмму. Видимо, налетев на подводные камни, он затонул в этом квадрате. Наша задача обнаружить его. Задача, кажется, небольшая, но сложная, т.к. здесь всю осень штормило. Но я надеюсь на ваши силы.

Дружное «сделаем», произнесенное сотней голосов, было слышно даже на верхней палубе. На этом командир закончил собрание, выразив надежду, что боевые расчеты будут готовы к выполнению задачи уже через час. Раздалась команда дежурного: «Встать! Выходи!» В кубрике царило шумное оживление, горячие сердца теперь жаждали одного: искать, искать.

В боевой рубке, разложив на столе карту района, пристально разглядывал ее, промерял циркулем, что-то записывал в книжке. Сигнальщики, рулевые готовили ходовой мостик. Пушкари укрепляли свои боевые посты, натягивали чехлы, осмотрев матчасть, готовили арт.запас к немедленному действию. Просматривала отсеки, аварийное имущество боевая часть 5, машины замерли в ожидании, кочегары у своих топок посматривали на водомерные стекла, на давление пара. Хозяйственники выдавали на камбуз продукты для завтрашнего дня. Все командиры БЧ наблюдали за подготовкой. Старший лейтенант Платонов в своей каюте составлял списки десантной партии. Для этого нужно было подобрать таких людей, которые вынесли бы любые трудности. Когда пришло время действовать, каждый знал, где ему быть и что делать.

Вот раздался сигнал дудки: «По местам стоять, с якоря сниматься». Корабль пошел тихим ходом недалеко от берега. Пятеро с кормы постоянно прослушивали дно. Для этого отпускали привязанный к штерту чугунный предмет. Под силой тяжести он падал, ударялся о воду. При ударе раздавался глухой звон, что указывало на твердый грунт. Через каждые полчаса вахта менялась. На мо-

стике же находились пункты, с которых велось наблюдение за побережьем.

На ходовом мостике, потирая замерзшие от холодного осеннего ветерка руки, стоял командир. Изредка слышалось: «Лево руля, так держать». Стоящие рядом сигнальщики дублировали сообщения наблюдателей: «Правый борт. Курсовой 30 ° черный предмет, расстояние 20 кабельтовых». Командир и особый досматривающий пост берутся за бинокли, чтобы разглядеть предмет. Но в большинстве своем это пни, коренья. Следов полярного судна нет. Так, в тщательных поисках проходят секунды, минуты, часы...

Похолодало. У стоящих на верхней палубе мерзли ноги, и поэтому по всему кораблю раздавалась мелкая дробь. Но люди молча, не жалуясь на трудности, несли вахту, глядя вперед. Вдруг с юта раздался крик. По сигналу командира «Машинам стоп» корабль остановился. Старший лейтенант Кутарев, первым прибывший на ют, спросил у Мирошника: «В чем дело?» Тот, разведя руками, произнес: «Наш груз зацепился за что-то». Подоспевший в это время командир, узнав, в чем дело, улыбнулся: «Чем черт не шутит! А вдруг там пароход?» – и тут же распорядился отдать левый якорь. Дали задний ход, но якорь тащился по грунту так, что слышен был стук. Было решено якорь поднять, но груз со штертом оставили на дне.

Солнце тем временем давно зашло за какую-то продолговатую гору, краснофлотцы одели бушлаты, поверх них шинели, но не покидали своего поста. Командир, видя, что поиски в таких условиях безрезультатны, повернул корабль на 45° и пошел по направлению мыса Двойной. Корабль, погружаясь в овраги морских волн, двигался полным ходом. Через несколько минут показался мыс. Подойдя к берегу, корабль встал на безветренную сторону и отдал якорь. Наступила мертвая тишина – после изматывающего шторма и трудной вахты личный состав крепко и сладко спал, не чуя ни стука, ни качки. Только вахтенные на верхней палубе ходили, внимательно и вслушиваясь в тишину и вглядываясь во мрак ночи. Черные тучи показались на горизонте, но небо было усыпано множеством звезд и ярко светило ночное «солнце» – луна. Легкие волны бились о стальной корпус. Так прошла ночь, не принеся никаких неожиданностей.

Командир корабля Сизов, принимая вахту у старшего лейтенанта Бойко, улыбаясь, пожал ему руку и поздравил с добрым утром.

Личный состав, отдохнувший, бодрый и веселый шел умываться. Корабль ожил в спорах и смехе. Командир, удостоверившись, что все в порядке, спустился в свою каюту. Она была отделана под дуб. Открыв дверку одного из шкафов, где располагались зеркало

и раковина, он умылся, взяв полотенце, утерся. Пришло время сделать записи в календаре. Он отметил черточкой число и записал: «Все в порядке. Ровно в 8 выхожу в море». В то же мгновение раздался стук в дверь, вошел вестовой Черновский, который, как и капитан, был родом из Севастополя.

– Завтрак принесите в каюту, - распорядился капитан.

– Есть, - бойко ответил вестовой.

Командир тем временем одев китель, продолжал приводить себя в порядок. Он причесал свои черные курчавые волосы, что было настоящим искусством. Закончив туалет, он снова сел к столу и начал быстро что-то писать. Вестовой, постучав, получив разрешение войти, быстро поставил на стол разнос с завтраком и поспешил в кают-компанию накрывать стол другим офицерам. Сизов левой рукой положил в стакан сахар, размешал его, не отрывая правой от записей. На лице его лежала печать глубокой задумчивости.

В эту минуту личный состав позавтракал и начал приборку. В камбузе шумели форсунки, коки торопливо готовили обед, выпекали хлеб. Корабль снова был готов выполнять поставленную задачу. Когда корабль огибал мыс, с юта кто-то крикнул, что в море – шлюпка. Сигнальщик Журавлёв тут же передал сообщение командиру. Сизов не отрывался от бинокля, его сердце радостно дрогнуло. Он торопливо крикнул: «Лево руля, держать на плавающие вещи». Команда высыпала на полубак, на юте и шкофуте копошились матросы, готовясь поймать что-нибудь. Видя такую расторопность, командир улыбнулся и снова прильнул к окулярам бинокля. Возле разбитой шлюпки плавали кадушки, хлеб, резиновые надутые мешки и другие вещи, которые тут же оказались на палубе и подверглись осмотру. Никто не мог скрыть разочарования, пытаясь ответить на вопросы: «что, как, отчего?» Корабль шел дальше, наблюдательные посты еще зорче вели осмотр морских просторов. Черные тучи весь день копились где-то на горизонте, но теперь они заволокли все небо, затруднив поиски. Усиливающийся ветер начал раскачивать корабль, и теперь его снова бросало из стороны в сторону, нос зарывался в пучину, что еще больше мешало поискам. Вечерело, но моряки, преодолевая морскую болезнь, вымокшие и озябшие, боролись со стихией, как настоящие морские волки. На ходовом мостике, пристально вглядываясь вперед, стоял капитан-лейтенант Сизов. Ему не раз уже предлагали спуститься в каюту, попить чаю. На это он отвечал: «Другим тоже требуется отдых, я не могу покинуть свой пост». И команда, глядя на своего командира, стойко преодолевала все трудности. Вот

такая была дружная команда на этом корабле. Только когда волны стали захлестывать мостик, и вся палуба и леера покрылись льдом, а темнота окутала корабль, розыски прекратились. Командир отдал приказ идти в Карагандийскую бухту, где было тихо и безветренно. Настала очередь кочегаров. Гудел котел под сильной струей солянки и воздуха, вода превращалась в пар, обогревая все кубрики, сушилки, где оттаивали брезентовые роботы для завтрашней работы. Корабль погрузился в сладкий сон.

До обеда второго дня корабль находился в Карагандийском проливе, пережидая шторм. Лед частично сковал море и корпус корабля. Только на 3 день море утихло. Командир решил перейти из залива в бухту «ложные вести», тем более, что не хватало пресной воды. Вход в бухту был очень удобен, поэтому вошли без особых трудностей. Чтобы лучше ориентироваться, направили луч прожектора на берег и обнаружили строения. С шумом отдав один из якорей, спустили на воду катер. Луна то и дело скрывалась за тучами, в бухте стояла тишина. Скоро десантная группа причалила к берегу, собираясь выяснить, что за население тут обитает. Почувствовав твердую почву под ногами, вдохнув полной грудью морозный воздух, ребята повеселели и, словно усталость рукой сняло, раздурелись. Но командир десантной группы ст. лейтенант Бойко прервал их веселье – надо было идти в поселок.

Сделав несколько шагов, моряки услышали шум. Когда луна показалась из-за туч, они разглядели людей, перебегающих от куста к кусту.

– Ложись, - скомандовал Бойко. – Все быстро легли. Увидев в нескольких шагах тень, он передал по цепи:

– Окружать и брать живым.

Какой-то человек крался вперед к катеру, видимо, хотел захватить его и отрезать путь к отступлению. Но не успел он сделать и двух шагов, как получил сильный удар в спину и упал. Придя в себя хотел закричать, но ему закрыли рот ладошкой.

– Кто такой? Откуда? – шепотом спросил Бойко.

– Известно, русский. Председатель колхоза.

– Зачем ты здесь? – развязывая ему скрученные руки, интересовался Бойко.

– Мы здесь всем селением, - и громко крикнул:

– Эй, Митька, собирай всех наших. Мы видели корабль, - продолжал он. – Думали японцы. Собрались отражать атаку.

И действительно, отовсюду выходили люди, вооруженные кто чем.

Всю дорогу до селения оживленно беседовали. Люди хотели знать очень многое, и ребята после морской качки на земле чув-

ствовали себя бодрыми и счастливыми, поютому охотно болтали с населением.

В одном из домов их пригласили к столу. Они опрокинули по чарке, потом по второй. Но скоро поняли, что злоупотреблять гостеприимством не стоит. Узнав, что требовалось, они отправились к катеру. Провожать их вызвались барышни. Тепло распрощавшись, моряки скоро были на корабле.

Было тихо, только слышно было гудение аварийного дизеля-динамо да беготню посыльного по кораблю.

С утра до обеда следующего дня корабль драили. В обед дежурного командира засыпали вопросами об увольнительных. Дежурный офицер обещал передать их просьбу командиру. После обеда не полубаке раздались звуки баяна, которые собрали много краснофлотцев. Рассевшись, кто на пушечную тумбу, кто на волнорез, моряки заслушались баяниста. Вдруг меха баяна разошлись, пальцы музыканта забегали по клавишам. Раздалось ритмичное вступление. Старшина Гонтарь, подойдя к леерным стойкам, запел мягким голосом знакомую песню. Товарищи заулыбались, вспоминая о своей родине, родных, близкиз, женах. Тихий голос тянул:

*Что печально ты смотришь на море?
Зачем очи потухли твои?
Или сердце волнуется в горе?
Что с тобою, товарищ, скажи.*

К нему подошли Журавлев, Мирошник. Бобров, похлопав по спине, подмигнул и начал тенором подпевать.

*Иль девица тебе изменила?
Или бури боишься морской?
Тебе уж готова могила
Там на дне под сердитой волной.*

Грустная песня разносилась далеко по бухте, и жители деревушки выходили слушать. Хотя песня была о судьбе моряка, но сейчас она была близка им.

*Нашу гибель никто не узнает,
И никто не оплачет слезой.
Только белые чайки услышат
Крик последний души молодой.*

Из боевой рубки вышел командир. Кто сидел ближе, тот встал. Но он жестом показал: сидите, сидите. А сам подошел к морякам и начал подпевать:

*Нет, родные об этом узнают,
И заплачет родимая мать,
Что лишилась последнего сына,
Что тебя никогда не видать.*

Морская даль была в этот момент душой бойцов. Солнце, давно скрывавшееся, теперь отпустило свои лучи, и они нежно пригревали поющих. Грусть была у них в сердце, и грусть эту командир видел впервые. Песня оборвалась, и моряки сидели задумавшись, глядели на волны. Баянист рванул меха баяна, и бубенцы заставили отбросить все грустные мысли. Пальцы ловко бегали по пуговицам клавиш. Быстро образовался круг, в центр которого под звуки цыганочки вышел Еремеев, его сменил молодой краснофлотец Елисеев. Все поддерживали их радостными криками, смехом.

Вскоре командир отдал приказ отпустить всех желающих в увольнение. Вмиг вся палуба опустела. Не буду говорить, кто, где и как провел время, но, когда личный состав в 23⁰⁰ вернулся на корабль, все были довольны. А завтра предстояло снова идти на поиски. Пока же все ложились спать с радостным легким сердцем.

К кораблю подходил последний катер, с его борта неслась песня, звуки которой терялись где-то в прибрежных скалах. Лежа в своих койках, все затаив дыхание слушали ее:

*Далеко, далеко я, родная,
Там, где волны о скалы шумят.
Где предвестники дикого шторма
Буревестники громко шумят, -*

пел Гонтарь, вспоминая свой дом где-то далеко на Украине.

*Никогда я тебя не забуду,
Взгляда быстрых молодых очей.
Для тебя я корону добуду
Жемчугов из далеких морей.*

*Точно ласточка судно несетя,
Флаг трепещет, и волны шумят.
Тихо в кубрике песнь раздаётся,
Взрывы смеха порою звучат.*

Катер остановился у парадного трапа. Гонтарь поднимаясь на палубу продолжал напевать.

*Когда встречу с тобой, дорогая,
Взявшись за руки, в поле пойдем.
Ароматный букет собирая,
Кровь зажжем беззакатным огнем.*

Он быстро переоделся, взял из пирамиды винтовку и отправился на вахту (и так уж минут на 20 опоздал), но напевать не переставал:

*За штурвалом тебя вспоминаю,
О глазах твоих морю пою.
Но уж поздно, письмо я кончаю
И на вахту, родная, иду.*

Пройдя на ют, он доложил дежурному - лейтенанту Шеку о прибытии. И через минуту старый вахтенный Кузнецов доложил: «Вахту сдал». Так началась еще одна ночь.

А утром подошел пароход «Нексия», просигналил о пополнении запасов пресной воды и некоторого груза. За завтраком можно было слышать, как он швартовался, затем заполнял трюмы свежей пресной водой, затем начали сгружать шубы, валенки и штормовое обмундирование. В 8.00 корабль пошел на оперативное задание, полученное в последние минуты: выйти к мысу Двойной, высадить поисковую партию, обследовать берег. На море стояла мертвая зыбь, дул холодный ветер, небо было покрыто черными тучами.

К мысу подошли к 17 часам. Разведывательная партия из 10 человек с Бойко во главе отправилась на флеминге. Чтобы не быть захваченным врасплох надвигающимся штормом, командир принял решение отойти к Карагандинскому заливу, где уже скрывались от бури наши пароходы. Но сначала следовало убедиться, что группа Бойко благополучно добралась до берега. Флеминг, работающий с помощью винта, приводимого в движение вручную, начало подбрасывать на волнах, но команда была спокойна, но командир – нет. Облокотившись на поручень, он наблюдал, как уходило вперед, в пучину черного океана суденышко. Он попробовал прикурить, отвернувшись от ветра, но спичка погасла. Краснофлотец Журавлев, помог командиру прикурить, и тот продолжил наблюдать, как флеминг то и дело подбрасывало на гребни волн. Он видел, как боцман Бобров умело маневрирует. Вот и берег, волна с силой выбросила их на песок. Соскочив, бойцы тот час на руках отнесли флеминг в сторону от новой накатывающей волны.

Облегченно вздохнув, командир передал им через сигнальщика: «Счастливого вам пути!» Только тогда корабль снялся с якоря и направился в море. Вслед ему десант машет бескозырками.

Корабль уходил, густой туман предвещал большую бурю. Выскочив из бухты, где было еще спокойно, они окунулись в громады волн. Разбивая их, как богатырь, своим форштевнем. Столбы брызг разлетались во все стороны. То вдруг волна обрушивалась на нос корабля, на полметра закрывая палубу. Старые моряки, привыкшие к любой непогоде, как ни в чем не бывало стояли на своих постах. А вот новичкам – худо. В качку такие как Ялоза всегда нахо-

дятся на верхней палубе. Им становится легче от свежего морского ветра.

Корабль шел вперед малым и средним ходом, командир торопился дойти до пролива Карагандинского. Проход туда в ночное время был затруднителен и даже опасен. К тому же усиливался туман. Командир беспокоился о подчиненных. Только у входа в пролив капитан-лейтенант Сизов облегченно вздохнул, суровые складки на лице разгладились. Теперь за команду можно было не волноваться.

Платоновка, сентябрь 1942 г.

Людмила РЕЙЗЕ

ЧЁРНЫЙ ДЫМ

Изнуренные в последних боях и потерявшие немало своих, бойцы отдыхали, сидя в траншее, вырытой на изломе оврага.

Слышно было, как лейтенант что-то кричал в трубку охрипшим голосом, но потом, бросив ее, длинно и матерно выругался. Выйдя из укрытия, он, не глядя в глаза измотанным бойцам, с хмурым лицом подошел к Самойлову. Хлопнув его по плечу, негромко выдохнул: - Сержант, впереди танки... подмоги не будет... - и, глянув на часы, добавил еще тише: - По крайней мере, часа два мы должны продержаться, а там... - и он обреченно махнул рукой. Самойлов понимал, что с двумя орудиями и кучкой бойцов долго не продержаться. В воздухе повисла напряженная и тягостная тишина, в которой таилось что-то зловещее. Но о плохом думать не хотелось. Самойлов закрыл глаза, представив бревенчатый дом с цветущей черемухой в палисаднике. Он даже ощутил ее сладковато-горький запах. Увидел лица детей, жены, матери. От ярких воспоминаний зануло в груди.

«Как же вы там?» - прошептали губы.

Из перелеска донесся голос кукушки, отчетливый в застывшей тишине. Самойлов напрягся. Интересно, сколько эта птаха накукует ему лет? «А может минут...» - подумал он тоскливо. Но голос вещей птицы скоро утонул в далеком грохоте артиллерийской канонады.

«Началось», - подумал Самойлов и, открыв глаза, выглянул из траншеи. На горизонте появились танки, они тяжело ползли по непаханному полю. Каждая минута казалась вечностью и в то же время стремительно приближала этот миг... Он понимал, что бой будет не на равных. Горячая волна злости, ненависти обожгла все внутри. Самойлов положил рядом гранату. «Ты уж не подведи», - с надеждой глянул он на холодный металл, начиненный смертью. Затем лег на кромку траншеи, плотно вжавшись в землю. Биение сердца гулко отдавалось в прохладной и сейчас до боли родной земле. Самойлов остервенело, до ломоты в пальцах сжал приклад винтовки. На правом фланге и в кустах, почти рядом с Самойловым, притихли замаскированные пушки.

...Бой был коротким. Пара танков медленно тащила за собой черный хвост дыма. Вскоре снарядом разворотило пушку, а по-

том замолчала и вторая. От разрывов дымилась и стонала земля. Осколок попал Самойлову в плечо, но он не чувствовал боли. Потом он увидел, что лейтенант побежал вперед, но сразу же упал, как подкошенный. Кругом только огонь, дым, кровь. Казалось, сам ад явился на землю.

- Э-эх! Вашу мать... - Самойлов выдернул чеку гранаты, рванулся к танку, который полз прямо на него.

...Когда Самойлов с трудом разлепил глаза, то очутился в темноте. «Я умер», - решил он. Но чернота то светлела, то становилась клочковатой и медленно ползла над ним.

И вдруг среди этой лохматой черноты промелькнуло голубое пятно, потом еще... Небо... В сердце горячим потоком хлынула волна радости. «Значит, я жив...» - Самойлов только теперь почувствовал запах гари. Он попытался повернуться на бок, но резкая боль прошла все тело. Он медленно повернул голову. В нескольких метрах от него горел танк.

Вдруг нарастающий гул встревожил его. Снова танки?... Самойлов старательно вслушивался, но гул шел откуда-то сверху. «Самолеты...» - он изо всех сил вглядывался в черные клочья дыма и вот в этой разорванной черноте увидел самолет, потом другой.

Превозмогая дикую боль, приподнялся, опершись на локоть. От боли хотелось завывать, но, собрав все оставшиеся силы, он пристально, с надеждой смотрел вверх. И обрадованный, и счастливый, разом обмякнув, рухнул на землю: «Наши!»

БЕРЕГ ПАМЯТИ

Иван не спеша подошел к кромке воды и, зачерпнув в ладонь, умылся.

- Холодна еще, - проговорил он сиплым, прокуренным голосом.

Весна в этом году припозднилась, и река лишь недавно очистилась ото льда. Почки на деревьях медленно набухали, словно не веря и сомневаясь в наступившей весенней поре. Солнце несмело проглядывало сквозь хмурые, рваные клочья туч.

Иван разложил на днище опрокинутой лодки принесенную снедь, откупорил припасенную по этому случаю бутылку водки. Каждый год он приходил сюда. День Победы, день скорби и радости стал для него священным, а воды реки на какие-то мгновения уносили его туда, в прошлое...

Из этого поселка много лет назад молодым парнем он ушел на фронт. Попал, как и хотел, в морфлот. Дважды был ранен; госпита-

ля, потом снова море. После войны вернулся в родные края. Устроился работать шофером, но скоро перешел в рыбацкую артель, да так в ней и остался.

Здесь встретил свою единственную любовь - Марьюшку, которая приехала учительствовать в эти края. Жили дружно, их так и прозвали «Иван да Марья». Нельзя было представить их друг без друга. Дети выросли, разлетелись из родного гнезда. Вот уже четвертый годок пошел, как он один остался. Ушла Марьюшка, навсегда ушла.

Иван налил водки в стакан и вылил ее в реку, которая с далеких военных лет стала для него символом моря. Всю жизнь он мечтал побывать на море, которое стало ему когда-то родным, но не привелось. И берег этой полноводной сибирской реки стал ему берегом памяти. Раскрошив хлеб, бросил в воду. Крикливые чайки бросились следом, выхватывая из воды желанные кусочки. Пес, который оставался его единственным близким другом и помогал коротать так быстро надвинувшуюся старость и одиночество, сейчас довольно носился по берегу, то лаял на горластых чаек, то кидался к реке и жадно, шумно глотал воду.

Немного постояв, Иван вернулся к лодке. Присел на край днища, выверенно налил водки себе. Больное сердце не позволяло лишние дозы, поэтому он воздерживался от спиртного, но по праздникам позволял себе пропустить рюмку-другую. А сегодня особенный день. Выпив, не спеша закусил. Пес выжидающе смотрел на Ивана. За годы своей долгой собачьей жизни он настолько выучил повадки своего хозяина, что понимал его с одного взгляда.

- Что, дружище, вот и еще один год прожит. - Пес дружелюбно завил хвостом.

- На, держи, - кинул Иван ему кусок колбасы.

Из-за поворота реки появился буксир. Натруженно пыхтя, он тащил огромную баржу, нагруженную лесом. Легкие лодчонки уже сновали по реке, стремительно набирая скорость и задирая нос навстречу потоку очистившейся реки. От воды потянуло холодом, свежестью. Иван зябко поежился. Еще налив себе, выпил. Пес, не спускавший с него глаз, негромко гавкнул.

- Да я чуть-чуть, - оправдывался Иван и потрепал своего друга по рыжему загривку. - Вот и помянули мы с тобой; авось, слышат они нас с высоты небесной. Эх, братки, - вздохнул Иван. - А может, и видят, - показывая пальцем в небо и смахивая скупую мужскую слезу, обратился он к псу.

Сколько друзей, товарищей навсегда остались в тех краях, затерялись на дорогах войны. Он еще долго просыпался ночью в поту

от страшных сновидений, в которых опять воевал, в которых над головой летали вражеские самолеты, падали бомбы, разрывая пучину моря. Видел горящие, тонущие корабли, слышал крики товарищей. Море не щадило никого. А память бессердечно, немым кино прокручивала сцены ужаса. А ужас иногда с головой накрывал его там, под снарядами, и было великое желание победить, выжить во что бы ни стало.

Иван снова налил водки, выпил залпом и громко выдохнул. Пес подбежал к Ивану, ткнулся носом в колени, пристально глядел на хозяина.

- Ну все, все...последняя... - усмехнулся Иван, закрывая бутылку пробкой.

Крепчавший ветер сердито сгонял тучи. Хмурое, серое небо то скливно отражалось в воде.

- Давай-ка, дружок, пора нам. Чай, дождик собирается. - Пес радостно визгнул и запрыгал.

Ивана медленно побрел вдоль берега. Еще долго виднелась его сгорбленная, приземистая фигура. А рядом степенно шел преданный ему пес, единственный друг в его одинокой жизни.

ЭХО ВОЙНЫ

Николай СЕРЕБРЯКОВ

ПОИСКИ ДЛИНЮЮ В ЖИЗНЬ

Моя жизнь началась в конце 1943 года в Костромской области. Но когда немного подрос, то деревенские мужики меня почему-то звали «фронтовик». Только потом понял, что значит это — привезенный с фронта.

Потом мать Елизавета Фёдоровна уехала в Кострому, оставив меня тетушкам. Стала работать на ткацкой фабрике, но жилье было только в общежитии. Пришлось ей жить с ветераном первой германской войны, потому что у него было 12 квадратных метров общей площади в деревянном двухэтажном доме. У них родился сын. Меня же этот ветеран разрешил взять из деревни только к третьему классу.

Я учился, ходил в кружки Дворца пионеров, много читал. Смотрел кино, благо, что билеты были по 20 копеек. Были еще цирк, драмтеатр. Когда почувствовал разницу отношений отчима ко мне и к своему родному сыну, то опомнился и задал матери вопрос:

— А где же мой отец?

Оказывается, у неё с ним была просто фронтовая встреча. Документов никаких. Она могла мне назвать только его фамилию, имя и отчество да звание — старший лейтенант, должность — замполит летного полка военно-полевого аэродрома «Белое море» в прифронтовой зоне возле Кандалакши в Мурманской области. У матери не было даже его фотографии.

Сразу после её рассказа поисками отца я не занялся, боясь разрушить его семью. Потом была армия, два с лишним года. Работа в Костроме. Своя семья. Всё это отвлекало от поисков, но мысль об отце постоянно была у меня в голове.

Когда появилась передача «Жди меня», там встречались подобные истории. Написал и я. Ответа нет до сих пор. Потом поисковики находили погибших, радовался за эти семьи.

Когда появился военный сайт «Мемориал», там я тоже не нашел никаких сведений об отце.

Писал я и в военкомат Кандалакши. Пришел ответ с перечислением летных полков 260-й авиационной дивизии, которая базировалась в то время на этом аэродроме, а самого аэродрома уже нет, осталась одна поляна.

Обращался и в районный военкомат, куда мать сдавала справку с фронта. Надеялся узнать номер части. Ответили, что вольнонаемных они не регистрировали.

Писал главному военкому Санкт-Петербурга: мать говорила, что отец родом оттуда. Ответ пришел: «Никаких данных нет». Обратился с заявлением в наш военкомат. Ответили: «Сделаем запрос в военный архив Подольска, только данных об отце мало, ни номера части, ни года рождения». В Подольске его искали два года, ответ пришел на семи листах. Но суть такова: ни в одном полку этой дивизии такого офицера не было, и политработника тоже.

Я долго не мог прийти в себя. Матери уже нет, уточнить не у кого. Потом решил использовать последнюю возможность — написал президенту России Путину, послал ему свою фотографию в надежде на то, что в личных делах офицеров тоже вклеиваются фотографии. Ответ пришел быстро: моё обращение направлено в Министерство обороны с обязательным ответом мне. И вот через месяц пришел ответ: такой офицер существовал, только политрук не полка, а 12-го батальона аэродромного обслуживания при госпитале, награжден орденом Отечественной войны. Только искал я Пашахонова (как сказала мне мать), а он оказался Пошехоновым. Возможно, из-за ошибки в фамилии и искал я его так долго. В 1946 году отец демобилизовался по возрасту в город Серпухов Московской области. Он 1909 года рождения. Мать моя была 1917 года рождения.

Сказать, что я обрадовался – это значит не сказать ничего. Но радость была немного преждевременной. Год ушел на переписку с Серпуховым. Военкомат адрес отца прислал быстро. Я написал, но письмо моё через месяц вернулось: адресат не проживает. Тогда я написал в отдел загса. Душевные люди ответили мне: ваш отец умер 15 октября 1991 года. Похоронами занимался сын 1937 года рождения. Но его тоже не стало в 2009 году, вскоре умерла и его жена. Опять круг замкнулся.

Тогда я обратился в миграционную службу Серпухова с просьбой найти родственников. Ответили: жена отца в 1992 году уехала в Подольск. Мне даже дали её адрес. Внучка вышла замуж, сменила фамилию и уехала в Москву, адреса нет. Я написал в Подольск, но ответа не получил.

Решил искать в Серпухове могилу отца. Нашел номер телефона архива захоронений. В городе 150 тысяч жителей, четыре кладбища. По телефону в архиве мне назвали кладбище, на каком он захоронен под номером 23598.

Н.А. Серебряков и А.М. Железнов

И тогда я решил, что весной надо ехать в Серпухов. Перед отъездом позвонил председателю совета ветеранов Серпухова, полковнику в отставке Анатолию Михайловичу Железнову, попросил помочь. Он встретился с работником кладбища, который работал еще в девяностых годах, да, оказывается, еще вел свои записи. Он и нашел могилу.

Все эти годы поисков меня поддерживала моя семья. Поэтому в Серпухов мы поехали с дочерью. Когда приехали, нас просто проводили к могилке. Так я «встретился» со своим отцом, которого искал всю жизнь. Рядом с ним похоронена и его жена Евдокия Васильевна. Теперь можно не переживать, их семья не разобьется.

Так закончились мои поиски длиной в жизнь. Так затихло во мне эхо той войны.

ШКОЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Роганова Татьяна, учащаяся школы им. К.Н. Новикова

СОЛДАТСКАЯ СЛАВА ГВАРДИИ СЕРЖАНТА МАМОНТОВА

На фронт добровольцем

Виктор Васильевич Мамонтов родился 5 января 1924 года, в посёлке Ис. Позже семья Мамонтовых переехали в посёлок Косья. Там Виктор окончил 7 классов и пошёл с отцом работать на драгу, добывать золото. Отработав год, поступил в училище ФЗО (фабрично-заводского обучения) в городе Нижнего Тагила, но закончить учебу не успел, началась Великая Отечественная война.

Из воспоминаний В.В. Мамонтова: *«И всю нашу школу, а это 300 человек, направили работать на 56 завод города Нижнего Тагила, где выпускались боевые снаряды».*

Мамонтов Виктор, не жалея себя, работал по 6-8 часов на вредном производстве, но рвался на фронт. Многократно семнадцатилетний юноша обращался в военкомат, но ему отказывали.

Из воспоминаний Виктора Васильевича: *«После года работы на заводе я решил с другом Володицей отправиться на войну. Пришли к начальнику службы по призыву. Приём вёл строгий майор, который посмотрел документы и сказал, как отрезал, что у него приказ от самого Сталина, чтобы с завода ни одного человека на фронт не отправлять. Идите и работайте, для вас фронт закрыт. Мы пытались возразить. Я говорил, что у меня два племянника и брат погибли на войне, что я должен отомстить. Ответ был коротким: нет и точ-*

ка. Пришлось вернуться на завод. Через три месяца мы решили повторить попытку. В этот раз приём вёл другой майор, который побывал на фронте и лишился правой руки. Он стал нас запугивать, рассказывая о том, что фронт - место, где гибнут люди, где каждого ждёт холод и голод, но я продолжил настаивать. Мы сказали ему, что сбежим, и тогда он записал наши фамилии в список тех, которые отправлялись на фронт. Мы пришли на призывной пункт, где прошли переключку. Последовала команда садиться по вагонам. Нас привезли на пересыльный пункт в Чебаркуль. Далее нас определили на двухмесячные сержантские курсы, где учили стрелять из миномета, и присвоили звание сержанта.

И отправили на станцию Боретное, где формировался 224-й миномётный полк. Назначили в шестую батарею командиром отделения разведки. К тому времени было пополнение. Построили ребят, и командир взвода сказал набрать семь бойцов. Я набрал тех, кто покрепче. В основном все ребята были уральцами, со Свердловской области. Через полмесяца обучения, 16 декабря 1942 года, они уже понимали, как винтовку держать, как обращаться с минометом, ну и научились стрелять.

Батарею отправили под Москву, откуда через 4 дня нас на машине перекинули на передовую. Я принял участие в первом бою в качестве корректировщика, освобождая Касторное»

Боевое крещение

Итак, первое боевое крещение В.В Мамонтов получил, освобождая Касторное.

24 января - 2 февраля 1943 года была проведена Воронежско-Касторненская операция. Это была стратегическая военная операция вооружённых сил СССР против войск Германии и Венгрии. По замыслу это был классический маневр по окружению. Точкой приложения сил был избран поселок и железнодорожный узел Касторное. С севера на поселок должны были наступать 13-я армия Брянского фронта и 38-я армия Воронежского фронта, с юга 40-я армия Воронежского фронта. Соединение их в районе Касторного позволяло отсечь основные силы немецкой 2-й армии и уничтожить их в «котле». Одновременно 60-я армия должна была наступать на Воронеж строго с востока, охватив город с юга и севера и взяв войска противника в «клещи».

В результате операции была разгромлена крупная группировка вермахта и освобождена большая часть Воронежской и Курской областей, в частности города Старый Оскол и Воронеж. Немецкий фронт на данном направлении рухнул, в нём образовалась 400-ки-

лометровая брешь от Ливен до Купянска. Немецкие и венгерские войска потеряли только пленными 86 тысяч человек. Кроме того, успешное окружение войск противника позволило сравнительно легко освободить Курск и Белгород. Войска «оси» понесли крайне тяжёлые потери, лишились почти всей техники и большей части личного состава.

Основной задачей сержанта Мамонтова была помощь пехоте в наступлении, поддержка её боевыми миномётами.

Из воспоминаний В.В. Мамонтова: *«Нас перебрасывали всегда туда, где немцы вели активное наступление, а наши войска отступали. По прибытию на данные позиции, мы сильным артиллерийским и минометным огнем останавливали наступление врага. Наша пехота снова формируется и идет в наступление».*

При беседе с Виктором Васильевичем, мы спросили: «Страшно было на войне первое время?» Он нам ответил: *«Ко всему человек привыкает, и к войне тоже. Если первое время мы, юные солдатики, сильно боялись, то потом уже и со свистом пуль свыклись, и страх улетучился. И всё-таки тяжело было: перебои с питанием случались, а сколько было вшей - жутко представить. Трудно было, когда весь промокнешь, а портянки и сапоги негде просушить. Приходилось сухую траву срывать, зажигать костёр и этим обогреться».*

Затем его боевой путь протянулся до Малоархангельска. Он участвовал в сражениях под Севастополем, на реке Днепр, в районах м. Любичи и м. Лоев, под Калинковичами и Бобруйском, под Ковалем, на реках Западный Буг, Одер и Висла.

В.В. Мамонтову, за прорыв обороны немцев западнее Ковель и выход к реке Западный Буг, а также за овладение городом и крупным железнодорожным узлом Люблин – важным опорным пунктом обороны немцев, прикрывающим пути в Варшаву, приказом Верховного Главнокомандующего от 20 и 24 июля 1944 г. объявлены благодарности.

На Орловско-Курской дуге

Свою первую награду медаль «За отвагу» Виктор Мамонтов получил в боях на Орловско-Курской дуге.

В.В. Мамонтов вспоминает: *«В июне наш полк перебросили на Орловско-Курскую дугу. Мы должны были заменить части, которые стояли в обороне. На второй день смотрим: в нейтральной зоне стоит большой радиорепродуктор. Немцы агитировали перейти на их сторону, обещали дать коттеджи, работу, денег. На их провокацию наши солдаты не поддались. Наша задача, как разведчиков, была выявить огневые точки противника, их подходы. Все это заносили на планшет, а с планшета переносили на карту».*

Курская битва, по мнению историков, явилась переломным моментом в Великой Отечественной войне. В сражениях на Курской дуге принимали участия более шести тысяч танков. Такого в мировой истории не было, да и больше не будет. Действия советских фронтов на Курской дуге координировали маршалы Г. К. Жуков и А. М. Василевский. Численность советской армии составила более 1 млн. человек. Солдат поддерживали более 19 тысяч орудий и минометов, с воздуха поддержку советским пехотинцам оказывали 2 тысячи самолетов. Немцы противопоставили СССР на Курской дуге 900 тысяч солдат, 10 тысяч пушек и более двух тысяч самолетов. План немцев заключался в следующем. Они собирались молниеносным ударом захватить курский выступ и начать полномасштабное наступление. Советская разведка не зря ела свой хлеб, и сообщила о немецких планах советскому командованию. Узнав точно время наступления, и цель главного удара, наши руководители приказали укрепить оборону в этих местах.

В.В. Мамонтов на фронте

Из воспоминаний В.В. Мамонтова: *«Разведка донесла до нашего командования, что немцы готовят наступление 5 июля в 6 часов утра. Наше командование решило сделать артиллерийскую и минометную подготовку на 2 часа раньше, в 4 часа утра, уничтожить огневые позиции немцев, нанести урон в живой силе противника. На 1м2 было выпущено 2 снаряда. Пыль, дым, ничего не видно. Так продолжалось 30 – 40 минут. В это время наши части как можно быстрее продвигались к окопам немцев. А наша артиллерия переносила огонь на вторую линию противника и т.д. Немцы в панике, начали отступать. Сформировались немцы только к 10 часам утра. Наступали активно. Расстояние между нами доходило 100 – 200 метров, но результатов немцам не дало».*

Наступление врага застопорилось, и шло с опозданием на пару часов. За день боев, неприятель продвинулся всего на 5 километров, а за 6 дней наступления на Курской дуге на 12 км. Такое положение дел вряд ли устраивало немецкое командование. Во время сражений на Курской дуге, у деревни Прохоровка произошло крупнейшее в истории танковое сражение. В бою сошлись почти по 800 танков с каждой стороны. Это было впечатляющее зрелище.

На поле боя были лучше танковые модели второй мировой войны. Советский Т-34 схлестнулся с немецким «Тигром». Так же в том сражении был опробован «зверобой» - 57-ми миллиметровая пушка, пробивавшая броню «Тигра». Еще одним нововведением стало использование противотанковых бомб, вес которых был мал, а наносимый урон выводил танк из боя. Немецкое наступление захлебнулось, уставший неприятель стал отходить на прежние позиции. Вскоре началось наше контрнаступление. Советские солдаты взяли укрепления, при поддержке авиации, совершили прорыв немецкой обороны. Сражение на Курской дуге продолжалось примерно 50 дней. За это время советская армия уничтожила 30 немецких дивизий, в том числе и 7 танковых, 1,5 тысячи самолетов, 3 тысячи пушек, 15 тысячи танков. Людские потери вермахта на Курской дуге составили 500 тысяч человек. Победа в Курской битве показала Германии силу Красной армии. Над вермахтом навис призрак поражения в войне.

Из воспоминаний В.В. Мамонтова «Это было тяжёлое сражение, земля горела под ногами, кругом были груды металлолома (подбитые танки) и бесчисленное множество трупов. Было особенно страшно, когда утром на переключке стояли 120-140 человек, а вечером после наступления, отзывались всего 30-40. Остальных ранило, кого-то убило. Среди них были и мои товарищи, друзья, с которыми я выполнял разведывательные действия, делился последним куском хлеба и водой...»

В этой операции под огнём противника сержант Мамонтов вёл непрерывную разведку, засекая огневые точки противника, передавал данные командованию. По данным разведки его отделением были уничтожены десятки вражеских огневых точек, танков, миномётов.

За выполнение особого воинского задания, сопряжённого с риском для жизни в этой операции Мамонтов В.В. награждён медалью «За отвагу».

Висло - Одерская операция

В.В.Мамонтов, за личное мужество и отвагу, проявленную в боях за независимость нашей Родины, награждён двумя орденами Славы.

Орден Славы учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 ноября 1943 года. Он имеет три степени, им награждали за личный подвиг на поле боя в порядке последовательности—от низшей степени к высшей.

Свой орден Славы III степени В.В.Мамонтов получил за мужество и героизм в ходе Висло-Одерской операции.

Висло-Одерская операция — стратегическое наступление советских войск на правом фланге советско-германского фронта в 1945 году. Началась 12 января, завершилась 3 февраля. Проводилась силами 1-го Белорусского фронта, в состав которого входил 224 минометный полк, где воевал В.В. Мамонтов и 1-го Украинского фронта. В ходе Висло-Одерской операции от немецких войск была освобождена территория Польши к западу от Вислы и захвачен плацдарм на левом берегу Одера, использованный впоследствии при наступлении на Берлин. Операция носила стремительный характер — на протяжении 20 суток советские войска продвигались на расстояние от 20 до 30 км в день. За это время они преодолели 7 укрепленных рубежей противника и 2 крупные водные преграды.

В.В.Мамонтова наградили орденом Славы III степени за переправу через реку Висла.

Из воспоминаний В.В.Мамонтова: *«Когда понтонный мост разгромили, и нам, разведчикам, поступила команда переправиться на другой берег и определить боевые точки противника. Мы, вместе с бойцами моего отделения разведки, сколотили два плавучих средства из брёвен, что нашли в соседней деревне и выполнили задачу. Переправились не только мы сами, но и военное снаряжение доставили к месту боя. За выполнение этого задания меня представили к награде орденом Славы III степени».*

Освобождение Варшавы

Сержант Мамонтов участвовал в штурме и освобождении Варшавы.

Важной частью Висло-Одерской операции стала, проводившаяся силами 1-го Белорусского фронта, в состав которого входил 224 минометный полк, где воевал В.В. Мамонтов, была Варшавско-Познанская операция, в ходе которой планировалось расчлнить и уничтожить по частям группировку противника. Одной из задач операции являлось овладение столицей Польши Варшавой. Варшавско-Познанская операция развернулась 14 января. На пятый день Висло-Одерской операции, 17 января 1945 года, советские войска вместе с 1-й армией Войска Польского освободили Варшаву. Москва салютовала освободившим Варшаву доблестным войскам 1-го Белорусского фронта 24 артиллерийскими залпами.

Из воспоминаний В.В. Мамонтова: *«Польские жители были истощены, голодные, плохо одеты, хотя на улицах лежал снег. Множество зданий было разрушено. Советские солдаты помогали жителям с едой».*

В.В. Мамонтову, как участнику боев за овладение городом Радом, важным узлом коммуникаций и сильно укрепленным пун-

ктом обороны немцев, приказом Верховного Главнокомандующего от 16 января 1945 г. объявлена благодарность.

За участие в героическом штурме и освобождении Варшавы Мамонтов Виктор Васильевич награжден медалью «За освобождение Варшавы».

В результате Висло-Одерской операции было полностью разгромлено 35 дивизий противника, ещё 25 потеряли от 50 до 70 % личного состава, было взято в плен около 150 тысяч человек. Советские войска выровняли фронт и вышли на дальние подступы к Берлину. Значительные силы противника оказались в котлах в Познани и Бреслау. Стала очевидна неспособность немцев эффективно вести боевые действия на два фронта и неизбежность грядущей победы союзников.

Так же за участие в этих боях, В.В. Мамонтов получил благодарность от Верховного Главнокомандующего 23 февраля 1945 г. за овладение городом и крепостью Познань - стратегически важным узлом обороны немцев на Берлинском направлении.

«Ура! Война закончилась!»

Второй орден Славы В.В.Мамонтов получил недалеко от Берлина, когда сумел уничтожить пулемёт противника двумя гранатами при взятии высоты.

Из воспоминаний Виктора Васильевича: *«Осталось 60 километров до Берлина. Поступил приказ взять высоту, которая имела большое стратегическое значение для наступления наших войск. В окружении была южная группировка противника. Вот 6-я рота, где я был, пошла в наступление. Наша батарея быстро подошла к окопам противника. Но продвижению мешал немецкий пулемёт, который строчил бесперебойно, а у нас, как назло, кончились мины. Командир батареи отдает приказ моему товарищу, уничтожить огневую точку гранатами. Я попросил командира доверить мне это задание, так как я хорошо ползал и бросал метко гранаты. Я взял 4 гранаты и пополз. Осталось 20 метров до цели, я бросил гранату, но не попал в окоп. Подполз поближе и бросил вторую гранату. Пулемёт замолчал. Путь был свободен. Наши войска заняли высоту. Задание было выполнено. За выполнение этого задания меня представили к награде орденом Славы II степени».*

Виктор Васильевич участвовал в операции по взятию Берлина

Берлинская стратегическая наступательная операция — одна из последних стратегических операций советских войск на европейском театре военных действий, в ходе которой Красная Армия заняла столицу Германии и победно завершила Великую Отече-

ственную войну и Вторую мировую войну в Европе. Операция продолжалась 23 дня — с 16 апреля по 8 мая 1945 года.

Из воспоминаний Виктора Васильевича: *«Наш миномётный полк стоял на расстоянии 30 км от Берлина. Наша задача была миномётным огнём поддерживать наступление наших солдат. Через несколько дней мы вошли в город Берлин, где проводили разведку и миномётным огнём поддерживали наших воинов».*

Приказом Верховного Главнокомандующего сержанту Мамонтову Виктору Васильевичу была объявлена благодарность от 2 мая 1945 года за ликвидацию группировки немецких войск окружённой Юго-Восточнее города Берлина.

25 апреля замкнулось кольцо вокруг Берлина. К тому времени, по оценке советского командования, гарнизон Берлина насчитывал не менее 200 тысяч человек, 3 тысячи орудий и 250 танков. Оборона города была тщательно продумана и хорошо подготовлена. В её основе лежала система сильного огня, опорных пунктов и узлов сопротивления. Чем ближе к центру города, тем оборона становилась плотнее. Особую прочность ей придавали массивные каменные постройки с большой толщиной стен. Окна и двери многих зданий заделывались и превращались в амбразуры для ведения огня. Улицы перекрывались мощными баррикадами толщиной до четырёх метров. Обороняющиеся имели большое количество фаустпатронов, которые в обстановке уличных боев оказались грозным противотанковым оружием. Немаловажное значение в системе обороны врага имели подземные сооружения, которые широко использовались противником для маневра войск, а также для укрытия их от артиллерийских и бомбовых ударов.

Из воспоминаний Виктора Васильевича: *«Трудно было вести разведку в самом городе, так как было много снайперов, которые могли выстрелить из любого окна. Бой вели за каждую улицу, за каждый дом. В такой обстановке бой вести было трудно. Недели две вели борьбу. Но мы справились с поставленной задачей. Берлин был взят».*

Ранним утром 1 мая над рейхстагом был поднят штурмовой флаг 150-й стрелковой дивизии, однако бой за рейхстаг продолжался ещё весь день, и только в ночь на 2 мая гарнизон рейхстага капитулировал.

Весть о победе сержант Мамонтов узнал в городе Десало, недалеко от Берлина, где базировался их миномётный полк.

Из воспоминаний Виктора Васильевича: *«Наш командир сообщил нам, что подписан акт о капитуляции Германии. Что тут началось! Кричали ура! Стреляли из оружия! Обнимались, смеялись, плакали, радовались тому, что остались живыми. Война окончилась».*

Сержантский состав полка

За участие в героическом штурме и взятии Берлина сержант Мамонтов Виктор Васильевич указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года награждён медалью «За взятие Берлина».

До конца июля 224-й миномётный полк базировался в городе Десало.

Из воспоминаний В.В. Мамонтова: *«Летом 1945 года наш 224-й миномётный полк погрузили в вагоны и повезли в Японию. На пути нам сообщили, что война с Японией окончена победой наших войск».*

Полк дислоцировался в Пермской области, в деревне Днепр. В 1947 году полк расформировали, и Виктор Васильевич демобилизовался.

В 1948 году принял участие в праздновании Дня Победы на Красной Площади в городе Москва.

В 1948 году 9 мая сделали обычным календарным днем, рабочим. Но праздничное значение дня сохранялось: поздравляли ветеранов войны и выпускали праздничные открытки.

За участие в Великой Отечественной войне гвардии сержант Мамонтов Виктор Васильевич награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

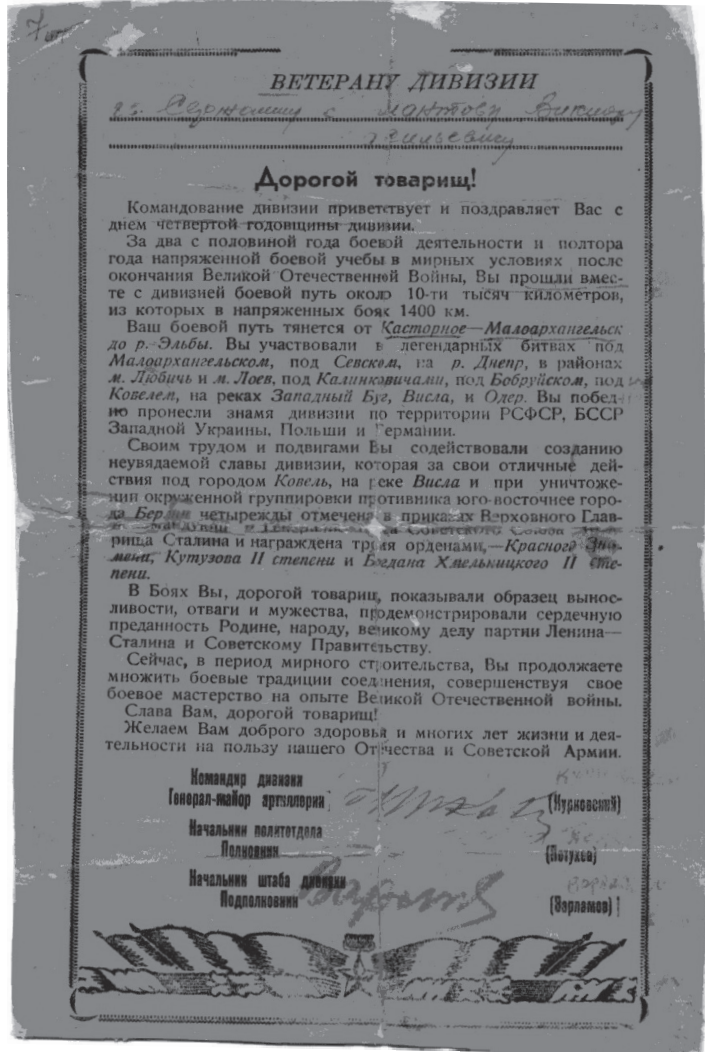
В честь празднования 4-й годовщины победы гвардии сержанта Мамонтова В.В. поздравил командир дивизии.

За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-

1945 годов Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1945 года гвардии сержант Мамонтов Виктор Васильевич награждён орденом Отечественной войны I степени.

Виктор Васильевич так же награждён медалью Жукова и юбилейной медалью в честь 65-летия освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков. В связи с 55-й годовщиной победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 год Мамонтову Виктору Васильевичу вручён знак «Фронтовик 1941-1945»

После войны

В апреле 1948 года сержант Мамонтов демобилизовался и приехал домой, в посёлок Косья. Отдохнул немного и устроился работать в ЖКО мастером по ремонту домов.

В годы войны В.В. Мамонтов получил два ранения, и они дали о себе знать. Виктор Васильевич целый год пробыл на больничной койке. После лечения в 1972 году приехал работать в Качканар на обогатительный комбинат. Работал слесарем, мастером, начальником бюро в управлении железнодорожного транспорта, в управлении материально-технического снабжения. Проработал 26 лет, ушёл на пенсию в 1998 году.

Как и на войне, Виктор Васильевич Мамонтов честно и добросовестно работал и в мирное время. За это получил множество благодарностей и наград.

За долгосрочный, добросовестный труд награждён медалями «Ветеран труда», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

После войны женился. Воспитал двоих детей.

Музейный урок в школе имени К.Н. Новикова

Мамонтов Виктор Васильевич на сегодняшний день отметил своё 91-летие. Несмотря на свой солидный возраст, Виктор Васильевич ведёт активную работу по воспитанию подрастающего поколения. Он является частым гостем нашей школы, которая носит имя участника Великой Отечественной войны, К.Н. Новикова.

Виктор Васильевич приходит на музейные уроки, классные часы, уроки мужества, где рассказывает учащимся о событиях Великой Отечественной войны.

В нашей школе организовано шефство над ветеранами Великой Отечественной войны, учащиеся школы поздравляют с праздниками, оказывают посильную помощь ветеранам. Наш 8Б класс шефствует над Мамонтовым Виктором Васильевичем. Не только он приходит к нам, но и мы часто посещаем его дома, так как сейчас он чувствует себя неважно.

Массовый героизм советских людей служил могучим источником победы в Великой Отечественной войне. Победа была одержана советским народом во имя мира и жизни на земле. Огромный вклад в победу над фашистами внёс и наш земляк, Виктор Васильевич Мамонтов, который своей храбростью, стойкостью, напористостью вёл борьбу за наше светлое будущее.

Юлия Логинова, Юлия Бобрик,
учащиеся школы №3.

ПЕДАГОГИ - ВЕТЕРАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Качканар построен в мирное послевоенное время. Наша школа №3 открыта в мирном 1963 году. Но здесь громко звучит тема войны, а патриотическое воспитание учащихся является одним из главных направлений. И это не случайно. Ведь с первых дней существования школы в её стенах работали педагоги, знавшие о войне не понаслышке: фронтовики, труженики тыла и те, чьё детство пришлось на годы войны. Двенадцать педагогов нашей школы являются участниками Великой Отечественной войны. Это Ямщиков Борис Григорьевич, Юмин Константин Семёнович, Фадюшин Степан Николаевич, Мохов Борис Иванович, Новиков Сергей Дмитриевич, Панова Римма Петровна, Гальвас Бруно Людвигович, Огнёв Иван Михайлович, Подчинённых Евгений Николаевич и другие.

О некоторых мы расскажем.

Борис Иванович Мохов

Он пришёл в третью школу сразу после её открытия и вложил немало труда в становление её педагогической и воспитательной системы.

Родился Борис Иванович в селе Сретенске Кировской области в семье крестьянина. В 1937 году, окончив семилетнюю школу, поступил в Сарапульский сельскохозяйственный техникум. В 1939-м, после окончания двух курсов техникума, пошёл работать зоотехником, а в 1940 году был призван в армию. Служил на Дальнем Востоке, в городе Хабаровске. Окончил артиллерийскую школу младших командиров и был направлен в артиллерийский полк начальником связи дивизиона гаубиц.

В 1941 году началась Великая Отечественная война. Полк был переброшен на Украину в состав Донского фронта. Затем участвовал в обороне Сталинграда в составе пятой ударной механизированной Сталинградской гвардейской армии. воевал на Сталинградском, Первом Украинском и Третьем Украинском фронтах.

Борис Иванович участвовал в освобождении Ростова-на-Дону, Таганрога, Николаева, Одессы, Тирасполя, Кишинёва. В Польше – городов Кракова, Варшавы и других. Был трижды ранен. За оборону Сталинграда был награждён орденом Красной Звезды. В 1944 году по приказу командования был направлен в офицерское Второе Ленинградское артиллерийское училище, после окончания, которого в 1946 году в звании офицера Борис Иванович вернулся в полк, стоявший в Западной Украине. За участие в Великой Отечественной войне награждён орденом Красной Звезды и десятью медалями.

После демобилизации в 1946 году был инструктором по военному обучению молодёжи в Кировской области. С 1949 года работал учителем физкультуры в Глубоковской семилетней школе, а с 1958 года в Качканаре -- в школе № 1, затем учителем физкультуры и труда в школе № 3. Под его руководством в школе появилась мотоциклетная секция, на уроках он учил ребят вождению автомобиля, стремясь передать им свои знания и опыт. 11 раз избирался секретарём парторганизации и один раз - депутатом поселкового Совета.

Борис Иванович окончил университет марксизма-ленинизма.

С 1979 года он был на инвалидности, но и тогда проводил большую работу по военно-патриотическому воспитанию школьников.

Степан Николаевич Фатюшин

Родился в селе Тугулым Тугулымского района Свердловской области в семье крестьянина. С восьми лет батрачил на кулаков. В 1935 году окончил Тугулымскую ШРМ. В каникулы работал в колхозе. В 1937-1938 годах работал конторщиком и счетоводом в конторе лесоучастка. В 1938 году поступил в Тюменский педрабфак, который закончил в 1939 году. В этом же году поступил в Тюменский пединститут, но с четвертого курса был призван в армию.

Началась Великая Отечественная война. В составе экипажа он летал на ночном бомбардировщике воздушным стрелком, так как Степан Николаевич во время учёбы в институте занимался ещё и в Тюменском аэроклубе и окончил школу механиков. Авиаполк, в котором он служил, назывался гвардейским Сталинградским. Полк участвовал в войне на Южном, Украинском, Белорусском и Ленинградском фронтах.

В 1944 году по приказу маршала авиации с группой товарищей Степан Николаевич был направлен в Новосибирскую школу военных лётчиков, после окончания которой снова воевал.

В декабре 1945 года он демобилизовался в звании капитана. За участие в Великой Отечественной войне Степан Николаевич награждён медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.», «50 лет Вооруженным Силам СССР», «25 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.»

С января 1946 года до 1950 года Степан Николаевич работал учителем математики и физики в Тугулымской средней школе. В 1950 году закончил Тюменский пединститут и был назначен директором Тугулымской средней школы, которой руководил 11 лет, 10 лет работал заведующим Тугулымским районным отделом народного образования. В 1971 году был назначен директором Качканарской средней школы № 2, а с 1974 года – директором школы № 3.

15 января 1978 года Степан Николаевич вышел на пенсию. Он награждён медалью «Ветеран труда», медалью «Всесоюзной сельскохозяйственной выставки», многими грамотами районного и областного отделов народного образования, райисполкома и облизполкома, обкома профсоюза, райкома КПСС.

Римма Петровна Панова

Учитель начальной школы Панова Римма Петровна воевала на фронте наравне с мужчинами и через всю жизнь пронесла гордость за Советскую Армию, сумевшую победить фашистскую Германию. Любовь к Родине Римма Петровна передала своим детям и ученикам.

Родилась она в поселке Красногвардейский Свердловской области в семье рабочего. Вот что она рассказала:

- Мама моя умерла, когда мне исполнился год. Воспитала и вырастила меня бабушка - партизанка гражданской войны. С началом войны, ещё учась в школе, мы летом до наступления холодов ездили далеко от дома на сельскохозяйственные работы в колхозы. Примером патриотического воспитания служили нам наши сверстники, которые погибли, защищая свою Родину, это Саша и Зоя Космодемьянские, Лиза Чайкина, Александр Матросов, все те, о ком писали газеты, говорили по радио. Девчонки на-

шего класса решили, что окончат школу и тоже пойдут защищать свою Родину. Мы написали коллективное письмо и отправили в Ирбитский горвоенкомат. Нас всех призвали и отправили в 53-й запасной полк овладевать разными специальностями. Меня определили учиться на телеграфиста аппаратов СТ-35. Итак, я курсант с июля 1944 года по январь 1945-го при запасном полку связи. Наряды, дежурства, практика на Свердловском городском телеграфе и звание младшего сержанта. Через неделю отправили на фронт. С января 1945 года мы были бойцами 144-го батальона связи 37-го гвардейского стрелкового полка. Я работала при корпусе. У нас была своя комсомольская организация. Ежемесячно проводили комсомольские собрания и исправно платили взносы. Я работала в отделе СМЕРШ. Получали секретные материалы и отправляли дальше в подразделения по назначению. Было страшно: шум, стрельба, страшный грохот. Нас никто не охранял. И мы все делали сами; кроме карабинов и патронов, у нас ничего не было. Одна ночью с карабином в руках, а кругом мерещатся враги. В дождь и в снег, в любую непогоду. Но мы уже стали привыкать к такой жизни. Да мы же были гвардейцы.

9 мая были мы в Чехословакии. После дежурства услышали шум, стрельбу, обычно мы останавливались в фермерских хозяйствах, окруженных полями. Выскочили на улицу. Солдаты, которые находились недалеко, кричали: «Война закончилась!» Стреляли из всех боевых средств, у кого какие были. Вот это была радость! А как же мы гордились за свою страну! Через некоторое время стали отправлять домой, в Россию. В первую очередь воинов старшего возраста. Эшелон за эшелон. А нам тоже очень хотелось домой, но служба продолжалась до февраля 1946 года. Жаль, парад Победы так и не удалось увидеть...

Римма Петровна награждена медалью «За победу над Германией», орденами «Отечественной войны 2 степени» и «За взятие Вены».

После войны она окончила Свердловское педучилище и 18 лет проработала учителем начальных классов, в том числе с 1961 года в школе №3 города Качканара. Она уделяла большое внимание патриотическому воспитанию школьников: проводила беседы, игры, встречи с ветеранами, и не только для своего класса; участвовала в работе Ленинской комнаты, помогала школьному музею по гражданско-патриотическому воспитанию.

В 1968 году Римма Петровна была утверждена заведующей отделом культуры города. Работая в этой должности, она много сделала для открытия художественной школы, библиотек и расширения музыкальной школы.

В 1982 году стала пенсионеркой. Но неугомонная Римма Петровна, как и раньше, не сидела дома. Много лет она активно участвовала в работе городского Совета ветеранов, ходила в школы на встречи с учащимися, молодёжью. Её сын, под влиянием матери, стал офицером Советской Армии, как и некоторые его школьные друзья.

В ТЫЛУ, КАК НА ФРОНТЕ

Мы привыкли уважительно говорить «фронтовики», подразумевая всех ветеранов войны. Но не все они воевали на фронте. Сколько ветеранов Великой Отечественной войны никогда не были на переднем крае, не участвовали в боях. Их полем боя был тыл, где надо было строить и охранять стратегические объекты (а в войну многие объекты были стратегические), учить новобранцев, испытывать новое вооружение, лечить раненых. Они несли свою службу, чтобы у фронтовиков был крепкий и безопасный тыл.

Иван Михайлович Огнёв

Ивана Михайловича Огнёва многие знают и помнят. Это известный в нашем городе человек.

В тридцатые годы прошлого века из центра России на Урал было сослано немало людей. Среди них и семья Огнёвых. Они приехали в посёлок Троицкий. Вместе с остальными сосланными стали делать сруб, обживать новые места. Тогда маленькому Ване было восемь лет. Он был не по годам сильным и смышленным мальчиком. Больше всего на свете Ваня любил играть в футбол. Босой, с не сходящими на коленях царапинами, он мог целый день гонять на пустыре тряпичный мяч. Вскоре у него появилась своя босоногая команда из соседских мальчишек. Яростными были те первые футбольные баталии... А Иван строго следил, чтобы во время игры азартные игроки не нарушали неписаные правила и игра не переросла в ссору, за эту справедливость и бесстрашие его уважали и старшие ребята.

Окончив школу, Иван решил стать преподавателем физкультуры. Но неожиданно началась война – и все его планы рухнули. Как и всех молодых парней, восемнадцатилетнего Ивана призвали в Армию. Но на фронт он не попал. Призывник Иван Огнёв был на-

правлен в учебный танковый полк, который базировался в Нижнем Тагиле. Спортивный и грамотный, Иван сразу обратил на себя внимание командира взвода. Учёба давалась ему легко, помогли довоенные занятия спортом и привычка к дисциплине. Быстрее многих осваивал он учебные дисциплины и надеялся, что совсем скоро его отправят на фронт.

Но его оставили в учебном полку, где он стал инструктором по подготовке и обучению танкистов. Как только ни просился он на фронт! Сколько заявлений он написал! Он мечтал, как о награде, пойти на фронт вместе с теми, кого он выучил. Но приказ есть приказ. Его опыт, выучка и умение учить других были нужны в тылу. Он так и не был на фронте, он служил Родине там, где ему приказали.

Сначала инструктор, потом командир взвода учебного полка, Иван Огнев всю войну готовил для фронта танкистов. Многому нужно научить вчерашнего школьника, прежде чем он станет настоящим солдатом, не так просто это сделать в то короткое время, что отведено на обучение, но по приказу своего командира курсанты ещё и усиленно занимаются физической подготовкой, закаливанием. Не всем им это нравилось, но как откажешься, когда командир делает то же самое вместе с курсантами, подавая пример. Но как же потом его благодарили, когда, попав на фронт, чувствовали, что и сил у них больше, и устают они меньше, значит, и фашистов бить будут лучше. Взвод за взводом уходили вчерашние курсанты на фронт, а Иван Михайлович принимал призывников и снова учил. Сколько он подготовил танкистов для фронта, он не знает точно, но много, не одну сотню.

Иван Михайлович Огнев награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.»

После войны Иван возвратился домой. Проработав всю войну с молодёжью, он и в мирной жизни находит в этом своё призвание. Усвоив в армии и поверив в девиз «В здоровом теле – здоровый дух». Иван Михайлович поступает на Всесоюзные курсы при Ленинградском институте физкультуры имени Лесгафта и в 1954 году с отличием заканчивает их.

Трудовая деятельность Ивана Михайловича началась с преподавания физической культуры в средней школе поселка Ис, где он зарекомендовал себя как человек, знающий свое дело. Вскоре начинается строительство Качканара, и Ивана Михайловича приглашают в трест «Качканаррудстрой» инструктором физкультуры.

Потом начались годы работы в школе, где он пользовался неизменным авторитетом у ребят и преподавателей. Много време-

ни молодой учитель отдавал внеклассной работе: организовывал соревнования по футболу и волейболу, лыжным и конькобежным гонкам, а по вечерам вел занятия секций. Много времени отдавал занятиям с будущими призывниками, готовя их к службе в армии, воспитывал уважение с армии, к её истории. В течение десяти лет Огнёв Иван Михайлович был начальником и более 15 сезонов - физруком пионерского лагеря «Орленок», где на первом плане всегда было физическое и патриотическое воспитание детей. При неудаче какого-либо отряда подбадривал ребят: «Главное - не победа, а участие!».

Не оставался в стороне от спорта и сам Иван Михайлович. У него первый разряд по лыжам, футболу, легкой атлетике, хоккее с мячом, второй разряд по волейболу и баскетболу. Но все же любимыми видами спорта И.М. Огнева всегда оставались футбол и легкая атлетика. Именно благодаря его усилиям в день открытия стадиона «Горняк» состоялся запомнившийся всем любителям спорта футбольный матч между ветеранами Москвы и Качканара, в котором, конечно же, участвовал и сам Иван Михайлович.

Помимо преподавательской деятельности в СПТУ №87 и ряде школ, Иван Михайлович был тренером во Дворце спорта, директором стадиона «Горняк» и хоккейного корта «Кристалл». После ухода на пенсию до последнего дня жизни работал Иван Михайлович в коллективе физкультуры «Фотон».

За большой вклад в дело физического воспитания подрастающего поколения И.М.Огнев награжден значком «Отличник народного просвещения» и множеством дипломов и почетных грамот.

Бруно Людвигович Гальвас

Не довелось воевать и одному из директоров нашей школы, интереснейшему человеку Бруно Людвиговичу Гальвасу. Немец по происхождению, волею войны оказавшийся на Урале, он оставил заметный след в истории школы №3.

Родился он в 1919 году в городе Цюрихталь в Крыму в семье ссыльных немцев. Он подростком остался сиротой и быстро понял, что помогать ему никто не будет, он может полагаться только на себя. Закончив семилетку, в 15 лет он начал свою трудовую деятельность учителем начальных классов в пригороде Джанкоя посёлке Киянлы, а через год в посёлке Бейсу, где и проработал вплоть до эвакуации на Урал в августе 1941года.

В феврале 1942 года Бруно Гальвас мобилизован Полудинским РВК (районным военным комиссариатом) в трудовую армию и направлен на строительство объектов военного значения Свердловской области.

В феврале 1942 года он зачислен на работу по мобилизации и назначен комендант-нарядчиком отряда мобилизованных в городе Тавда, где работал в должности бригадиром на строительстве гидролизного и фанерного заводов. Бруно Людвигович упоминал, что после 1943 года на стройках работали и пленные немцы, к которым относились хоть и настороженно, но вполне терпимо, хорошо кормили и лечили. К нему пленные относились с доверием, и некоторое время он даже руководил отрядом военнопленных, рывших вручную котлованы на стройке. Сам Бруно Людвигович не афишировал, что он немец, но это было записано в документах, и рабочие не понимали, почему немец ими командует. Не сразу, но ему удалось завоевать их доверие и уважение.

Работали по 12- 14 часов, без выходных и отпусков. Опоздание на работу даже на пять минут считалось военным преступлением и каралось по законам военного времени очень сурово. Среди отрядов мобилизованных рабочих поддерживалась армейская дисциплина. Все продукты можно было купить только по карточкам или из-под полы на рынке у спекулянтов. Спецовки не выдавали, а новой одежды было не купить, поэтому ходили в старой с заплатами одежде, но не жаловались, понимали, что главное - обеспечить фронт. Тем, кто перевыполнял нормы вы-

работки, давали премию - талоны на усиленное питание или на одежду. Но нормы были огромные, и нужно было приложить немало сил, чтобы их выполнить, а уж перевыполнить... Невыполнение нормы выработки считалось преступлением перед фронтом и фронтовиками.

В конце 1944 года в трест «Тагилстрой» Нижнего Тагила, где находился Тагиллаг НКВД, прибыла большая группа военнопленных. Сюда же, как знающий немецкий язык и уже работавший с военнопленными, переведён и Бруно Людвигович Гальвас десятником отдела технического снабжения. Здесь он и встретил Победу. Бруно Людвигович мечтал сразу после войны вернуться на Родину, но ему не позволили. В ноябре 1945 года он был переведён на спецпоселение, стране нужны были рабочие руки. Потом была работа в Гороблагодатском стройуправлении в городе Кушва. Война для Гальваса растянулась на много лет.

И только в 1952 году Бруно Людвигович смог уволиться из стройуправления и снова заняться педагогической деятельностью. Урал за многие годы стал его второй родиной, здесь он и остался. В 1991 году Бруно Людвигович Гальвас награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941- 1945 гг.».

ПЕРЕЖИВШИЕ ОККУПАЦИЮ

Среди педагогов нашей школы есть те, кто в годы войны был ребёнком и, оказавшись на оккупированной территории, увидел другую войну, войну, где сильные, сытые мужчины, фашисты, озверевшие от безнаказанности, воевали с голодными детьми, женщинами и стариками. Воевали, мучили голодом, уничтожали, но так и не добились победы.

Зоя Михайловна Косякова

Её сверстникам, которые встретили войну детьми, многое пришлось увидеть и испытать. Они знают, как рвутся бомбы и снаряды, как гибнут люди, что такое голод и что такое зверства фашизма.

Когда началась война, Зое было шесть лет. В сентябре 1941 года пришли фашисты. Сначала они бомбили, обстреливали снарядами. Вечером целая колонна мотоциклистов захватила деревню Погребы Брянской области, где она жила. Немцы сразу стали грабить, отнимать скот, продукты, заняли

дома, а жителей загнали в сарай. Началась расправа над коммунистами, комсомольцами и теми, кто выступал против немцев. Была установлена виселица, где вешали советских людей. Молодых девушек и юношей угоняли в Германию. Их раздавали хозяевам, на которых они работали. Почти никто из них не вернулся домой.

Два года дети не учились. В школе была конюшня для немецких лошадей. Немцы совершали карательные акции в лесах, где были партизаны, а их в Брянских лесах было очень много. Если немцам удавалось захватить семьи и самих партизан, они жестоко расправлялись с ними: детей и женщин закапывали в землю живыми, мужчин жестоко пытали.

Отступали немцы так же быстро, как и наступали. Местных жителей, оставшихся в живых, угоняли с собой. Во время одного боя немцы не заметили, как несколько семей отстало в сторону от колонны. Так они остались жить и утром уже обнимались с советскими солдатами-освободителями. Многие жители деревни, где жила Зоя Михайловна, два года работали в Германии на немцев и вернулись лишь после Победы.

Последние два года войны её односельчане уже не слышали разрывов бомб и снарядов, но их ждали голод, разруха. Многие гибли от мин и снарядов, оставшихся в земле.

Сначала вырыли землянки и жили в них, мебелью служили ящики из - под снарядов. В школу ходили в соседнюю деревню, учебник был один - у учительницы. Чернильный карандаш и бумага, тетради из старых газет, были немислимой ценностью, писали даже на обратной стороне немецких листовок, каким-то образом сохранившихся в бывшей управе и попавших в школу. Лицевую сторону их старательно замазывали сажей. Но дети стремились учиться изо всех сил. Одеты в лохмотья, полуголодные, разных возрастов, в одном классе учились переростки. Они были рады, что остались живы, и старались учиться - отличников было много даже в седьмых классах.

Много лет Зоя Михайловна гнала от себя страшные воспоминания, но они возвращались в снах. Красивая, уверенная в себе женщина плакала и кричала, просыпаясь, а потом боялась заснуть и снова услышать звуки выстрелов. Она приложила немало сил, чтобы её послевоенная жизнь ничем не напоминала о военном лихолетье: успешно закончила школу, педагогическое училище, институт, уехала далеко от родных мест - на Урал. И даже близкие подруги не знали о её военном детстве.

Долгое время она отказывалась от бесед о войне с учащимися даже своей школы. Но с годами воспоминания стали менее болезненными. Зоя Михайловна стала частым гостем школьного музея.

На встречах с учащимися она говорит: «Сейчас, когда я вижу кусочек хлеба или булки, валяющийся на полу, у меня сердце обливается кровью. Ведь нам в войну кусок чёрного хлеба был слаще любых лакомств, мы о нём только мечтали, а вкуса колбасы и конфет мы не знали вообще. Мне хочется всем, кто не знает ужасов войны, ещё раз напомнить, чтобы ценили всё то, что ценой своих жизней отстаивали советские люди. Помнить, какой ценой завоёвано счастье. А это значит – хорошо учиться и трудиться, участвовать в общественной жизни, иметь активную жизненную позицию. Этим вы будете вносить свою лепту в дело укрепления и сохранения мира на земле».

В последние годы Зоя Михайловна вернулась туда, где прошло её детство. Село, где она жила когда-то, выросло, всё изменилось. И только памятник на центральной площади да воспоминания ветеранов не дают забыть о прошлом.

Таисья Фёдоровна Фёдорова

Она родилась в деревне Лукино Сычёвского района Смоленской области. В июле 1941 года её отца призвали в армию, но вскоре вдруг он явился в военной форме, с вещевым мешком, полным продуктов; дети, конечно, очень обрадовались, до сих пор не зная причины его возвращения. Он сказал: «Скоро придут фашисты, будьте готовы ко всему».

В конце августа 1941 года пришли фашисты. Выгнав всех, они поселились в тех домах, которые им были нужны, остальные заминировали, и начался грабёж: гусей, кур на мотоциклах ловят, шею об коленку – и в коляску; поросят, овец, коров на веревках тащат.

В полях и огородах всё уже поспело, было кое-что убрано и спрятано, но предатели из местных жителей всех выдавали. Всё было забрано, не только пища, но и одежда. Не гнушались ничем: ни детским бельём, ни взрослым. С ног снимали всё, что им казалось хорошим. Всё, что ещё осталось на полях, заставили убрать, как они уверяли, для Германской армии. Люди старались убирать плохо, чтобы потом хоть кое-что досталось себе. Но конвоиры выслеживали и, словно угадывая намерения, били и заставляли перекапывать. Если кого видели потом в огороде или в поле – убивали.

И ещё больше требовали: «Яйца, matka, масла, молоко, картошки». Сами кругом лазили, проверяли.

С первых дней оккупации было проведено унижительное зрелище: всех, чуть похожих на евреев, согнали вместе с детьми в один дом, без окон и дверей, и расстреляли. Все, кому 12 лет и старше, мужчины и женщины, должны были являться на работу. Все получили номера, по которым должны были отмечаться. Таисья Фёдоровне было уже 12 лет, но её оставили: она была очень маленькая ростом, худенькая, а все, кто знал о ее возрасте, молчали.

Кругом всё гремело. Бои почти не прекращались: летели снаряды, свистели пули над головой. С невероятным жутким воем носились немецкие бомбардировщики, сбрасывая бомбы.

Через полгода Таисья Фёдоровна заболела тифом. Всех больных собрали в один очень дальний дом, самый маленький, обнесли большим забором, колючей проволокой. Люди боялись, что их подожгут. Их не лечили, родственники и соседи тайком передавали продукты и лекарства, у кого какие были. Выжила она чудом.

Потом у Таисии Фёдоровны умер отец, и они с младшим братом остались одни. С этого времени они старались быть больше в окопе – там было холодно, от реки натекала вода, но там было не так страшно. В окопы нужно было идти тайком, а иначе, если увидят, обязательно пустят снаряд. Всех гнали смотреть, как фашисты расстреливают и вешают наших людей. Обычно это было рано утром. Если эта казнь была в соседней деревне, всё равно гнали смотреть..

В деревне бои почти никогда не прекращались и только в короткие минуты затишья, когда в деревне не было немцев, дети бежали домой, искали, что можно поесть. В пищу шли крапива, лебеда, картофельные очистки, настоящей еды давно не было.

В марте 1943 года немцы поспешно покинули деревню, даже не успев её сжечь. А часа через два выжившие жители увидели верхом на конях разведчиков в белом. Дети почти все очутились на лошадях. Все плакали, радовались, обнимались, радости не было конца. А чуть позже пришли советские войска. В бараках, которые немцы заставили выстроить для себя, расположился госпиталь. Таисья Фёдоровна вместе с братом какое-то время жили при госпитале. Она вспоминает: «Я почти всё время находилась в бараке, где лежали тяжело раненые, подавала им пить, закручивала им папироски, писала письма, а однажды я тихонько запела, они затаённо слушали и потом всё время меня просили: «Спой, дочка».

Наконец пришла уверенность, что фашистов прогнали. Люди начали возвращаться к жизни, стали готовить огороды, поля. В июле 1943 года сирот отправили в детский дом. Из Смоленской области

детей, 400 человек, эвакуировали на Урал. Маленькие и тщедушные, слабые от голода, дети тяжело болели, и требовалось много сил, внимания и заботы, чтобы поднять их на ноги. Но, хоть и не сразу, выздоровели почти все. Дети постепенно снова научились смеяться, вспомнили детские игры. Некоторых, самых маленьких, взяли в свои семьи уральские женщины. Пять лет Таисья Фёдоровна и её брат воспитывались в детском доме Октябрьского района города Свердловска.

Пережитое навсегда осталось с ней в воспоминаниях, давая знать о себе болезнями, жуткими снами и вечным голодом, когда есть уже не можешь, а глаза всё голодные, и каждая крошка еды воспринимается как великая ценность.

Вы – наша совесть, ум и честь!

Вдохновителями работы по патриотическому воспитанию, её исполнителями во многом были педагоги, прошедшие войну. Большое значение имело и то, что среди учителей 1960-80-х годов было немало тех, чьи детские годы пришлось на военное лихолетье. Они с детства с большим уважением относились к фронтовикам, видя в них защитников Родины и солдат-победителей. Эти чувства они передавали и своим ученикам.

С первых дней создания пионерская дружина школы боролась за право носить имя Героя Советского Союза Д.М. Карбышева и в 1965 году добилась этого права. Пионерским отрядам присваивались имена пионеров-героев и героев Великой Отечественной войны. Под руководством педагогов проводились Вахты памяти, посвящённые Героям Великой Отечественной войны; поисковые отряды собирали материал о качканарцах-участниках Великой Отечественной войны и Героях Советского Союза. Так в школе появился отряд имени Героя Советского Союза Владимира Петровича Скорынина. Его организовала учитель Тарасова Вера Ивановна. Её ученики не только собирали о нём материал, но и шефствовали над матерью Героя, выезжали на его родину, в посёлок Косья, переписывались с его боевыми товарищами.

Не только ветераны-педагоги, но и ветераны города приглашались на встречи с учащимися, участвовали в походах по Уралу вместе с туристами-школьниками. Старшеклассники под руководством фронтовиков-военруков учились владению оружием, рукопашному бою, выезжали на военные сборы за город, в лагеря. В подвале школы оборудовали тир, где школьники учились стрелять. В школе проводились смотры строя и песни, смотры агитбригад, военизированные игры для учащихся всех возрастов и многое другое. И во всех делах рядом с учащимися были их педагоги, подавая личный пример. И не зря одному из ветеранов ученики посвятили учениками эти строки:

Известно школьникам давно:
Учёба – двигатель прогресса.
А Вы – центральное звено
Всего учебного процесса!
Вы – наша совесть, ум и честь!
Вся школа знает: счастье – это
Когда такой директор есть!

Более 20 выпускников нашей школы связали свою жизнь со службой в армии, 12 выпускников участвовали в военных действиях на территории Афганистана. Педагогами-ветеранами войны был заложен крепкий фундамент патриотического воспитания, которое продолжается и сейчас.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ

30 лет назад в посёлке Валериановске открыт Мемориал землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны

Николай СЕМЕНОВ

«ПОДВИГ ТВОЙ, СОЛДАТ, БЕССМЕРТЕН!»

«**П**одвиг твой, Солдат, бессмертен!» Такие слова высечены на каменной тумбе у ног памятника Солдату в посёлке Валериановске. Этот мемориальный комплекс был возведен в 1985 году, к 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Расскажу, как это было.

Все было основательно и серьезно, на уровне Качканарского городского Совета во главе с В.Ф. Мироновым, городского комитета партии во главе с Е.С. Савловым и отдела архитектуры, которым руководил тогда И.В. Суслов. А мне пришлось вплотную заняться поисковой работой.

В сороковых годах города Качканара еще не было на карте нашей Родины. На войну с фашистами уходили земляки из поселков: Валериановский, Именновский, Покровский и Вайнера. Сколько их ушло и сколько не вернулось?.. Работа предстояла длительная и кропотливая. Это понял я, побывав в Нижнетурином горвоенткомате и горсобесе. Нужен был доступ к архивам. Но в те времена не каждый допускался к архивным документам, а только те, кто имел разрешение органов КГБ. И стал я искать таких людей. А помогли мне в этом работа в Военизированной охране Качканарского ГОКа и ветеранская дружба с К.Г. Братчиковым, П.Т. Засобой и В.Е. Хоруженко, у которых был допуск к секретным документам.

Мы составили инициативную группу и по согласованию с Комитетами государственной безопасности Качканара и Нижней Туры начали поиск. Работали упорно весь 1981-й, весь 1982-й и до осени

1983 года. Сидели в архивах, неоднократно бывали в Нижней Туре и в поселке Ис, вели опрос коренных жителей Валериановского и Именновского (а поселков Покровского и Вайнера тогда уже не было). Сразу почувствовали, что наша работа не только трудоемкая, но и увлекательная, а также интересная, полезная и радостная для людей, чьи родные не вернулись с войны. Это вдохновляло нас, придавало силы и упорства. Мы уже выявили и уточнили фамилии 80 погибших, но знали, что это неполные данные: ведь призвано на фронт было 312 человек

1 декабря 1983 года состоялось совместное совещание городского совета ветеранов и комитета содействия военкомату. На совещании было принято решение о строительстве памятника погибшим землякам. Я рассказал о проделанной работе и предложил увеличить поисковую группу до 11 человек. Теперь она выглядела так: Семенов Н.М. – председатель, Братчиков К.Г. – заместитель, Засоба П.Т. – секретарь; члены: Хоруженко В.Е., Мамонтов В.В., Молдованов И.В., Галышев Е.И., Отрепьев В.Г., Прядильщиков А.А., Пушкарёв В.Н., Смирнов В.В.

Этим составом мы очень напряженно работали с декабря 1983-го до мая 1984 года. Были проверены все архивные документы, касающиеся 1941- 1951 годов, то есть со дня возможного призыва и до конца увольнения в запас участников войны. Были уточнены данные о гибели воинов. Мы проверили все списки на памятных местах Нижней Туры, поселков Ис и Косья. Пришлось пересмотреть почти 20 тонн архивных бумаг. Было отправлено более 800 запросов по всем архивам Советского Союза – от Ленинграда, Москвы, Бреста, Минска, Кишинева до Ташкента и Владивостока. Списки погибших все увеличивались. Осенью 1983 года их значилось 80, к маю 1984-го – 106, а всего 118.

24 апреля 1984 года на совместном совещании совета ветеранов и комитета содействия было принято решение о немедленном начале строительства памятника погибшим землякам. А на торжественном собрании в честь Дня Победы 8 мая 1984 года первый секретарь Качканарского горкома КПСС Савлов Е.С. заверил, что к 9 Мая 1985 года памятник будет построен. Контроль за его строительством он взял на себя.

Потом долго спорили, выбирая место для мемориала. Одни предлагали парк «Строитель», другие – площадь перед кинотеатром «Юность», третьи – даже гору Долгую. А чего спорить-то? На Долгой горе в сороковых годах ничего не было, кроме тайги да медведей. На фронт уходили из поселков – значит, в поселке памятнику и стоять. Выбрали в Валериановске возвышенное место, где ранее был поселковый клуб, и работа начала набирать темпы.

Сооружение мемориала стало общегородским и поистине святым делом. В первых рядах был трест «Качканаррудстрой». Мемориальный комплекс возводило строительное управление №7 под руководством прораба Нины Храбровой. Активно подключились завод ЖБИ треста «Тюменьнефтегазстрой», автобаза №5 во главе с Д.В. Тарарухиным и, конечно, Качканарский горно-обогатительный комбинат во главе с Н.Я. Ереминым. Особенно плодотворно трудились бригада Желонкина и другие рабочие Главного и Северного карьеров. Заводу по ремонту горного оборудования КЗРГО было поручено изготовить памятные плиты. Координировать работу помогали председатель Валериановского поселкового Совета Клавдия Степановна Селезнева и ее заместитель, неугомонный и очень ответственный Виктор Матвеевич Прокошев. Постоянно следила за ходом работ и наша поисковая группа.

К весне 1985 года поклонное место было готово. Доставили сюда и бронзового Солдата. Он долгое время находился в ближайшей к Качканару воинской части, а потом в одном из наших пионерских лагерей. Теперь его почетное место здесь. Фигуру Солдата не стали поднимать на пьедестал, на каких обычно возвышаются памятники. Пусть Солдат стоит на земле, которую защищал, пусть будет рядом с благодарными земляками.

7 и 8 мая 1985 года бригада маляров треста «Качканаррудстрой» вела побелку и покраску всего памятного комплекса. 9 мая, рано утром, я проверил - краска еще не совсем просохла. Но! В день 40-летия Победы, 9 мая 1985 года, в 12 часов - памятник был открыт!

Такого многолюдия Валериановск не видел, пожалуй, за всю свою историю. Звучала музыка и, будто в воздухе, – слова: «Через года, через века – помните!»

Вот подходят к памятнику открывающий митинг председатель городского совета ветеранов Николай Иванович Балышев и пионер Валериановской школы Олег Исаков. Медленно сползает вниз покрывало - и открывается фигура воина. Автомат, опущенный в землю, словно символизирует: войне – конец! Край плащ-палатки откинут майским ветром 1945-го. Звучит скорбная музыка, длится скорбная минута молчания. К ногам Солдата возлагаются цветы, гирлянды, венки. Звучат хорошие слова выступающих.

Особенно трогательным было выступление Валентины Федоровны Голиковой, первой учительницы Валериановской школы. Она говорила о семьях погибших, о мальчиках, ставших героями.

Миша Сибриков еще до войны служил в Минске. Было письмо от 17 июня 1941 года. А в газете потом прочитали, что он со связкой гранат подбил немецкий танк. Больше вестей не было.

Сергея Сергеев писал: «Если переплыву Днепр – напишу». Но письма больше не было. Видимо, Днепр стал для солдата могилой. **Зиляль Шайхисламов** был водителем. В первомайской открытке 1944 года поздравлял родных, надеялся на скорую встречу. Но 16 ноября 1944 года погиб в Восточной Пруссии. **Паша Лужбин** был связистом, погиб в самом начале войны. Погибли **три брата Валиулиных: Мартын, Гатамхан, Малакай**. Погибли **братья Блиновы: Борис и Виктор**. Погиб Николай Дрямин. Погибли комсомольские вожаки школы **Саша Черных** и **Леня Исаков**. Погибли, погибли, погибли... Валентина Федоровна поклонилась своим мальчикам, своим ученикам - за подвиг, за Победу.

Все эти мальчишки и другие погибшие земляки воплотились теперь для валериановцев в мужественной фигуре Солдата. А рядом с ним -памятная книга. Увековечить фамилии героев-земляков помогли на Качканарском заводе по ремонту горного оборудования, где старательно отливали букровку за букровкой и писали эту книгу на восьми каменных листах. Заветное место в Валериановске обнесено металлической оградкой, изготовленной на Главном карьере Качканарского ГОКа.

Открытие мемориала стало для жителей поселка и для всех нас «праздником со слезами на глазах». С тех пор к бронзовому Солдату приходят и стар, и мал. А для Валериановской школы, которая вместе с директором Ниной Григорьевной Вараксиной взяла шефство над мемориалом, Солдат стал незаменимым помощником в патриотическом воспитании подрастающего поколения.

Время идет, все дальше отодвигая суровые сороковые годы. Но пусть не сотрется из памяти народа Великая Отечественная, как не сотрутся на памятнике короткие слова: «Подвиг твой, Солдат, бессмертен!»

ДОКУМЕНТЫ

«И МЫ НЕ ДОЛЖНЫ ОТСТАТЬ...»

В канун юбилея Великой Победы руки как-то сами потянулись полистать дела фонда №1 «Валериановский поселковый совет народных депутатов» за 1941 – 1945 годы.

Никаких особых откровений в этих документах нет, все обычно, однако за ними – жизнь, жизнь не книжно-киношная, а реальная, земная.

Вот протокол №1 заседания исполкома поссовета от 7 января 1941 года. На повестке дня один вопрос: «Об итогах переписи скота на 1/1 – 1941 года». Мероприятие это (в смысле перепись), проводилось ежегодно, но не с познавательной, а сугубо практической целью: государство стремилось немало поиметь с личных подворий. Поэтому в постановляющей части содержится требование привлечь к ответственности за укрытие скота. «Укрывателей» оказалось два человека: некий житель поселка Именновский «укрыл козла и козу», а житель Петровского - так и вообще лошадь.

Всего же на территории Валериановского поссовета (поселки Валериановский, Именновский, Петровский, Вайнер) имелось: коров – 151, нетели покрытой (поняли, горожане, о чем речь?) – 9, непокрытой – 6, бычков – 12, телочек – 40, меринков – 21, кобылиц – 14, жеребчиков – 3, жеребят от года до двух – 1, баранов – 3, маток – 130, ягнят – 132, козлов – 1, коз – 58, козлят – 24, их же до 6 месяцев – 5, свиноматок – 2, поросят – 49. Мы это перечислили потому, что этим «страховым фондом» наши земляки будут выживать в годы войны. Особенно помогут коровки. Этих милых животных Господь создал специально, чтобы спасти людей от голодной смерти. Вот и в войну много приходилось сдавать молока, но что-то и оставалось. К этому если еще и картошка – тем и выживали.

Далее наше внимание привлек «бюджетный процесс» того времени.

Протокол №2

**заседания исполнительного комитета Валериановского поссовета депутатов трудящихся
раб. пос. Валериановский**

27 февраля 1941 года

Присутствует членов исполкома: т.т. Бабилов В.А., Углова Т.А., Гаврилов К.Н., Горбунов Г.А..

Отсутствует членов исполкома т. Мелкозеров Т.Е. – командировка, Чертищев В. А. – не явился ввиду отдаленного участка.

Присутствуют депутаты пос. совета т. Кожина А.С., Пономарева Т.А.

Приглашенные: Попов Ф.П. – от Валериановской начальной школы, Шаклеина Е.А. – от Валериановских д/яслей, Ситникова А.Ф. – от Валериановского фельдшерского пункта.

Председательствует тов. Бабиков.

Повестка дня:

Одобрение проекта бюджета Валериановского пос. Совета на 1941 год.

Слушали: Проект бюджета на 1941 год Валериановского поссовета

Докладывает тов. Бабиков.

Выступили в прениях: тт. Гаврилов К. Н., Горбунов Г. А.

Указали на недостатки работы 1940 года, на слабое финансирование благоустройства поселка, предложили увеличить ассигнования на строительство квартир Совета и на выкоп колодцев в количестве 3 штук: Вайнер - один, Валериановский - 2 колодца.

Решили:

Одобрить проект бюджета на 1941 год по Валериановскому п/совету.

По доходной части в сумме - 130250 р.

Изыскать из местных ресурсов и гос. налогов 20155 р. и дотации из райфонда регулирования 40100 р.

По расходам:

По просвещению - 42495 р.

По управлению - 17600 р.

По благоустройству поселка - 10000 р.

И по строительству квартир совета - 20000 р.

Всего по расходам - 130250р.

Пред. исполкома: Бабиков

Секретарь: Углова

Вот так. Никакого вам дефицита, профицита.

Следующий документ – эпизод истории образования в Качканарском городском округе.

Протокол №10

заседания исполкома Валериановского п/совета

раб. пос. Валериановский

17 июля 1941 года

Присутствовало членов исполкома: т.т. Бабиков В., Попова Т., Горбунов Г.

Отсутствует членов исполкома: 2 человека находятся в армии.

Присутствовало депутатов совета: т. Пономарева.

Под председательством т. Бабикова.

Повестка дня

О переводе школы с Вайнера на поселок Петровский.

Докладывал т. Бабилов

Вопросы – 4.

Решение:

Заслушав сообщение председателя пос. совета о том, что ввиду переброски рабочих с поселка Вайнер на поселок Петровский, школу с Вайнера перевести на поселок Петровский ввиду большинства учащихся, проживающих на поселке Петровский.

Исполком пос. совета решил просить исполком райсовета воздействовать на Исовское приисковое управление о выделении казармы лесоучастка для здания школы, находящейся в поселке Петровский, которая вполне соответствует для своего назначения.

Пред. исполкома п/с: Бабилов

Секретарь: Попова

А в этом документе уже явственно ощущается дыхание войны

Протокол №11

заседание исполкома Валериановского п/совета депутатов трудящихся

пос. Валериановский

9 августа 1941 года

Присутствовало членов исполкома – т. Бабилов В., Попова.

Отсутствует членов исполкома 3 человека: Гаврилов, Горбунов, Мелкозеров (находится в армии).

Под председательством т. Бабилова.

Повестка дня

Создание поселкового штаба.

Докладывал т. Бабилов

Вопросов три.

Говорили в прениях: «Штаб должен следить за ходом занятий по ПВХО, проверять, все ли граждане посещают занятия, если нет – то почему».

Решили

Поселковый штаб создать из 3-х человек.

Входят: нач. штаба Бабилов, зам нач. штаба Лаптев, член штаба Голиков С., кандидат Поляков.

Пред. исполкома п/с - секретарь Пономарева

Среди злободневных проблем обеспечения текущей жизнедеятельности в повестке дня нередко вопросы типа:

- Проработка письма о сборе теплых вещей для бойцов Красной Армии.

- Проработка решения райсовета о заготовке сушеного картофеля для нужд РККА.

- Обсуждение решения райсовета от 23/II 1942 года за №83 о бытовом обслуживании раненых красноармейцев и командиров, вышедших из госпиталей, и т.д.

**Протокол №1 заседания исполнительного комитета Валериановского пос/совета депутатов трудящихся
раб. пос. Валериановский 26 января 1942 года**

Присутствует членов исполкома: т. Попова.

Отсутствуют члены исполкома по уважительным причинам: Чертищев, Мелкозеров, Бабиков, Гаврилов.

Присутствует депутатов совета: Кожина, Пономарева, от парторганизации Кожин. Приглашен актив 6 чел.

Председательствует тов. Попова.

Повестка дня

1. Отчеты зав. цехов по обеспечению семей красноармейцев.

Слушали: по первому вопросу начальников цехов об обеспечения семей красноармейцев

Продовикова, Карсканова, Соколова, Дерябина, Лаптева
Вопросов 5.

Выступали в прениях тт. Кожин, Голикова, Лаптев, Попова.

Указали со стороны хозяйственников, цехов есть недостатки в работе, как-то: обеспечение семей красноармейцев. Была договоренность дать лошадь с извозчиком красноармейке Голиковой, на другой день отказали. Хуже всех цехов снабжает драга, как-то: лошадьми для подвозки сена и дров и карточками на хлеб, семьи красноармейцев ходят несколько дней за карточками. В части квартир тоже уделяют мало внимания, есть также квартиры, в которых нет печек, нет возможности жить в таких квартирах. Даже нет огня у красноармейки Колодкиной. И в дальнейшем не должны оставлять без помощи семьи красноармейцев, как-то: без сена и дров.

Решение

Заслушав сообщение нач. цехов по обеспечению семей красноармейцев и оказания материальной помощи, совещание совета решило:

1. Выделить людей из актива для проверки семей красноармейцев и выявления их нужд.
2. Хозяйственнику тов. Дерябину совместно с профоргом Волковым выделить квартиры нуждающимся семьям красноармейцев.
3. Обязать нач. цехов обеспечить лошадьми семьи красноармейцев для подвозки сена и дров.

4. Обязать нач. драги т. Полякова не позднее 25/1 – 42 года осветить светом не только квартиры семей красноармейцев, но и всю вторую половину поселка.
5. В первых числах февраля м-ца заслушать нач. цехов об их проделанной работе.

**Протокол №16
заседания исполкома Валериановского п/совета депутатов
трудящихся**

раб. пос. Валериановский

28 августа 1942 года

Присутствует членов исполкома 2 человека: Попова, Пономарева.

Отсутствует по неуважительной причине: 1 человек - Кожина.

Присутствует приглашенных: 5 человек.

Председательствует т. Попова.

Повестка дня:

2) Обсуждение письма о подписке на строительство санитар. самолетов Красной Армии.

Слушали: обсуждение письма о подписке на строительство санитар. самолетов Красной Армии.

Докладывала Плакса.

Вопросов нет.

Выступили в прениях тов. Кожин и Попова.

Письмо это проработано уже по всем участкам, и люди уже подписываются на строительство санитарного самолета, также и мы не должны отстать и должны подписаться.

Решение

Заслушав сообщение тов. Плакса о подписке на строительство санитарного самолета Красной Армии, исполком п/совета решил:

Для проведения подписки выделить людей и прикрепить по цехам: драга №31 -Продовиков А. Т., горно-старательский - Соколов А. И., лесоучасток – Широков, пос/совет - Шаклеина, неор. население - Лаптева, Плакса, Шалыгина. Подписку закончить и 1/IX – 42г.

Пред. исполкома п/сов Попова

Секретарь Пономарева

Мужество и героизм наших земляков на фронте, самоотверженный труд в тылу, особенно на добыче стратегического металла – платины, и даже архивные документы свидетельствуют, что мы «не отставали» от всей страны, внося свой вклад в достижение победы.

**Вступительная статья,
подготовка текста и комментарии М.Титовца**

Сергей КАДАЧИКОВ

Сергей Васильевич Кадачиков родился 22 января 1922 года в посёлке Ис. После окончания в 1939 году 10 классов Исовской средней школы поступил учиться в Свердловский юридический институт, но уже в августе 1940 года призван на службу на Дальний Восток. Закончил военно-политическое училище в городе Хабаровске. Активный участник войны с Японией. Демобилизовавшись в 1947 году, заочно закончил юридический институт. Работал адвокатом в Салде, народным судьей в Шалинском районе, заместителем директора ремесленного училища в городе Серове. С августа 1960 – в Качканаре: начальник отдела кадров строительного управления №1 треста «Качканаррудстрой», началь-

ник управления треста «Уралсантехмонтаж». С 1970 года и до выхода на пенсию работал начальником РСУ на Качканарском ГОКе.

Многолетний лидер ветеранского движения в Качканаре. За многолетнюю активную работу в ветеранском движении, направленную на повышение качества жизни людей старшего поколения и патриотическое воспитание граждан Свердловской области в 2013 году награжден орденом «За заслуги в Ветеранском движении»

ВETERАНСКАЯ ГВАРДИЯ КАЧКАНАРА

9 мая 1945 года закончилась победой над фашистской Германией Великая Отечественная война. Война принесла огромные жертвы. 1\3 народного хозяйства была разрушена. Миллионы раненых вернулись в родные края. Они нуждались в заботе: лечении в госпиталях, установлении инвалидности и получении пенсионных пособий. Была необходимость в создании организации по социальной защите ветеранов, инвалидов войны.

Такая организация была создана в 1956 году по инициативе Г.К.Жукова (великий полководец тогда был министром обороны). 29 сентября этого года состоялась учредительная конференция Советского комитета ветеранов войны. Первым руководителем Комитета стал легендарный полководец А.М.Василевский. (В по-

следующем, после распада СССР в 1992 г. преобразован в Российский комитет ветеранов войны и военной службы (РКВВС), а в 2008 г. в Общероссийскую общественную организацию ветеранов войны и военной службы).

В республиках были образованы республиканские комитеты, в областях, городах, районах соответствующие комитеты ветеранов (инвалидов) войны и военной службы. 17 февраля 1963 года Президиум Советского комитета ветеранов войны (СКВВ) принял решение о создании Свердловской секции, которая вскоре станет мощной областной организацией.

В 1963 году создается Нижне-Туринский Совет ветеранов, который возглавил активный участник Великой Отечественной войны, военный лётчик Василий Иосифович Янчевский. В составе Нижне-Туринского Совета находились ветеранские организации посёлка Качканар. А непосредственно в Совет были избраны качканарцы Н.М.Семёнов, С.С.Мальцев, С.М.Урванцев, П.К.Шитоев, А.Н.Чудинов.

Очень важная дата – 1965 год. В этом году как никогда широко и торжественно отмечался День Победы. К этому времени были созданы ветеранские организации практически на всех крупных предприятиях, учреждениях и организациях.

В 1968 году Качканар становится городом. Стал вопрос о создании собственного Комитета. В апреле 1969 года состоялась учредительная конференция, на которой был избран Качканарский городской Комитет ветеранов войны. В его состав вошли уважаемые ветераны, пользовавшие большим авторитетом:

- Балышев Николай Иванович;
- Будилов Александр Васильевич;
- Звягин Дмитрий Павлович;
- Золотых Григорий Дмитриевич;
- Кадачиков Сергей Васильевич;
- Корюков Владимир Дмитриевич;
- Литвиненко Нина Фёдоровна;
- Мальцев Семён Степанович;
- Наймушин Алексей Григорьевич;
- Новиков Константин Никитич;
- Подчинёнов Евгений Николаевич;
- Семёнов Николай Михайлович;
- Сотсков Николай Петрович;
- Хомутов Владимир Иванович;
- Чудинов Афанасий Никифорович;
- Шитоев Прокопий Кузьмич;
- Юмин Константин Семёнович.

В.И. Хомутов, Н.И. Балышев, К.А. Новиков

Председателем Комитета единогласно был избран В.И.Хомутов. Подполковник запаса, закончивший войну командиром полка, Владимир Иванович был очень деятельным руководителем, постоянно посещал предприятия и организации города, оказывал практическую помощь первичным организациям. Он пользовался большим авторитетом и среди ветеранов, и среди других категорий населения, особенно – молодёжи.

В последующем городскую организацию ветеранов войны возглавляли Н.И.Балышев, З.С. Зильберов, К.Н. Новиков, К.К.Дерябин, С.С. Якимов, С.В.Кадачиков. В начале 90-х годов, когда была создана организация ветеранов войны, труда, Вооружённых Сил и правоохранительных органов, а количество ветеранов войны значительно сократилось, комитет был реорганизован в секцию.

Следует отметить, что в то время был огромный ветеранский актив. Алексеев П.Н., Братчиков К.Г., Ведерников Ф.В., Засоба П.Т., Мамонтов В.В., Мотузов И.Е., Отрепьев В.Г., Питателев С.И., Попов В.А., Попов И.Н., Пьянков А.Е., Смирнов В.Д., Соколова Г.А., Стяжкин П.И., Филистеев Н.И., Хоруженко В.Е. – список можно продолжать и продолжать.

Невозможно переоценить роль ветеранов в трудовых коллективах города. Они были примером добросовестного отношения к труду, наставниками молодёжи. Не случайно у многих из них к боевым награ-

З.С. Зильберов

К.К.Дерябин, С.Г.Екимов, С.В.Кадачиков

дам добавились награды трудовые, а А.В.Мурашов и К.Х.Яппаров удостоены высшей степени трудового отличия – звания Героя Социалистического труда.

Важнейшим направлением деятельности с самого начала становится работа по патриотическому воспитанию качканарцев, особенно молодёжи. В образовательных учреждениях города трудилась плеяда замечательных педагогов-фронтовиков: К.Н.Новиков, И.И.Семёнов, А.В.Безденежных, В.Ф.Ермолин, Р.П.Панова, К.К.Дерябин, С.Н.Фатюшин, А.И.Рогулькин, И.М.Наулайнен, Е.Н.Подчинённых, Б.И.Мохов, К.С.Юмин. По первому зову устремились ветераны в детские и молодёжные коллективы. Беседы, классные часы, уроки мужества оставили глубокий след в сердцах молодых качканарцев, а многих юношей подвигли стать профессиональными военными. И даже когда в стране сменился общественный строй, а с ним и идеологическая парадигма, традиция патриотического воспитания в Качканаре не прерывалась.

Большая заслуга ветеранов в увековечении памяти о наших земляках, как вернувшихся, так и не вернувшихся с полей сражений. В первую очередь стоит назвать создание мемориала в посёлке Валериановске. Дело обстояло таким образом. В 1967 году открывается мемориал в Нижней Туре, в 1974-м в посёлке Ис. Качканарские ветераны также ставят вопрос о создании памятника, ведь на нашей территории были приисковые посёлки, откуда люди уходили на фронт, а многие – не вернулись. Была проведена колоссальная работа по установлению имён погибших, и 9 мая 1985 года в посёлке Валериановске мемориал был торжественно открыт. На его плитах – фамилии не вернувшихся

с войны жителей приисковых посёлков, что располагались на территории нынешнего Качканарского городского округа. Сегодня мы не представляем Качканарский городской округ без этого святого места.

Чтобы не забылись имена ветеранов, в разное время трудившихся на предприятиях и в учреждениях города, было решено создать о них книгу. И снова изыскания, сбор материала по крупицам. Так появилась книга «Они сражались за Родину», в которой запечатлены сведения о более чем 1300 качканарских фронтовиков.

Необходимо также упомянуть о деятельности участника Великой Отечественной войны В.В.Смирнова. Этот неутомимый человек, выйдя на пенсию, занялся сбором информации о своих однополчанах и качканарских фронтовиках. Результатом такой подвижнической деятельности стали книги «Иптаповцы», «Под гусеницами танка», «Сороковые огневые», «Память сердца».

... Время и болезни не знают пощады. Сегодня в Качканаре осталось чуть больше двух десятков ветеранов Великой Отечественной войны. Но это вовсе не означает, что история ветеранского движения в нашем городе заканчивается. Новую интересную главу создают ветераны второй волны: участники Афганской войны, других локальных войн и конфликтов. Как много у них замечательных дел! Они открывают памятники погибшим товарищам, заботятся о родителях погибших, проводят замечательные мероприятия патриотической направленности. Мы, ветераны Великой Отечественной войны, уверены, что дело патриотического воспитания – в надёжных руках. К тому же есть понимание на всех уровнях необходимости такой работы.

Нет сомнений и том, что память об участниках Великой Отечественной войны – и погибших, и вернувшихся домой с победой – будет бережно сохраняться.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

КАЧКАНАРСКИЕ ГРАНИ

Выпуск 4

Редактор –Титовец М.И.
Ответственный за выпуск –Краснопевцева Г.П.
Дизайн и верстка–Тихомиров М.А.

© 2015, Администрация Качканарского городского округа
© 2015, МКУ «Качканарский городской архив»
© 2015, ООО «Издательство «Раритет»

Подписано к печати 15.03.2015
Бумага ВХИ 80 г/м². Печать офсетная
Гарнитура Cambria. Формат 60x90/16.
Усл. печ. листов 15,4
Тираж 1000 экз.

Издательство «Раритет»
620078, г. Екатеринбург, ул. Чаадаева 4-51
Тел/факс: (343) 374-72-87
e-mail: raritetizdat@mail.ru